

ЭЛИЗА
КРЕЙВ

ПОЖИРАТЕЛИ ДУШ, КНИГА ПЕРВАЯ

НАДЛОМ

VK.COM/YOUNGADULTFICTION

STRANGE
CHEMISTRY

SFC

Знакомьтесь с Медой. Она ест людей. Ну, точнее, их души. Но только души тех людей, которые того заслуживают. Она особенная, и не ее вина в том, что она наслаждается этим. Она нехорошая девочка, да, но ничего не может с этим поделать. К тому же, что ей еще остается? Ее мама убита, а других «пожирателей душ» рядом что-то не наблюдается. Во всяком случае, пока она не встречает трех мужчин в костюмах. Они могут делать то же, что и она. Они такие же, как она. Наконец-то, у Меды появилась возможность узнать, кто же она на самом деле. Если бы только не одна проблема: они хотят ее убить. До того, как они успевают это сделать, Меду спасают Тамплиеры, члены элитной группы, посвятившие свои жизни истреблению таких, как Меда. Вот он — шанс! Прикинуться «хорошей девочкой» и, в конце концов, узнать, кто же она такая.

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Элиза Крейв

Надлом

Надлом — 1

Оригинальное название: *Eliza Crewe « Cracked » 2013*

Элиза Крейв «Надлом»

Перевод: *Варя Бородкина (1-17), Аня Фетисова (18-21)*

Бета ридер: *Isabella Axentseva*

Аннотация

Глава 1

Вы знаете, что есть люди, которых нельзя злить, потому что это нехорошо. Например, свою маму... если она у вас милая.

Вы знаете, что есть люди, которых нельзя злить, потому что у них есть власть, чтобы вас наказать. Полицейских, политиков, шизанутых санитаров психушек, свою маму... если она у вас злобная.

Но вы не знаете, что есть и другие люди, которых злить нельзя, так как никто не выжил, чтобы вас об этом предупредить.

Я из этих «других».

Я пожираю души. Оболочки, с которыми они идут в комплекте, могут быть не ахти, но, к счастью, я обладаю способностью очищать свою еду от скверной шелухи. Мои зубы рвут кожу, челюсти ломают кости. Я быстра, молниеносно быстра, убийственно — о-так-это-была-твоя-жизнь? — быстра. В память о своей (милой) маме, я пытаюсь поедать только плохие души. Для того чтобы делать это, есть и другие причины, но они для хороших людей. Я не такая.

Наверное, поэтому я тут чувствую себя как дома.

Маленькие комнаты, толстые стены. Приглушенный шепот и раздражающие завывания. Симфония страданий в такт наказаниям.

Маллиганская Психиатрическая Лечебница — обычная, просто разрекламированная психбольница — тюрьма из трещин и серости.

Треснувшие подоконники, треснувшие стены, треснувшие умы. Не зли тут никого, и тогда не будет треснувших черепов.

Серые стены, серые полы. Серые — когда-то бывшие белыми — рубашки. Кожа больных? Серая. Кровать с металлическим каркасом? Постельные принадлежности? Серые, серые, серые. Решетки на окнах...

Черные.

Упс. Картинка разрушена.

Маленькая поправка: тюрьма из трещин, серости и черноты.

Звук хлопнувшей двери вибрирует в темном коридоре, и я приподнимаюсь, опираясь на локти. Стоит громкому хлопку стихнуть, как снова воцаряется мертвая тишина. Сейчас середина ночи, может быть, раннее утро, не слышно ни единого шороха. Я до боли напрягаюсь, вслушиваясь в тишину, ожидая. Наконец раздаются тяжелые шаги — ботинки стучат по линолеуму точно барабанная дробь.

Кто-то идет. Мои пальцы сжимают выцветшее одеяло. Надеюсь, это он.

В ночную смену работают два санитара, значит пятьдесят на пятьдесят на то, что это может быть и Гидеон.

Мне нужен другой — Самсон. Я тут из-за него. Меня привела к нему девочка-призрак, Келли. Сначала я не собиралась ей помогать, но она настаивала. Она все настаивала и настаивала, пока мне не захотелось ее прибить. Они все такие — призраки, осознавшие, что я их слышу. Вечно что-то требуют, и при этом их невозможно убить.

Обернувшись, я вижу в тених полупрозрачное тело Келли. Она напряженно застыла, наклонив голову и глядя сквозь стену на кого-то, невидимого мне. Кого-то в больших, громко стучащих по линолеуму ботинках. При их приближении она отступает назад. Камера настолько крошечная, что, сделав несколько шагов, она упирается в противоположную стену. Ну, вообще-то она проваливается в нее.

Один взгляд на Келли, и я выпрямляюсь на постели. Возбуждение искрами бежит по венам. Санитар, идущий по коридору — Самсон. Ее убийца.

Я бы могла схватить этого мерзкого санитара в его же собственном доме, спрятаться на парковке у его машины, позвонить и сказать, что хочу купить его выставленный на продажу диван. Мне не нужно было попадать в психушку, чтобы добраться до него. Просто в этом есть что-то поэтическое — в воссоздании сцены, сыгранной санитаром с его собственной жертвой, но только на этот раз с совершенно другой концовкой.

Келли со мной не согласна. Она хотела, чтобы я покончила с ним еще недели назад. Большую часть времени здесь она прожигает меня нетерпеливыми взглядами и водит серебристыми пальцами по грязным серым стенам. Однако если ей не нравится мой план, пусть ищет другого видящего призраков пожирающего души монстра. Я за свои семнадцать лет ни разу на таких не наткнулась, но она может попробовать поискать. Как говорила моя мама: есть два пути сделать что-то — легкий и правильный. Хотя, с другой стороны, еще она говорила мне не играть с едой.

Я бы не сказала, что мы с Келли — друзья. А скорее, она бы не сказала, что мы друзья,

даже если бы могла говорить. Она же может только бомбардировать меня своими воспоминаниями. Келли попала в психбольницу, потому что не могла принять то, насколько чудовищен мир. Я — одно из его чудовищ, так что у нас с Келли мало что общего.

Но сейчас я — это все, что у нее есть, и, слыша, как приближается ее убийца, она смотрит на меня, ища во мне успокоения.

— Расслабься, — успокаиваю ее я. — Ты уже мертва.

Ее глаза наполняются слезами, и я закатываю свои. Ох уж эти призраки.

Мои соседи по камерам молчат, едва дыша, и я практически слышу, как они кричат в своих поврежденных умишках: «Только не меня, только не меня». Ботинки останавливаются дальше по коридору. Я представляю, как коренастый, здоровенный как бык Самсон пристально смотрит сквозь затянутое решеткой непробиваемое стекло, до ужаса пугая обитателя камеры. Раздается тихий, размеренный стук — Самсон хочет быть уверен, что привлек внимание пациента. Келли морщится от этого звука, но храбрится и, подняв подбородок, смотрит настолько грозно, насколько это может сделать напуганная маленькая мертвая девочка. Но тут снова слышны шаги, и она съеживается от страха у стены. Ее глаза теперь направлены на меня.

Я понимаю намек. Встаю с кровати, подхожу к стене и, развернувшись, притуляюсь у нее, опустившись на корточки и положив голову на колени. Какое сладкое чувство дежавю. Когда он пришел за ней, Келли сидела точно так же, уткнувшись в колени и плача. С разбитым сердцем. Когда он с ней закончил, она была уже просто разбита.

Линолеум ледяной, и тонкая ткань ночнушки не защищает от холода, но меня согревает разгорающийся под кожей жар. Голод был очень терпелив, он недели спокойно дожидался, когда я загоню свою добычу в ловушку, но теперь позевывает и потягивается, от чего покалывает кончики пальцев.

Шаги Самсона все ближе, однако он снова останавливается и стучит в чью-то дверь. Я не против. Периоды короткого ожидания приятны. Они заставляют меня задаваться вопросом: придет он ко мне или нет? Похоже на предвкушение поцелуя: поцелует или нет? Вот только это не любовная история.

Ботинки опять стучат, приближаясь, и по моей спине пробегает дрожь возбуждения. Девочка-призрак вжимается в угол, проваливаясь в стену.

Тени закрывают полоску света под моей дверью, и меня опаляет огнем. Весь мир окрашивается красным.

У меня гость.

Восхитительно.

Я не тороплюсь смотреть на него. Еще рано. Я чувствую, как его взгляд шарит по моей коже. Я знаю, что он видит. Маленькую, худенькую, угловатую, хрупкую девушку. Мои темные волосы с одной стороны подстрижены рваными прядями, с другой — длинные. Я сама так постриглась. Сюда ведь не пускают абы кого. Это эксклюзивный гадюшник. Самсон видит человеческого подростка — что верно лишь наполовину. Я подросток, но только не человеческий. Кем бы я ни была, я не человек.

Я не позволяю ему видеть свои глаза. Говорят, глаза — зеркало души, а я не хочу себя выдать. Раздается резкий стук в непробиваемое стекло. Он хочет моего внимания. Я уже вся внимание, но не даю ему этого увидеть. Самсон снова стучит, уже настойчивее. Редко когда он не получает того, чего хочет, но если он хочет моего внимания, то пусть войдет и получит его. Тени от его ботинок на полу некоторое время не движутся, и хищно присевшая тьма в

моей душе нетерпеливо ерзает и шевелится, не в силах стоять на месте в агонии болезненного предвкушения.

Я жду, затаив дыхание. Звякают ключи, и я тихо выдыхаю. Голод издает победный вой, и я проглатываю готовый сорваться с губ смех. Замок с металлическим скрежетом открывается, и Самсон входит в камеру. Он останавливается. Разум этого бычары говорит ему, что меня нечего бояться, но животные инстинкты чуют, что что-то не ладно.

Опасность! — кричат инстинкты.

Чепуха, — отвечает разум.

Я здоров как бык! — похваляется скотская сторона его натуры.

Я слышу, как он сглатывает в тишине. Затем дверь за его спиной закрывается. По моему телу проходит дрожь, и Самсон это видит. Наконец он делает шаг ко мне, потом еще два, пока не оказывается рядом со мной.

Он ждет, и я жду, оба в сильном возбуждении, но по совершенно разным причинам. Мгновение тонко и длинно тянется подобно густому вареному сахару, и мы оба смакуем его. Голод пульсирует в молчании, и хотя Самсон всего лишь заурядное чудовище, в отличие от особенной меня, я знаю, что он чувствует его пульсацию.

Сахарная нить мгновения обрывается, и, схватив меня за волосы, Самсон рывком поднимает мою голову. Его лицо с красными прожилками идентично тому, что я видела в воспоминаниях Келли: среднего возраста, с огромными порами и обвислыми щеками. Только сейчас в его глазах нет довольного блеска, а густые брови подняты в удивлении.

Подозреваю, что я первая жертва, которая улыбается ему.

И стопроцентно уверена, что я первая, кто вскакивает и припечатывает его за горло к стене. Он пытается кричать, но я сжимаю пальцы на его шее, и крик с хриплым бульканьем умирает. В глазах Самсона отражается потрясение и смятение. Он не понимает, как мои маленькие слабые руки могут быть так сильны. Он много чего не понимает. И как же хочется его на этот счет просветить!

Я поднимаю его вверх по стене, пока его ноги не отрываются от пола. Его глаза округляются, в них плещется паника, и я замираю, наслаждаясь этим мгновением — когда охотник осознает, что сам стал жертвой, когда пытается уложить в голове, как такое могло произойти. Его лицо искажается от ужаса.

Я оборачиваюсь и вижу, что Келли тоже наслаждается этим. Она сжала ладонки перед собой, лицо светится оттого, что в этот момент совершается правосудие.

Мое внимание привлекают слабые попытки Самсона вцепиться мне в руку. Он выше меня и умудряется встать на цыпочки. Этого достаточно, чтобы снять немного давления с его горла. Я не против.

— Чтооо?.. — хрипит он.

— Любишь причинять боль другим, Самсон? — спокойно спрашиваю я, хотя сгораю в огне. Голод пожаром бушует внутри.

— Ннн...

Я сжимаю пальцы на его горле, и он хватается за мое запястье, молотя ногами по стене.

— Шшш, все хорошо, — мягко, нежно говорю я, как будто мне не все равно. Затем перехожу на шепот: — Я тоже люблю причинять боль другим. — Я еще сильнее сдавливаю его горло, и он извивается, снова вставая на цыпочки, силясь вдохнуть воздух. Я бью его стопой по пальцам ног и отпускаю.

Он с криком падает на пол и тут же отползает от меня, кашляя и хватая ртом воздух. Я

сдвигаюсь, перекрывая ему путь к двери, и он шарахается назад.

— Чт?.. — сипит он, хватаясь за свое измученное горло.

Я шагаю к нему, и он как безумный, задом, на карачках, отползает и забивается всей тушей в угол. Я слышу его зашкаливающий пульс. Его сердце дико колотится, но кровь не достигает лица. Оно смертельно бледное.

— Чт... что ты такое? — наконец хрипит он.

Я лишь качаю головой. Даже если бы знала сама, ему бы не сказала. Я здесь не для этого. Я делаю к нему пару плавных шагов.

— Пожалуйста, нет! — кричит он, вытягивая перед собой руку, словно пытаюсь меня остановить. Оторвать ее, что ли? — Я никогда не причинял боли тебе! Я никому не причинял боли!

— Не смей мне лгать.

Он вжимается в стену.

— Пожалуйста... — Его челюсти работают, обвислые щеки дрожат, когда он отчаянно пытается найти подходящие слова. Затем они льются из него, в спешке натыкаясь друг на друга: — Это, должно быть, какая-то ошибка.

Я медленно и многозначительно качаю головой.

— Пожалуйста... Я даже не знаю тебя!

Я опускаюсь так, что наши глаза оказываются на одном уровне, и он дергается в сторону. Наклонив голову, я мягко говорю:

— Нет. Но ты знаешь Келли. — Я бросаю взгляд в ее направлении. Она уже не кажется довольной. Она смотрит на нас расширившимися глазами, зажав рот руками. — Вернее, *знал* Келли.

На лице Самсона отражается искреннее замешательство. Его губы двигаются, пока мозг вспоминает, где мог слышать это имя.

— Келли Беллемор, — рычу я.

Его, наконец, осеняет.

— Это был несчастный случай.

— Что я тебе сказала по поводу лжи? — Я хлестко бью его рукой по лицу, оставляя на щеке четыре красные линии. Комнату заполняет резкий запах крови. Я чуть ли не пританцовываю сидя на корточках, мои губы изгибаются в улыбке.

Самсон замирает, видя эту улыбку. Он перестает строить из себя невинного.

— Ты наслаждаешься этим, — понимает он.

Моя улыбка становится еще шире. Знаю, что где-то мама сейчас прячет от стыда лицо.

— Ты любишь убивать точно так же, как я. — Самсон выпрямляется, возомнив, что общается с равной. — И не только это. Ты любишь... — он замолкает, подбирая слово.

— Власть, — подсказываю я.

Его лицо просветляется.

— Я не знаю, что ты такое, но знаю, что мы похожи. — Он поднимает руки и спешит добавить, будто боясь, что оскорбил меня этим: — Я не такой... особенный, как ты, но жажда убивать... — Его взгляд становится отстраненным, уголки губ приподнимаются в жуткой улыбке.

Такой же, как у меня. Я проглатываю стыд и позволяю Голоду его поглотить.

Самсон мечтательно продолжает:

— Я не мог ничего поделать, она просто... — По его телу проходит дрожь. Затем его

внимание снова переключается на меня. — Я не смог бы остановиться, даже если бы этого хотел. — Он сжимает и разжимает кулаки. — Это сильнее меня. — И смотрит на меня, ища во мне понимание.

И я понимаю его. Понимаю лучше, чем он может себе представить. Потому что для меня это больше, чем ощущение власти. Я питаюсь душами. Без них я умру.

Конечно, это не объясняет, почему я так люблю их поглощать. Я провожу пальцем по щеке Самсона, и он тихо поскуливает. Мама никогда не понимала ту чудовищную тьму во мне, которая так жаждет убивать. Она хотела, чтобы я потребляла души так же, как овощи: без особого желания, просто из необходимости. Самсон, этот отвратительный кусок дерьма, понимает меня лучше, чем она. Но, в отличие от него, я хотя бы стыжусь своей слабости — во всяком случае, когда не отдаюсь ей без остатка. Как барахтающаяся в луже собака, я люблю копаться в мерзком хлюпающем месиве из человеческой плоти, но сожалею об этом, стоит крови высохнуть на мне и коже начать чесаться. Такие дурные существа, как Самсон, не испытывают чувства вины. И у них нет воспоминания-мамы, неодобрительно цокающей языком и качающей головой.

Вместо этого у них есть я.

Подозреваю, что они никогда не чувствуют вины за содеянное, но я делаю все, чтобы они потонули в сожалениях об этом. В красных, липких сожалениях.

Так что Самсон прав, мы похожи. Однако, к несчастью для него, лицемерие — меньшее из моих грехов. Он радуется тому, что нашел схожие у нас черты, я же ненавижу себя за это.

Я наклоняюсь к нему, пока нас не разделяют какие-то жалкие дюймы, и закрываю глаза. Я ощущаю его дрожь, вдыхаю опьяняющий коктейль из страха и крови, и меня заливают жаркой волной удовольствия. Самсон шевелится, и я резко распахиваю глаза, пригвозждая его взглядом к месту.

— Ты прав. Я такая же, как ты. — Я делаю вдох, затем медленно качаю головой, не отрывая от него глаз. — Но тебе это нисколько не поможет.

Его глаза округляются, рот беззвучно открывается и закрывается. Я дарю ему еще одно мгновение жизни, проведенное в панике. Потом Голод с ревом несется по венам, сметая все на своем пути. Я выдергиваю Самсона из угла, разрываю его оболочку, как освобождала бы рака от панциря, и он падает в мои руки. Так легко.

Представьте ребенка на его первом дне рождения.

Так вот Самсон в моих руках — торт.

Я слышу свой собственный смех, повизгивание и фыркание. Бардово-красный мир вокруг пульсирует. Пылает.

Душа Самсона, выдернутая из оболочки — бурляще-серый эфир, похожий на грозовое облако. Голод взывает, и я поглощаю душу. Она течет внутрь, искрящаяся и прекрасная, наполняя, растягивая меня, пока не возникает ощущение, что она не уместится внутри. Я выгибаюсь, широко раскинув руки. Я — каньон, окружающий прекрасную реку. Когда ее воды отступают, все внутри меня бурлит от удовольствия, бурлит от победы.

Я встаю, упиваясь восторгом, пьяная от сладости выпитой души и краем глаза улавливаю сбоку мерцание — перекошенное от ужаса лицо девочки-призрака, проходящей сквозь стену. Ее глаза снова наполнены слезами.

Я оставляю позади кровавый беспорядок и стены, окрашенные в стиле Джексона Поллока — абстрактного экспрессиониста. Красный, серый, черный, коричневый цвета.

Больше красного.

Сама-то я предпочитаю неоимпрессионизм — Сёра, Синьяк![1] — но мои способности ограничены. Обычно я стараюсь быть более аккуратной. Мне не хотелось бы видеть свое лицо в новостях (особенно с такой прической). Но в этой психушке вряд ли захотят провести расследование, так что я укладываю труп надлежащим образом (Пикассо!) и на случай если мой намек слишком тонок, пишу кровью на стене:

«Я за вами слежу».

Под этим словами я прикрепляю «любовную записочку» для администрации психбольницы, в которой даю понять, что знаю, где закопаны тела — в одном конкретном случае «закопаны» буквально. Полицию после этого явно звать не будут.

Я пьяна от души. Мир слишком ярок, ощущения слишком остры. Душа не осела тяжестью в желудке, нет, она пузырится в венах подобно шампанскому, щекоча окончания нервов. По меньшей мере час она будет застилать пеленой мой мозг, защищая от когтей стыда и беспокойства. Позже они пробьются сквозь эту пелену и вопьются в меня когтями и клювами, но сейчас беспомощно кружат наверху. Я смеюсь и глумлюсь над ними, забывая в эти мгновения, что у них будет время мне отомстить.

Я не спеша иду по коридору, и мое шествие прославляет мерцающий флуоресцентный свет, тихо жужжащий свою похвалу. Я кружусь, кланяюсь и подпеваю ему. По полу стелятся кровавые следы ног, по стенам — кровавые отпечатки пальцев. Дойдя до двери, ведущей на лестницу, я разворачиваюсь и иду обратно. Мне некуда спешить, потому что Гидеону тоже некуда спешить. Он хороший напарник и не захочет портить Самсону веселье.

Что я *очень* с ним хочу обсудить.

Я берусь за ручку одной двери и отрываю ее. Затем то же самое проделываю с другой. Большинство обитателей этой больницы далеко не убегут — в конце концов, их не зря запихнули в лечебницу. Но у них будет возможность сбежать и, если они убегут далеко, то, может быть, в следующий раз их упекут в другую психушку, с другой философией.

Некоторых больных я оставляю в их клетках. Даже борец за права животных не выпустит из клетки тигра.

Меня распирает от сладости темной души Самсона. Я наполнена ею. Сильна ею. Как же давно я не утоляла Голод. Как любой человек на диете я осознала, что полное воздержание никогда не срабатывает — оно лишь ведет к плохим решениям, принятым позже. Конечно, такая пирушка не отразится на моем весе, но приведет к неразборчивому убийству.

За спиной скрипит замок, затем доносятся шлепки босых ног. Кто-то убегает от меня, своего спасителя.

Вернитесь, мы можем стать друзьями!

Хлопает дверь. Похоже, не можем. Ну и бог с ними, у Человека Паука тоже не было друзей.

Ну иди же ко мне, Гидеон! Пора поглядеть, что тут происходит!

Я подпрыгиваю, танцую на грязном полу. Месть сладка и приятна как музыка. Я кружусь, раскинув руки. Стены проносятся перед глазами размытыми серо-белыми пятнами. Затем глаз улавливает черное пятно — фигуру у двери. Пришел санитар! Я останавливаюсь и шиплю.

Это не Гидеон. И фигур три. В конце коридора стоят три незнакомца.

Глава 2

Люди не шипят. Ну, если это не дрянные девчонки, выцарапывающие друг другу глаза за дрянных парней. Но взрослые мужчины в приличных черных костюмах не шипят на своих врагов.

Закрыв глаза, я трясую головой, пытаюсь разогнать застилающий мозг дурман, но открыв веки, вижу, что незнакомцы никуда не делись, хоть и не шипят. Может, они просто неодобрительно шикнули, вроде: что-ты-делаешь-вне-своей-клетки? Может, мне вообще это шипение померещилось, и от опьянения душой разыгралось воображение, а мозг жаждал с кем-то подраться?

Мужчины стоят в конце длинного коридора перед лестницей, ведущей на первый этаж. Респектабельные — в костюмах, с аккуратно подстриженными волосами — современные городские мужчины, выглядящие неуместно в этом темном и грязном прибежище для душевнобольных. Тот, что слева, низковат и щекаст, справа — высок, с хищным ястребиным лицом. Стоящий в середине ничем не примечателен и выделяется лишь тем, что его лицо пережило нашествие акне. Серое пространство узкого коридора отделяет их кожу от моих когтей и мои ноги от выхода.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает тот, что в середине — по-видимому, главный. Он выпрямляется, одернув полы своего пиджака.

Как будто это не они, а я — девчонка с дурацкой стрижкой и запятнанной кровью ночнушкой — не вписываюсь в картину сумасшедшего дома.

— Тебя перераспределили? — задает новый вопрос главный. — Почему мне об этом не сообщили?

Эм... Я тоже выпрямляюсь и расправляю плечи.

— Тебе послал зи-Бен? — спрашивает Ястреб.

— Кто?

— Это что, шутка такая? — злится Щекастый.

У них зи-Бен — главный шутник, что ли?

— И какого черта ты делаешь? — снова вопрошает главный.

Лучше не отвечать, хотя они и сами все поймут. Скрыть ведь этого невозможно. Раздумывая, я внимательно осматриваю троицу. Нужно перед уходом преподать им урок осторожности. Не смертельный урок. А-то маме не понравится.

Но в драке... может всякое случится. Голод тихо мурлычет.

Главный все гневается:

— Не знаю, откуда ты взялась, но мы рядом с Храмовниками. Ты врубила все установленные нами сигналы тревоги, и если они установили свои...

Храмовники... Кто это, мать вашу? Хотя пофиг.

— Я сказал зи-Бену, что мы справимся, — продолжает он, качая головой. — Даже помогая при этом в Поисках... В конце концов, у нас есть скайп, на дворе не средневековье. В этой клинике даже наше управление не нужно. Не хватало только, чтобы какая-то мелочь здесь все испортила! — Он машет рукой в мою сторону.

Щекастый проводит пальцем по кровавому следу на стене и слизывает кровь.

Фу блин! Может, я ошиблась, и им здесь самое место?

На лице Щекастого появляется шок — на моем, боюсь, отражается такой же. Я пытаюсь не показывать охватившего меня замешательства. Если до этого Щекастый был тих, то теперь взрывается:

— Это... это... Ты сожрала Самсона? — оглушительно ревет он. — Я месяцы потратил

на него. Почти заполучил его душу, был, черт побери, так близок! — Его лицо багровеет. — Вокруг столько легкой добычи, а ты сожрала Самсона! Невероятно! Я уже не говорю о том, что некому дорабатывать чертову смену!

Меня еще никогда не ловили на том, что я «пожираю» людей, но реакция на это мне почему-то представлялась другой. На короткий момент мир стал четче и что-то забилося на краю сознания — это беспокойство пыталось пробить себе путь сквозь дурманящую пелену.

Но оставим беспокойство людям, которые не могут голыми руками разодрать взрослых мужиков на части.

Щекастый широкими шагами направляется ко мне, и я пригибаюсь и снова шиплю. Он тут же останавливается и троица многозначительно переглядывается.

— Как ты сказала, тебя зовут? — спрашивает главный, сузив глаза.

Солгать? Но какой в этом смысл? Даже если я оставлю их в живых (я правда оставлю, мам!), с их стороны будет глупо следовать за мной, зная, на что я способна.

— Меда, — отвечаю я, и они опять переглядываются.

— Зи-Меда или пол-Меда? — медленно спрашивает главный.

Хммм... пятьдесят на пятьдесят, что я выберу правильный ответ.

— Зи, — говорю я. Судя по тому, как они тут же оскаливаются, обнажив зубы, ответ был неправильным. Кажется, они только что поняли, что никакой зи-Бен меня сюда не посылал. Похоже, драки не избежать. *Прости, мам, я пыталась.*

Разве? — шелестом проносится в голове ее голос.

Да! Так и вижу, как она стоит, скрестив руки на груди и постукивая ногой по полу. А вот выражение лица не улавливаю. Время стерло его. *Ну хорошо, не пыталась.*

Как же мне хочется, чтобы она все еще была жива. Ее памяти я лгать не могу.

— Зи-Бен не посылал тебя, так ведь? — подтверждается мое подозрение. — Так кто ты там, ты говоришь?

Ваша смерть, странные людишки. То есть, это... ваши увечья. Никаких убийств, только легкое калечение. Чтобы я могла уйти. Покалечить ведь не так страшно.

Мужчины пригибаются, принимая такую же позу, как и я, и начинают двигаться по узкому коридору ко мне. Они крадутся плавными, скользящими шагами. Отлично, люблю, когда еду доставляют прямо в руки, особенно если при этом не нужно платить чаевые курьеру.

Тьфу, не еду, противников. Я не собираюсь их убивать. Правда.

Ко мне, кис, кис, кис.

Они подходят ближе. Я уже могу атаковать их отсюда, но они пока до меня достать не могут. Не со своими человеческими конечностями, не оттуда. Они подходят еще ближе, их шаги так тихи, что я практически не слышу их за kloкочущим рычанием в горле. Идите ко мне. Ближе, ближе. Я прыгну. Может, прыгну и пару раз ударю. Только пару раз! Просто чтобы растрепать их волосы и располосовать костюмы. Чтобы дать понять, *что* здесь было и *чего* они избежали. С моей стороны это очень гуманно — дать им осознать, как им повезло, оценить то, что у них есть — к примеру, головы на плечах. Чересчур много людей принимают это как должное.

При их приближении я пригибаюсь совсем низко, одновременно поднимаясь на пятках. Готовая прыгнуть, готовая рвануть. Готовая показать этим дурням, что они не могут меня контролировать. Я не какой-то там слабый маленький человечек. Я особенная, уникальная. Обладающая мощью, которую они никак не могут от меня ожидать. На самом деле, я еще

никогда не ощущала себя столь могущественной. Должно быть, свежая душа Самсона была невероятно сильна.

Они идут ко мне. Двенадцать футов, десять, восемь. Они рычат, обнажая зубы, и воздух в узком коридоре вибрирует от нашей вражды. Они подгибают пальцы, так же, как я. Подражают мне? Надеюсь на это. Лопнувшее самомнение прекрасно смотрится на тарелке победителя.

Они уже близко.

Шесть футов. Я прыгаю, с точностью рассчитав, что окажусь между их головами и подвесным потолком. В смертельном танце я балерина. Хочу увидеть их округлившиеся глаза, шок, благоговейный страх. Но вместо этого, взглянув вниз, вижу кулак, и перед глазами все взрывается красным.

Раздается хруст и тихий фыркающий смех.

Я отлетаю назад и ударяюсь о стену, затем падаю лицом в пол, хватая ртом воздух. Не могу дышать. Я переворачиваюсь на спину и пытаюсь сморгнуть с глаз темноту.

Как?.. Мой пораженный мозг смертельной хваткой цепляется за только что пошатнувшийся в сознании мир. Как? Я же одна такая. Мама говорила, что я особенная. Но доказательство обратного стоит надо мной, зубоскаля и злобно смеясь.

Моя добыча не смеется, я смеюсь.

Однако сейчас вместо этого лежу в луже своего собственного лопнувшего самомнения, и до меня медленно и жутко доходит очевидное.

Они такие же, как я. Как я.

— Что это было? Ты только что пыталась нас перепрыгнуть? — пререзает сумятицу в моей голове насмехающийся голос главного, и я фокусирую свое внимание на его лице. — И ты всего лишь полукровка. «Зи», как же, размечталась, — со смехом подвывает он.

И еще они говнюки. Я с рыком вскакиваю на ноги, но, к несчастью, они дрожат, и я шатаюсь, вызывая этим новый приступ хохота.

Щекастый сгибается, пытаюсь отдышаться от смеха, но Ястреб, поймав его взгляд, изображает девчачий мелкий прыжок, и тот снова ухохатывается.

Я сужаю глаза.

— Ооооо, не злите ее! — выдыхает главный сквозь смех.

Ярость бушующим потоком затмевает сознание, и я прыгаю, целя в его жирный рот. Он с молниеносной быстротой делает шаг в сторону и со всей силы впечатывает меня в стену, даже не переставая смеяться. Ястреб хлопает его по спине, держась за живот и радостно булькая смехом.

Вы. Перестанете. Смеяться.

Резко крутанувшись, я делаю обманчивое движение, будто собираюсь снова двинуть главного, но в последнюю секунду прыгаю на его не подозревающего подвоха дружка, смачно давая Ястребу по морде. Ноготь большого пальца вскользь проходит по его щеке, на которой тут же вспухает тонкая красная линия. Я ухмыляюсь.

И тут же осознаю, что я идиотка. Пьяная от поглощенной души идиотка.

О чем я думала? У меня, наконец-то, появилась возможность найти ответы на кое-какие из вопросов, и что же я делаю? Даю этой возможности по морде.

Черт.

Они перестают ржать и, шипя, хищно пригибаются. Кажется, профуканная возможность получить ответы сейчас самая меньшая из моих проблем. Они превосходят меня числом, они

сильнее меня и они взбешены.

Черт.

Когда они прыгают, я срываюсь с места и бегу, пригибаюсь, подпрыгиваю. За спиной слышен рык и топот. Добежав до лестницы, я перепрыгиваю сразу первый пролет ступеней, затем второй. Они несутся за мной. Я впечатываюсь в дверь, и при столкновении она вылетает вместе с косяком. Это замедляет меня всего лишь на полсекунды, но этого достаточно. Меня хватают сзади. Яркие раскрашенные мебель и оранжевая стена цветным пятном пролетают мимо, когда мы падаем и катимся по полу. Приемная — единственная гостевая комната в психушке и, конечно же не случайно, единственная комната, которую посетители могут увидеть. В том, что я умру в единственной комнате, где можно было бы на самом деле жить, есть какая-то ирония.

Я переворачиваюсь, чтобы увидеть, кто меня схватил — тот, кому я порезала щеку. Ястреб. Он швыряет меня в стену.

Больно.

Обхватывает пальцами мое горло. По его лицу течет кровь.

— Думаешь, можешь драться со мной, полукровка? — Ястреб наклоняется, почти тычась своим похожим на клюв носом в мой нос.

Я полукровка. Половина чего-то. Половина того, что представляют собой они.

Ястреб медленно ведет пальцем по моей щеке, в том же месте, где я ранила его. Я открываю рот, чтобы извиниться, чтобы задать вопрос, на который до смерти хочу получить ответ всю свою жизнь.

Но его вопрос предупреждает мой, черные глаза жестко смотрят в лицо:

— Думаешь, можешь порезать меня, полукровка?

Он нажимает большим пальцем на мою щеку, и ноготь вспарывает кожу. Легкое жжение начинает гореть огнем, когда он вдавливая ноготь глубже. По щеке бежит кровь, и вопросы, начинающиеся с «кто» и «что», вянут и умирают на моем языке. Он собирается меня убить.

Словно в доказательство этого, он проводит пальцем по щеке. Моя, как сталь, кожа вспарывается ногтем словно шелк. Взвизгнув, я пытаюсь вырваться из его хватки. Он наклоняется вперед, излучая опасность и угрозу. Так вот как чувствовали себя мои жертвы? Беспомощными? Взмокшими? До одури испуганными?

— Пол-Карим, нам нельзя убивать своих, — произносит главный, входя в приемную.

Да, вам нельзя убивать своих! Каких «своих» — сейчас совсем не существенная деталь.

— Но может произойти несчастный случай, — с рыком отвечает Ястреб.

Мое сердце останавливается.

— Она всего лишь полукровка. Мы скажем, что она — предатель. Что она перебежчик, — предлагает Щекастый. Видимо, он все еще злится из-за Самсона.

— И это, кстати, может оказаться правдой, — говорит Ястреб и гладит пальцами другую мою щеку. Его ногти сдирают кожу, и я пытаюсь вывернуться из-под них. — Иначе с чего это она выбрала Самсона?

Перебежчик? Откуда и куда? Понятия не имею, но это мой единственный шанс.

— Я никуда не перебежала! Я просто не могла устоять! И он первым на меня напал!

Он не купился на это, и мне знакомо выражение его глаз. Он жаждет крови. Я часто видела такие глаза у своего отражения в зеркале. Слишком поздно. Насмешка судьбы — узнать, что я такая не одна перед самой своей смертью.

Когда мама говорила, что я особенная и уникальная, я думала, что это так и есть. К тому же, я никогда не встречала других детей, которые могли бы поднимать машины или жевать стальные гвозди.

Оказалось, что я такая особенная только для своей мамы. Такая же особенная, как снежинка. Такая же особенная, как имя ребенка в школьном списке отличников.

Есть другие, такие же, как я. И они хотят меня убить.

Было бы неплохо меня об этом предупредить, мам!

— Пожалуйста... — не сдаюсь я. — Это правда. Я не...

— Шшш... — Голодные глаза жадно вглядываются в мои. — Правда не имеет значения, когда ты так... вкусна. — Он наклоняется ко мне и глубоко вдыхает. Его язык влажно скользит по моей щеке, слизывая текущую по ней струйку крови. Он ухмыляется, насмехается. Затем замирает. Его глаза расширяются, и он снова проводит языком по моей щеке.

Его большие, злые глаза встречаются с моими.

— Ты?..

Эхо громкого удара проносится по приемной, и мы все поворачиваемся к входной двери. Она с треском распаивается.

Похоже, кто-то решил присоединиться к нашей вечеринке.

Глава 3

Хотя гости только прибывают, а еда очень даже хороша, хозяева — полные мудаки.

Новый участник, мужчина, нагибается в дверном проёме. Ну, на самом деле не мужчина, а человеческий подросток. Одно из самых ни на что не годных божьих созданий — большой как взрослый и тупой как ребёнок. Эгоистичный, угрюмый, безрассудный, склонен слишком долго спать и слишком часто жаловаться. Я тоже подросток, за исключением человеческой части.

Ему около восемнадцати. Поношенные джинсы, полинявшая чёрная толстовка под кожаной безрукавкой. Блондин, волосы до плеч. Попытка отрастить бороду (провальная).

Вопрос на миллион долларов — на чьей он стороне? Вряд ли на моей, так как я никогда в действительности не была командным игроком.

— Борец! — шипит один из нападающих на меня.

Слова соскальзывают с его губ не раньше, чем парень забрасывает в комнату коричневый мяч размером с грейпфрут. Когда тот летит над нами, вошедший достаёт пистолет и стреляет в него. Мяч взрывается, и на нас обрушивается ливень. Я ныряю за Ястреба, но на обнаженное плечо все равно попадают капли, и оно начинает жечь. Мой захватчик кричит и корчась падает на пол: он принял на себя основной удар разлетевшейся жидкости. Я не вижу двух других, должно быть, они спрятались на лестничной клетке или в одном из коридоров, ведущих в главный зал.

— Ты хочешь стать едой для демонов? Беги! — кричит мне парень.

Едой для демонов? Однако это стоит обдумать в другое время. Я не нуждаюсь в дальнейшем стимулировании и несусь к выходу. К моему спасителю.

Это необычное чувство.

Удары ботинок позади меня предупреждают о том, что один из "демонов" преследует меня. Его когти задевают мою спину, и я проношусь мимо парня и ныряю из приемной в

дверь, заставляя моего спасителя и демона столкнуться. Они с грохотом падают в гостиную и начинают кататься, борясь друг с другом. Я осторожно подхожу к двери, чтобы одним глазком посмотреть на действие.

Главный стоит на коленях перед своим падшим товарищем, который всё ещё корчится на полу. Он приподнимается, но Ястреб хватается за его шею и шепчет ему на ухо. Главный в шоке смотрит на своего друга, затем, рыкнув на меня, рисует что-то на линолеуме, и они оба исчезают в сопровождении громкого, как удар грома, звука.

Пууф. Как-то так.

Грохочущий шум притягивает моё внимание туда, где столкнулись новичок и Щекастый. Кушетка ржавого цвета перевёрнута, и бойцы катаются на остатках того, что когда-то было кофейным столиком. Освободившись от Щекастого, парень подскакивает на ноги. Он достаёт из-за ремня длинный, изогнутый и на вид неприятный нож. Я пробираюсь обратно в приемную, но сохраняю дистанцию, взвешивая свои варианты. Закрываю входную дверь. Неважно, что я решу, я не хочу ещё свидетелей.

Жажда мести пульсирует в венах. Я хочу наказать демона. Раздавить! Убить! А больше всего — захохотать. Утверждают, что месть — это блюдо, которое лучше всего подавать холодным, но я нахожу ее в равной степени восхитительной и горячей. Два на одного, мы с парнем, возможно, сможем его взять. Помимо всего прочего, парень сможет послужить для отвлечения внимания, когда демон будет терзать его в клочья.

Но чувство самосохранения сдерживает меня. Я уже узнала на своей шкуре, что демоны сильнее меня, или, по крайней мере, больше приспособлены бороться с теми, кто может дать отпор.

Так что я стою. В нерешительности.

Демон выглядит так же нерешительно, его глаза мечутся между мной и парнем, а затем возвращаются в то место, где исчезли его друзья. Парень стоит на его пути.

— Ты же не думаешь сбежать? — дразнится он, и его голубые глаза сужаются, когда он перекидывает нож из одной ладони в другую. — Я даже не Борец, а всего лишь ребёнок. Ты же не боишься детей?

Рычащий прыжок, похоже, означает «нет». Двигаясь слишком быстро для обычного человека, парень отпрыгивает в сторону, плавным движением поворачивается и запрыгивает на спину демона, всаживая в него нож. Демон кричит, его спина выгибается, словно натянутая тетива. Парень прижимает лицо демона к полу, обездвиживая, и кладёт свои руки на его голую шею. Чернильно-чёрный дым клубится из демона там, где его кожа соприкасается с парнем. Затем дым исчезает в кончиках пальцев парня. В какой-то момент весь дым всасывается, и парень отпускает уже безвольного демона и встаёт. Он немного шатается и упирается в стену рукой. Затем запрокидывает голову и выдыхает длинную струю светло-серой дымки, которую я тут же распознаю. Я распознаю её потому, что обычно я это ем.

Это квинтэссенция человеческой души.

Я сажусь. Тяжело.

Парень отталкивается от стены, морща в волнении лоб. Волнение — это хорошо. Волнение означает, что он не собирается разобраться со мной прямо сейчас, пока здесь никого нет.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

В порядке? Я считала себя Супервумэн (ну, или её злобным двойником), а теперь не

знаю, как спасти свою собственную задницу. Я узнала, что моя любимая мамочка была большой лгуньей, и прямо здесь и сейчас находится выдыхающий души парень, который может попытаться убить меня в любую минуту. Это черт знает что такое.

Тут мне приходит в голову, что он, возможно, имел в виду кровь на мне, а не моё эмоциональное потрясение.

Я киваю, затем хватаюсь за свою ночнушку.

— Это не моя кровь. Другой мужчина был атакован.

Парень направляется к лестнице. О нет, нельзя его отпускать!

— Не оставляй меня!

Он останавливается, и я мотаю головой.

— Он мёртв. Он был... разорван.

При воспоминании об этом во мне вспыхивает Голод, и я опускаю глаза, чтобы скрыть возбуждение.

— Прости, — извиняется парень, и я украдкой смотрю на него. — Должно быть, это тяжело.

Я стараюсь не фыркнуть.

Я изучаю парня из-под рваной завесы волос. Не похоже, чтобы он что-то подозревал. Несмотря на его неопрятный вид, глаза бесхитростны, а лицо открыто. Меня одолевает головокружение. Передо мной стоит второй шанс на получение некоторых ответов, завернутый в простоватую обёртку.

Мне надо действовать осторожно. Только то, что он против моих врагов, не означает, что он на моей стороне. В самом деле, если бы он появился на полчаса раньше, думаю, у нас с ним вышел бы совсем другой разговор. Если он почувствует, что я больше, чем просто беспомощная жертва, это обернётся мне боком.

Но возможность получить кое-какие ответы...

Вопросы про мою «особенность» обычно заканчивались «мы-поговорим-об-этом-когда-ты-станешь-старше» ответом. Оказывается, проблема была не в моём возрасте, а в маме. К сожалению, нет книги а-ля «Откуда берутся дети», которая бы восполнила пробелы в моём образовании. Я знаю, мама не планировала, что её убьют, но я всё ещё проклиная её за недалёковидность. И сегодня больше обычного.

У этого парня, возможно, есть ответы; мне просто надо у него их забрать. Я подсчитываю все средства, которые есть в моём распоряжении, разглядываю его забрызганную кровью фигуру и останавливаю свой выбор на оружии, которое использую так редко, что, прежде всего, нужно смахнуть с него пыль.

Мои глаза наполняются слезами.

— Что... — Я тяжело сглатываю. — Что это такое было?

— Демоны.

Спасибо, Эйнштейн. Это я поняла.

— Видишь ли, духовная битва намного менее теоретическая, чем ты, возможно, думаешь.

Сколько раз он репетировал эту фразу? Я бы не стала делать суждения о том, что я думаю, глупый мальчишка. Я позволяю скатиться слезе.

Он спешит успокоить меня:

— Не плачь, я защищу тебя.

Унизительно. Ужасно унизительно.

— Чего они хотят? — спрашиваю я.

Парень садится на пол рядом со мной и успокаивающе гладит мою ушибленную спину. Я стараюсь не морщиться и смотрю на него так, словно он мой герой, что не менее болезненно.

— Разрушить мир, — говорит он.

Видимо, подражатели охотникам на монстров склонны к драматизму. Чтобы скрыть своё раздражение, я переключаю своё внимание на лежащее напротив нас тело.

— Разрушить мир? — подталкиваю я парня.

Он видит, куда я смотрю, и встаёт. Идёт туда, где лежит тело, и достаёт из-за пояса сферу. Нечто похожее он бросил в приёмную, нечто похожее обожгло моё плечо. Он откупоривает пробку и поливает жидкостью весь труп. Тело начинает дымиться и пузыриться. Парень поворачивается ко мне, подносит шар к губам и делает глоток. Я задыхаюсь.

— Не переживай! Это всего лишь вода! Ну, святая вода. Но она ранит только демонов.

Я осторожно поправляю вырез на ночной рубашке, чтобы лучше скрыть ожоги на своём плече.

Он предлагает шар мне.

— Попьёшь?

Я стараюсь не выглядеть повергнутой в ужас.

— Так как они пытаются разрушить мир? — спрашиваю я снова. Придётся рассмотреть другие средства из моего арсенала. Говори же, парень!

Он садится на корточки и свободной рукой убирает волосы себе за ухо. Мы оба наблюдаем за тем, как разлагается тело.

— Захватив его. Подавляющее число тех парней изначально не были такими. Большинство демонов когда-то были обычными людьми, которых убедили продать их души. Затем, умерев, они стали демонами и начали убеждать других.

Наконец какая-то полезная информация. Я не продавала свою душу, но, возможно, это не относится к полукровкам. Мне кажется, это определение вполне говорит само за себя. И хотя моя мамочка оказалась большой выдумщицей, я уверена, она не была демоном.

— А остальные? Откуда берутся другие демоны?

— Некоторые демоны просто существуют. Я не знаю точно, но есть куча теорий. Ангелы, ставшие на сторону Люцифера во время его падения, слуги, созданные Сатаной таким же образом, как Бог создал Адама. — Он пожимает плечами. — На самом деле, я не очень запариваюсь по поводу всяких теорий, мне достаточно того, что я знаю, кого убивать, — он улыбается во все зубы.

При других обстоятельствах, возможно, мы смогли бы стать друзьями.

— Ещё есть полукровки, — продолжает он, — они уже такими рождаются. Суккубы и инкубы пытаются расширить свои ряды «естественным путём».

Та-дам! Я пытаюсь справиться с любопытством, чтобы произнести вместо скажи-мне-прямо-сейчас-прежде-чем-я-откручу-тебе-голову-и-попытаюсь-высосать-из-неё-всю-правду:

— Пожалуйста, продолжай.

Должно быть, это сработало, потому что он продолжает говорить, а не пытается убежать.

— Также демоны подпитываются душами хороших людей, которых не могут переманить на свою сторону — это для них своего рода наркотик. Главным образом они

пытаются уничтожить Маяки — людей особенно хороших или имеющих позитивное влияние на мир. Да Винчи, Ганди, Бетти Уайт и Мать Тереза являются классическими примерами, но существует ещё куча других, менее известных представителей.

Он посылает мне многозначительный взгляд, и я замираю. Он не может знать, что я ем души. Никоим образом. Всё, что он видел — демонов, пытающихся меня убить. О боже, должно быть он имеет в виду...

Ахахахахаха. Он думает, я — Маяк. Я смотрю вниз, чтобы скрыть свои блестящие глаза. Плохой день или нет, это весело.

— Всё в порядке. Ты не должна бояться. Я тебя защищу.

Большой сильный мужчина защитит девушку! Я стараюсь смотреть ангельски беспомощно, по-Маяковски. Что вряд ли возможно при моей стрижке и покрывающей меня крови. К счастью, он, видимо, непробиваемо туп.

— И что... что ты, собственно, такое? — мой голос сладок. Робок. Благоговенен.

— Малахай Дюпейнс, но ты можешь называть меня Хай.

Я спросила «что», а не «кто». Забавно, что его прозвище рифмуется со словом «умирай». Должно быть, это знак? Мыжимаем руки, и они слегка прилипают друг к другу, наверное из-за крови.

— Я Борец. Или, как минимум, стану им, когда завершу обучение.

Он гордо выпячивает грудь.

— Но ты силён, — я подлизываюсь, я трепещу. — Достаточно силён, чтобы сразиться с тем монстром... ты не можешь быть обычным студентом, — я видела, как он двигается, он не просто человек.

— Нет, это у меня в крови. Мои предки боролись с демонами на протяжении веков. Нам были даны определённые... дары... чтобы помочь нам.

Вот дерьмо. Мне это не нравится.

— Как ты узнал, что я нуждалась в помощи?

— Я могу чувствовать демонов, это тоже часть дара.

Дважды дерьмо. Это мне ещё больше не нравится. Эта «чувствительность к демонам» выбивает из колеи, мне конец.

— Я знал, что они здесь, поэтому пришёл сюда, чтобы спасти тебя, — он снова выпячивает грудь. — Это то, что делают Борцы.

Парень наклоняется, сокращая дистанцию со мной, полу-демоном, и я думаю о том, что впереди его ждёт короткая и невпечатляющая карьера. Потому что, хоть он и сохранил мне жизнь, он делает карьеру, охотясь за моим видом. И дело не в том, что я ощущаю хоть малейшую преданность к своему «виду», а в том, что возникнет проблема, как только он почувствует, кто я такая. На самом деле, выбора нет.

Я собираюсь его убить.

Глава 4

Маме бы это не понравилось, но я слегка раздражена на нее после встречи с демонами, которые чуть меня не угробили. Что больше всего меня убивает в этом (смешно, правда?), так это то, что мне выпал второй шанс узнать, кто же я такая. Я почти два месяца бесцельно бродила в окрестностях Северной Каролины, а теперь за какие-то два часа у меня появилась возможность узнать правду аж дважды. И вот во второй раз за два часа я собираюсь врезать

этой возможности по морде. Если бы плечо не саднило так сильно, я бы с досады схватила за волосы.

Но, в действительности, у меня нет выбора. Этот парень один справился с тремя демонами; с тремя демонами, которые ловко схватили меня за задницу. А мёртвой мне ответы совершенно не пригодятся.

Даже при том, что мама уже ничего не скажет, я всё же чувствую вину за то, что придется убить моего спасителя. Но что я могу сказать? Да, я кусаю руку, которая меня кормит. И, в любом случае, он бы не спас меня, знай он правду. Мой спаситель бы тут же попытался стать моим убийцей, если бы только её узнал.

Я пойду на компромисс и сделаю всё быстро. Это меньшее, что я могу сделать, сама испытав страх и боль перед неминуемой смертью. Мне просто надо, чтобы он повернулся ко мне спиной, и тогда это закончится прежде, чем он поймёт, что произошло. Я внимательно осматриваюсь, ища, чем бы его отвлечь, и мой глаз натывается на самое очевидное в этой комнате.

Я указываю на тлеющее тело.

— Ты уверен, что он мёртв?

Он дымит и истекает слизью, так что да, он совершенно точно мёртв, но я надеюсь на то, что Хай больше одарён в физическом плане, нежели в умственном.

— Да.

— Может, тебе следует удостовериться?

— Нет, я достаточно уверен, — его глаза сверкают.

— Мне показалось, что он шевелится.

— Вряд ли.

— Просто иди и проверь его! — рывкаю я, не выдержав, затем откашливаюсь и, всхлипнув, кладу ладонь на его руку. Поднимаю взгляд из-под опущенных ресниц и взмахиваю ими несколько раз для пущего эффекта. — Прости, я просто хочу убедиться, что он не вернётся за мной.

Хай улыбается как парень, которого глупая девчонка попросила наступить на паука, и я знаю, что победила.

Какая досада, у него действительно симпатичная улыбка.

Хай вскакивает на ноги, и я протягиваю ему руку, чтобы он помог мне подняться. Он проходит несколько метров по направлению к телу, а я отступаю назад.

Я смотрю на его широкую спину и думаю о смерти. О цветах, ароматах, хлюпанье и брызгах крови. Я думаю о Голоде и силе. О контроле. Кровожадность растёт и пульсирует в венах, распространяясь подобно горячему и пьянящему яду. Я позволяю ей захватить меня, и веселье заменяет приступы сожаления.

Я припадаю к полу и перекаत्याюсь на подушечки пальцев ног. Напрягаюсь. Прищуриваюсь, фокусируюсь на задней части его шеи, где мозговой ствол переходит в позвоночник. Тонкая кость, которая так жизненно, так жизненно важна, тем не менее очень, очень хрупка.

Я отступаю назад, готовясь к прыжку. Пригибаюсь ниже, ниже, ниже. Я гибкий чёрный леопард, бесшумный хищник, нападающий внезапно и приносящий безболезненную смерть...

БАМ! Дверь с громким хлопком *снова* распаивается. Я отпрыгиваю за перевёрнутый двухместный диван, вместо того чтобы двигаться по направлению к своему противнику.

Пять незваных гостей за ночь? Похоже, тут действительно вечеринка.

Хай оборачивается на звук, одной рукой хватаясь за шарик со святой водой, находящийся у него на ремне, другой — за пистолет. Но, увидев, кто пришел, расслабляется и выпрямляется.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он.

С лестничной площадки ковыляет ещё один подросток. На этот раз это девчонка с металлическим корсетом на ноге, надетым от бедра до лодыжки поверх дешёвых джинс. У неё волосы, как у дикарки, оливковая кожа и свирепый взгляд, который заставляет меня удивляться храбрости Хая. На ней такой же кожаный пиджак, как и на нём, только с рукавами. Из-под него выглядывают ножны.

— Что я здесь делаю? Какого чёрта *ты* здесь делаешь? — Она идет к нам, и я ползу глубже в тень диванчика. — Я пришла притащить тебя обратно, ты должен был... это демон? — Ускорив шаг, она оказывается рядом с пузырящейся массой. — Ты что, сражался с демонами? — Она произносит это обвинительно, но Хай гордо выпячивает грудь.

— Их было трое. Другого я ранил, но он убежал с третьим, — хвастается Хай.

Девчонка не может сдержать любопытства:

— Ты... — Она поднимает руки и шевелит пальцами. — Очистил его?

— Да, — отвечает Хай, сжав края кожаного пиджака и качнувшись вперёд. — Он не переродится.

Девчонка несколько секунд выглядит поражённой, но затем снова хмурится.

— Что ж, прийти сюда самому было глупо. Все слишком заняты, чтобы спасти какого-то идиота, который хочет поиграть в героя. К тому же, предполагалось, что ты будешь охранять школу.

— Серьёзно? Тогда почему ты не осталась в школе, если им так сильно нужна защита? Или ты сама планировала сыграть в маленького «героя»?

— Я не уверена, что сохранение твоей тупой задницы зачтётся за героизм. Кроме того... — её рот зло изгибается, и она хлопает по своему ножному корсету, — они бы не позволили мне помочь, даже если бы школа находилась в осаде. Они бы даже не позволили мне пойти за тобой, если бы знали, что ты вытворяешь.

Взгляд Хая скользит к её ноге, а потом — неловко — в сторону. Затем он снова переходит в наступление:

— *Зачем* ты пришла? У меня всё было под контролем. Я не нуждаюсь в помощи.

Она скрещивает руки на груди.

— Дело не только в тебе, мистер Герой. Борцов не было на месте, так что старшеклассники, — она фыркает и поправляет себя: — *здоровые* старшеклассники должны были стоять на охране.

Хай закатывает глаза.

— Это работа BS, и ты это знаешь.

— В твои обязанности входит защита школы, нравится тебе это или нет.

— На Школу Борцов веками никто не нападал, если вообще когда-либо нападали. Я нужен на поле боя, и я лучше любого из прошлого выпуска, им следовало позволить мне завершить обучение раньше.

— Что ж, они этого не сделали, — отвечает девчонка, ничуть не впечатленная его тирадой.

— Апп, ну же, Джо, на этот раз демоны практически пришли на нашу территорию, — не

унимается Хай. — Здесь не было никого, кто бы смог об этом позаботиться, поэтому я должен был это сделать.

— Ты *не должен* был ничего делать, демоны нападают на людей повсюду. — Она выговаривает ему как непослушному школьнику. Ловкий трюк, поскольку он выше её на шесть дюймов. — Ты пошёл сюда только потому, что мог вернуться в школу, прежде чем тебя поймают, — она сужает глаза, глядя на него. — Во всяком случае, ты так думал.

Хай решает сменить тактику и теперь выглядит очаровательно-глуповатым. Он делает шаг вперёд и чешет затылок, демонстрируя красивые мускулы.

— Что ж, я не собираюсь говорить, что это не было очень удобно...

К несчастью для него, её не так-то просто очаровать.

— Это было безрассудно и безответственно...

Он обрывает её стоном и закатыванием глаз.

— Раньше с тобой было весело, Джо, у тебя были яйца.

— Я обменяла их на мозги. А ты, как вижу, всё ещё думаешь своими.

Ха-ха, я борюсь с желанием полюбить её.

— Если бы не я, она бы умерла. — Он указывает туда, где я, припав к полу, выглядываю украдкой из-за диванчика.

Я съеживаюсь, делая вид, что мне страшно. Джо поворачивается и удивленно таращится на меня.

— Кто это? — Если бы рыба могла выглядеть яростной, она бы была похожа на раскрывшую рот Джо.

— Девушка, которую я спас, — хвастает Хай.

О, моему бедному эго было дано определение!

— Как твоё имя? — спрашивает Джо.

Я хочу солгать, но передумываю — в любом случае, они оба умрут. Кроме того, мама всегда говорила, что честность — лучшая политика. Я хмурю брови. Очевидно, что она сама этой политики не придерживалась.

— Меда, — шепчу я, возвращаясь к разыгрыванию невинной жертвы. Я ёрзаю за диванчиком, держа голову опущенной, опустив глаза в пол.

— Ты здесь живёшь? — спрашивает она со всей добротой испанского священника пятнадцатого века.

— Да.

В каком-то роде это правда. Я жила здесь две недели, нигде дольше я в последнее время не задерживалась. Безмолвные секунды проходят, и я смотрю украдкой, чтобы увидеть, что происходит. Джо изучает меня, останавливаясь взглядом на лице и окровавленной ночной рубашке.

— Что с тобой произошло? — В ее тоне явно слышится подозрение.

Я добавляю в голос дрожи во время ответа. Я и в самом деле слегка дёрганная, нападение несколько травмировало мою психику.

— На меня напали демоны. — Тоже в каком-то роде правда, хотя в кровище я не из-за этого.

Джо разглядывает меня, и мне не нравится выражение её лица. Анализирующее, расчётливое.

— Чья это кровь?

— Здешнего санитара, — отвечаю я, опуская глаза. — Он не спасся. — И то, и другое —

правда.

— С чего бы демонам приходить сюда?

— Убить меня. — А вот это едва ли правда. Они пришли, потому что из-за меня сработала их сигнализация, но я не знаю, планировали они убить меня или нет. Просто все чуть не закончилось этим. Я балансировала на самом краю.

Я открываю рот, чтобы солгать, когда Хай обрывает меня, спасая положение:

— Это же очевидно. Она — Маяк.

А вот это вообще не правда, но это сказала не я. Полагаю, всё зависит от того, где ты стоишь на минном поле обмана-по-умолчанию. Лично я нахожусь на заграждении.

— Мы должны взять её с собой в школу, — добавляет он.

Джо пристально смотрит на меня в течение нескольких секунд, прежде чем повернуться к нему.

— Могу ли я поговорить с тобой минутку? *Наедине?* — Одарив меня слабой улыбкой, она хромотает из приемной в коридор. Улыбнувшись более искренне, Хай следует за ней.

— Мы сейчас вернемся, — заверяет меня он, и они исчезают за углом.

Настало время убить их, пока они говорят. Хотя, если их оставить одних на достаточно долгое время, появится прекрасный шанс, что они убьют друг друга.

Хай будет первым, как большая угроза, чем девчонка. Я подкрадываюсь к углу, ступая мягко и бесшумно. Заглядываю за угол и не могу их видеть, однако, слышать могу. Ядвигаюсь к голосам, доносящимся из комнаты через несколько дверей.

— Ты встретила её, можно сказать, две секунды назад, как она может тебе не нравиться? — Хай — мой верный защитник от недоверия.

— Я не говорила, что она мне *не нравится*, я сказала, что я ей *не доверяю*.

— Всё равно!

Пауза, затем Джо произносит:

— Она слишком... скользкая. Гладкая. — Она знает, что во мне что-то не так, но не может понять, что именно.

Хе-хе, потому что это «что-то» слишком скользкое.

— Что? Что вообще это значит?

Ах, этот пренебрежительный тон я-всё-знаю парней. Я-то понимаю, что она имеет в виду. Конечно, я скользкая и гладкая. Моя душа скользит, моё лицо — фарфоровая маска. Все свидетельства моих изъянов зашпаклеваны и отшлифованы — так продавец дома прячет неприглядные трещины, свидетельствующие о плохом фундаменте. Ложь и обман скользки и гладки, и Джо чувствует во мне что-то такое же неправильно скользко-гладкое.

Она издает разочарованный стон, то ли из-за своей неспособности найти слова, то ли из-за неспособности Хая найти свои мозги, я не уверена. Я подкрадываюсь ближе и заглядываю в комнату. Они в поле моего зрения, всего в нескольких метрах, и стоят напротив единственного предмета мебели — серой металлической кровати. Хай стоит спиной ко мне. Идеально.

— А почему ты доверяешь ей так сильно? Ты только что встретил её.

— Я просто так чувствую.

— Ты — идиот!

Я с ней полностью согласна, но она почему-то думает, что это плохо, тогда как мне это на руку.

— Она может быть демоном, чтобы ты знал! — продолжает Джо.

Да, да, могу быть. Злым, сидящим на корточках демоном, собирающимся выпрыгнуть из темноты.

— Нет, не может. Я бы узнал, если бы она была демоном. — Хай вынимает из джинсов что-то, крепящееся к ним на цепочке, и машет им перед ней. Я перекатываюсь на носочки. Сейчас, прежде чем он это использует...

— Да, но ты не можешь узнать этого, если она полукровка!

Подождите, что? Он не может этого узнать?

БАМ. Снова входная дверь. Вы что, смеётесь надо мной? Это уже просто нелепо.

Я делаю два гигантски прыжка по коридору, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и притворяюсь, что бегу из приемной, когда Хай и Джо выбегают из спальни, с шарами со святой водой и пистолетами в руках. Я решаю позволить им двоим разведать личность счастливого гостя номер шесть, так что становлюсь за ними.

Мои глаза сосредоточены на входе, но мысли заняты другим. Девчонка сказала, что Хай не может распознавать полукровок. Предоставляемая мне этим возможность узнать о себе соперничает с риском, когда я мысленно перебираю разные варианты. Я могла бы внедриться к Борцам, вырвать секреты у них из-под носа и исчезнуть. Если они поймают меня, то я — труп. Но если нет...

Как не воспользоваться случаем? Существует целое сообщество, которое тренируется, чтобы убить меня, а я не имею о нём никакого понятия. И это ещё не учитывая обозлённых демонов.

К тому же, все это сулит большое веселье. О, и мне не придётся убивать Хая. Это плюс. С другой стороны, это значит, что я не убью и девчонку. Это минус.

Но мама была бы счастлива.

Хммм.

— Эй? — доносится из приёмной девчачье-мальчишеский голос, призывая моё внимание в настоящее. Я наблюдаю за Джо и Хаем, присев за их спинами, и вижу, что они переглядываются. — Эй? Здесь кто-нибудь есть?

Пистолеты и шарики опускаются.

— Ури? — зовёт Хай.

— Хай? — взвизгивают в ответ.

— Всё хорошо, — заверяет меня Хай.

Джо уже шагает — если можно так сказать при ее поврежденной ноге — вперёд, по направлению к гостевой.

— Уриэль Грин, что ты здесь делаешь? — спрашивает она, как только исчезает за углом.

— Эээ, эм, ааа, — заикается Ури, но Джо, должно быть, исцеляет его смертельным взглядом: — Я, э-э, думал, что здесь Хай.

— Это не ответ на мой вопрос.

Такое недовольное рявканье вырывалось у мамы, когда она находила меня... ладно, достаточно сказать, когда она была зла. Мы с Хаем огибаем угол. Там стоит красный, как свекла, мальчик. Напуганный и робкий, как щенок, обмочившийся на полу. У него растрёпанные, каштановые, как у кокер-спаниеля, волосы и слишком большие для его тела руки. Я бы дала ему двенадцать или тринадцать, он едва-едва примкнул к обществу половозрелых. Куда уж ему тягаться с разъярённой Джо. Она съест его живьём — не буквально, конечно. К сожалению.

— Эй, приятель, — зовёт Хай.

— Хай! — В его облегчении можно потонуть.

Хай делает шаг к нему, и они ударяют по рукам.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Хай. Похожий вопрос задала Джо, но этот был без оттенка предстоящего насилия. Разница разительна, и теперь Ури чуть ли не бурлит, спеша рассказать:

— Я хотел посмотреть, как ты дерёшься, и, ну знаешь, подстраховать тебя. — И спешит добавить: — Не то чтобы тебе это было нужно!

Со стороны Джо раздаётся рычание, и Ури отступает назад и указывает на меня:

— Кто это?

— Маяк, которого я спас, — невозмутимо отвечает Хай.

Ури выражает то самое благоговение и поклонение перед героем, которого от Джо Хай так и не дождался.

— Вау! Правда? — Парень смотрит на меня так, словно я очаровательное животное из зоопарка, а затем смотрит на Хая так, словно тот рок-звезда.

— То пятно — это всё, что осталось от демона, которого я поджарил, — показывает Хай, и Ури слишком потрясён, чтобы говорить. Он лишь восхищенно ахает и охает, танцуя вокруг лужи слизи так, будто ему надо в туалет.

Джо фыркает от отвращения.

— Мы можем идти? Те демоны могут вернуться с друзьями. И потом, мне бы хотелось вернуться до того, как кто-нибудь заметит, что мы ушли. Я не хочу провести остаток жизни под стражей.

— Обломщица, — бубнит Хай себе под нос.

Судя по убийственному взгляду Джо, она тоже его слышала.

— Пойдем, Меда, — зовет Хай. — Ты можешь поехать со мной.

Джо открывает рот, но я её опережаю:

— Куда?

— Домой, в штаб-квартиру Тамплиеров и школу Борцов, — отвечает Хай.

— Подожди, Тамплиеров — это *Рыцарей* Тамплиеров? — Для монстра я хорошо образована. Домашнее обучение, конечно же. С другими у меня учиться как-то не выходило.

— Именно, — он улыбается, наверное, радуясь тому, что я о них слышала. — Мы всё ещё существуем, только в наши дни Тамплиеры являются секретным сообществом. Мы...

— *Секретным*, Хай. *Секретным* сообществом. Мы не можем ей рассказать.

Хай закатывает глаза.

— Она *Маяк*. Мы можем ей рассказать.

— Ты даже этого не знаешь! Ты просто так считаешь.

— На неё охотились демоны. Демоны охотятся на *Маяки*. Плюс я нашёл её в сумасшедшем доме. Ты прекрасно знаешь, Маяки часто попадают в сумасшедшие дома, потому что их гены путают с безумством.

— Знаешь, кто чаще всего попадает в дурдом? — внезапно нежным голосом спрашивает Джо. — Сумасшедшие люди!

Хай продолжает так, словно не слышал ее, но я вижу, как его губы напряглись:

— Мы не можем просто оставить её здесь. Посмотри на неё. Что ты думаешь, она может сделать? Уничтожить целую школу?

Какая наивность! Мои прелестные ресницы порхают на моих незащитных щёчках.

Беспомощные руки сжимают край невинной, пропитанной кровью ночной рубашки. Красивые губы подрагивают над жемчужно-белыми зубками.

Джо не купилась.

— Демоны совершают разного рода сумасшедшие вещи. Это может быть ловушка.

Проклятье, эту сучку тяжело надуть. Хай колеблется; неужели он не видит, что я совершенно безобидна? Я протягиваю когтистую... эээ, нежную руку и кладу её ему на плечо, отвлекая его внимание от умных мыслей Джо и привлекая к моей прелестно-девчачьей беспомощности. Моя нижняя губа подрагивает, и я слышу, как Джо фыркает от отвращения. А теперь апогей моего творчества!

— Ты... — Горло так и сжимается, когда я строю из себя фальшиво-храбрую жертву! — Ты можешь оставить меня здесь. Я... — Пускаю слезинки, тяжело сглатываю. — Понимаю.

Он сдаётся, мои крошечные слёзы смыли его нерешительность мощной волной.

— Нет, — говорит он. — Ты идёшь с нами.

Победа! Получи, заумная калека!

Хай поворачивается к ней.

— При первой же возможности мы проведём проверку, чтобы убедиться, Маяк она или нет.

Что?

Эм.

Ничья.

Глава 5

Упоминание теста на выявление Маяка подбросило на весы несколько «гирек» в сторону «риска», но их оказалось недостаточно, чтобы перевесить сторону «возможностей». Что бы этот тест собой не представлял, очевидно, что приспособления для его проведения в данный момент у них нет, иначе бы девчонка, без сомнений, вытащила его и разобралась со мной на месте. В любом случае, я могу исчезнуть или, ещё лучше, заставить исчезнуть приборчик до того, как он станет проблемой.

Говорят, любопытство сгубило кошку, но меня это не волнует. Я умнее, хоть и чуть менее злее, чем любая кошка.

Покопавшись в кабинете врача, Джо появляется с аптечкой первой помощи. Она протирает порез на моем лице со всей мягкостью мародёра-захватчика и прихлопывает его пластырем, сообщая радостную новость о том, что швы мне не понадобятся. Плечо сильно болит, но я не упоминаю о нём, и не только потому, что её манеры сиделки — полный отстой.

Выйдя из фойе, мы сбегает вниз по полуразрушенной лестнице. Другой санитар — Гидеон, — с которым бы я с нетерпением поиграла, связан и спрятан во мраке с завязанными глазами. Я чувствую его страх. Хорошо, что я уже насытилась.

— Где вы припарковались? — шепчет Хай.

Не понимаю, неужели он боится, что кто-то может нас подслушать? Психбольница расположена в предгорье Северной Каролины, в тридцати километрах от Мариона. Сумасшедшие дома, похоже, всегда заставляют своих соседей кричать в знак протеста.

— Я припарковалась возле тебя, — отвечает Джо.

— Я тоже, — скулит Ури.

— Что ж, так проще, — произносит Хай, и мы весьма странной процессией выходим на извилистую чёрную подъездную дорожку: потрёпанный парень, девочка в окровавленной ночнушке, скачущий щенок и киборг.

Сумасшедший дом находится прямо у проезжей части, в полумиле от конца большой дороги. Обветшалое здание огорожено проволочным забором с колючей проволокой и деревцами из разрастающегося леса. Ворота, блокирующие проезд, закрыты на цепь, но как только мы подходим ближе, я улавливаю среди ржавчины светло-серебристый блеск недавно перерезанного металла. Должно быть, мои спасители перерубили цепь, чтобы попасть внутрь, а потом обернули, чтобы выглядело так, будто ворота всё ещё закрыты. Мы останавливаемся, чтобы раскрутить цепь, и Ури рвётся вперёд помочь.

— Ой, ты, наверное, замёрзла, — говорит мне Хай, пока мы ждём. Я не замёрзла даже несмотря на то, что сейчас только середина марта. Холод не тревожит меня, когда я наполнена горячим супом из плохих душ. И всё же я делаю вид, что дрожу. Он снимает свой кожаный жилет, и я держу его, пока он освобождается от толстовки, вместе с которой приподнимается и футболка.

Мне открывается прелестное зрелище на потрясающий пресс, и я сдерживаю себя, чтобы не присвистнуть. Охота на демонов, должно быть, благотворно влияет на физическую форму. И хотя у него внешность ангела, она искушает меня совершить грех.

Я замечаю выражение лица Джо. Уверена, она думает о том же самом.

Интересно.

Хай бросает мне толстовку, и я натягиваю её, пытаюсь не показать, что у меня болит рука. Толстовка всё ещё тёплая от его тела и липкая от крови демона — прямо как я, только я такая внутри. Он снова надевает чёрный жилет, но уже поверх чисто-белой футболки, и мы пускаемся на поиски наших машин для побега.

Наши машины для побега оказываются мотоциклами американского типа: большими, хромированными, с высоким рулём. Три таких припарковано прямо за растущими вдоль шоссе кустами. Теперь кожаные куртки обрели смысл, и если бы я обратила на них внимание раньше, то заметила бы байкерские нашивки: в центре чёрный крест, выделенный красным, сверху надпись дугой «Ночные рыцари», внизу — «Горный парк МС».

Вблизи я вижу, что в действительности, это два мотоцикла и один гигантский трицикл.

— Мотоциклы? — шепчу я.

— Борцы были рыцарями, и из того, что мы имеем в наши дни, это больше всего похоже на кавалерию, — объясняет Хай.

— Они достаточно маленькие и могут проехать там, где не смогут машины. Плюс мотоциклы дешевле, да и пробег у них хорош, — сухо добавляет Джо. — Но машины у борцов тоже есть.

Мотоциклы. Я могла бы раздавить их своими маленькими ручками, лопнуть их словно воздушные шарик. Вполне возможно, я могла бы их съесть, хотя, переваривать их, должно быть, будет неприятно. Наверное, я могла бы их обогнать. Но пока Меда человек, она скулит и хнычет:

— Разве мотоциклы не... опасны?

Бвахахаха.

— Нет, если ты знаешь, как на них ездить, — подмигивает Хай.

Джо поворачивается к Ури.

— Кстати говоря, у тебя ведь даже нет прав.

— Ну, вообще-то нет... — Он стреляет в Хая взглядом, вызывающим к помощи.

— Да ладно тебе, Джо. Мы с тобой катались на байках, когда были намного младше...

Её убийственный взгляд заставляет его заткнуться.

— И если бы были пойманы взрослым, нас бы просто сгрызли.

— И что же, ты теперь играешь роль взрослого?

— Один из нас должен им быть.

— Говорит девчонка, сбежавшая сражаться с демонами.

— Я не... — начинает Джо, затем закрывает рот и делает глубокий вдох. — Надень шлем. Поехали.

Она забирается на трицикл. Думаю, ей добавили дополнительное колесо, когда она повредила ногу.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я надел шлем? — насмехается Хай. — Ты можешь подавиться, когда всё-таки решишь откусить мне голову.

Не удостоив его ответом, Джо заводит трёхколёсный мотоцикл и с рёвом трогается с места. Хай, конечно же, передаёт свой шлем мне. Я не ортачусь и, надев его, забираюсь на место позади Хая. Я достаточно выносливая, и как-то раз имела удовольствие «поцеловать» асфальт. Конечно, я не умерла, но приятного в этом было мало.

Хай ждёт, пока Ури сядет на свой байк, затем следует за Джо.

Свист ветра крадёт все мои попытки начать разговор, так что я сдаюсь и вместо этого начинаю размышлять. Продолжительный эффект опьянения душой давно прошёл, сознание не затуманено и думать мне ничего не мешает.

Как и любого ребёнка, выросшего без отца, меня всегда интересовало, какой же мужчина подарил маме такое чудо, как я. Разумеется, новость о том, что он, возможно, ест своих детёнышей, оказалась разочаровывающей.

Я всегда знала, что я монстр. Моя кожа жёсткая, как металл, а кости практически невозможно сломать. Я могу бегать быстрее и прыгать выше, чем любой спортсмен Олимпийских игр. Моя сила поразительна. И давайте не забывать, я ем людей (хотя говоря о мотоциклах я преувеличивала).

Но совершенно другое дело знать, что ты не просто монстр, а ходячее воплощение дьявола. Хотя опять же, я не должна быть потрясённой. По крайней мере, не теми вещами, которые я совершала. Меня они нисколько не смущают. Моя совесть настолько мизерна и тиха, что только мама могла её оживить, делясь со мной своей добродетелью, как с паразитом, который высасывает всё, чего у него самого нет.

Мама знала. Мне неизвестно, как много она знала, но она всегда понимала, что я не такая, как все. Плохая. Она наблюдала за моими злобными выходками, склонностями к насилию. Голоду. Она ни разу не удивилась, когда во мне стали появляться дурные черты, однако была все время встревожена. Полагаю, она не знала, как много ДНК мне перепало от моего дорогого папочки.

Теперь понятно, почему она хотела подождать, пока я стану старше, прежде чем рассказать мне об этом. Она не хотела говорить своей дочери-школьнице, что та дочь демона. Возможно, она думала, что если я узнаю, что я полу-демон, то перейду на демоническую сторону. Использую это в качестве оправдания, совершая всякие пакости, о которых только мечтала.

Неплохая идея...

Позвоночник Хая всего в нескольких сантиметрах от моего рта. Он так и кричит:

«Укуси меня!». Но я этого не делаю, а лишь размышляю об этом. Хай же за рулём.

Хотя я в любом случае так бы не поступила, ведь он не собирается и даже не пытается пока меня убивать. Мама хотела, чтобы я убивала только тех людей, которые этого заслуживают, мои же моральные принципы гибки как акробаты: убивать только в случае самозащиты? Пожалуйста! Ведь лучшая защита, как всем известно, — нападение.

В память о маме я стараюсь держать свою тёмную грязную душу настолько чистой, насколько того позволяет моя сущность. Я пытаюсь, я действительно пытаюсь, но мне все тяжелее проливать свет на тёмные пятна своей души, особенно без яркого сияния, которое излучала доброта моей мамы. Именно по этой причине я приехала в Северную Каролину, туда, где выросла мама. Я хотела почувствовать себя ближе к ней, найти какую-то правду, возможно, даже семью. Потому что даже если мама и лгала мне, то её грех передо мной слишком мал по сравнению с моим грехом перед ней... Но я не хочу об этом думать.

Мама, какие ещё ты хранила секреты? Действительно ли мой отец мёртв? Что, если нет? У мамы была причина на то, чтобы держать меня вдали от него, но я не знаю, делала ли она это для сохранения меня в безопасности или для сохранения мира в безопасности от меня?

Конечно же, я спрашивала об отце, особенно, когда была помладше. Мама всегда отказывалась отвечать, одних вопросов было достаточно, чтобы омрачить её лицо. Я думала, что такое выражение у нее вызывает воспоминание о трагической любовной истории, но сейчас понимаю, что скорее от истории ужасов.

Мне не нравится думать о том, каково ей было растить меня.

Пролетают мили, мимо проносятся огни. Временами я замечаю искрящуюся серебром дымку привидений. Они всегда поднимают головы, как испуганные олени, когда мы проезжаем мимо. Каким-то образом они знают, что я могу их видеть. Я смотрю в сторону. Сейчас я не хочу иметь дело ни с одним из них.

Мы направляемся на запад, к трассе I-40, в горы. Я уделяю особое внимание нашему маршруту. Мне кажется вполне разумным узнать, где околачиваются охотники на демонов.

По мере того как мы поднимаемся в горы, воздух становится холоднее. На Хае перчатки, но его руки по-прежнему обнажены. Если бы он был обычным человеком, к этому моменту он бы их себе уже отморозил, он же лишь периодически прикладывает к груди то одну, то другую руку.

Мы сворачиваем на трассу I-74 к Вейнесвиллю, затем едем дальше в горы к шоссе 23. Мы проносимся через гигантский мегаполис Силву (население — 2,435 человек, с гордостью провозглашает указатель), затем переезжаем с одной извилистой дороги на другую. Позади нас небо уже начинает светлеть. Джо останавливается у обочины, мы присоединяемся к ней, а за нами и Ури.

Джо снимает шлем, её выющиеся волосы торчат во все стороны.

— Нам надо, чтобы наши истории совпадали, — говорит она.

Получается, не я одна размышляла во время пути.

Хай слазит с мотоцикла и держит его прямо, чтобы я тоже с него поднялась.

— Я подумал, что мы могли бы провести её, как мою кузину Кассию, — говорит он. — Скажем, что она приехала в гости. Она ходит в школу в Калифорнии и не навещала нас уже много лет. Никто не знает, как она сейчас выглядит.

— И что мы потом будем с ней делать?

Хай пожимает плечами. По-видимому, на этом его план закончился.

Джо не оценивает его беспечности.

— Ты не можешь просто оставить её.

— Почему нет? — спрашивает Хай чересчур невинно.

Джо не ведётся на это и сладким голосом произносит:

— Потому что в школе запрещается иметь домашних питомцев.

Я высовываю язык, и Хай смеётся.

— Со временем они поймут, что она не из твоей семьи, и нас раскусят, — морщится Джо.

Хай размышляет в течение минуты, потом его лицо просветляется.

— Через неделю должен вернуться Аса. Ему ещё никого не назначили, так что он позаботится о ней ради нас. — Хай поворачивается ко мне. — Он мой брат, и у него всё ещё нет Маяка. А ещё из всех членов нашей семьи он самый безумный, так что он нас не сдаст.

Аса[2] — самый безумный? Боже, помоги этим хороший людям.

Джо выдыхает, и её плечи расслабляются. Похоже, она действительно расстроена из-за того, что её зажали в угол.

— Это сработает.

Хмм. Выходит, у меня всего лишь неделя. Я надеялась на большее. В моей крови бурлит душа Самсона. Это значит, что пропитание мне не понадобится ближайшие четыре недели, а если постараюсь, то и все шесть. Но неделя — лучше, чем ничего. И, на самом деле, слишком уж утомительно притворяться святой даже с моими супер-способностями скрывать правду. Предел возможностей у каждого свой — у меня это святость.

Джо поднимает голову и изучает меня.

— Но она не может быть Кассией. Кассия пай-девочка.

— И? — спрашивает Хай.

Я понимаю, в чём проблема, и снимаю шлем. Хай может и не быть гуру моды, но он должен понимать, что моя стрижка не соответствует образу пай-девочки.

— Она может быть моей кузиной Эммой, — предлагает Джо.

— Эммой? Но она ведь отказалась от Наследия, с чего бы ей приезжать сюда? — И тут до него доходит. — Именно поэтому она *может* приехать сюда, даже не являясь Борцом. — Хай улыбается, и Джо невольно улыбается ему в ответ. Улыбка Хая становится ещё шире, и Джо, спохватившись, прочищает горло и смотрит в сторону.

Интересно.

— Ладно. — Она поворачивается ко мне. — Сможешь притвориться плохой девочкой? Она своего рода сучка.

Смех чуть ли не душит меня, пытаюсь вырваться наружу. Через силу мне всё же удаётся ответить серьёзно:

— Я могу попробовать. — Я даже умудряюсь сохранить бесстрастное лицо, добавляя: — Может, научишь как?

Ури и Хай не настолько талантливы, как я, поэтому начинают задыхаться от смеха. К моему удивлению, Джо не сердится. Она прекрасно поняла подколку, но виду не подаёт, хотя и не может скрыть смеха в глазах. — Нам надо достать тебе что-нибудь из одежды.

— Тебе не нравится эта? — Я сжимаю серую окровавленную ткань.

— Окровавленная ночная рубашка — это прошлый век.

— Где мы достанем одежду? — спрашивает Хай.

— В доме моих родителей. У меня ещё остались старые вещи.

Должно быть, что-то в её ответе оказалось неожиданным для Хая, потому что он вздрогнул. После недолгого молчания он произносит:

— Надо бы вернуть мотоциклы в гараж, прежде чем кто-то заметит, что мы уезжали.

— Могу поспорить, профессор Палмер уже встал, так что лучше их до гаража дотолкать, — говорит Джо.

Хай допускает ошибку, спрашивая её:

— Ты сможешь это сделать? — И получает в ответ Убийственный Взгляд.

Дальше каждый играет свою роль.

Все толкают свои мотоциклы, а я плетусь следом, как слабый человек, каковым и являюсь. Вскоре мы сворачиваем с мощёного шоссе на проложенную в лесу дорогу. На самом деле, она больше походит на посыпанную гравием тропу с двумя глубокими колеями, в которых колёса измазываются в грязи. Дорога изгибается, и толкать мотоциклы становится тяжелее. Я с парнями прохожу мимо Джо с левой стороны. Никто из нас не оказывается настолько глуп, чтобы спросить её, не нуждается ли она в помощи. Хотя это они не оказываются глупыми, я же просто не хочу ей помогать.

Я немного волнуюсь, когда мы подходим ближе. Секретное общество сверхлюдей, охотящихся на демонов и прячущихся в горах Северной Каролины? Безумие. Как же будет выглядеть их убежище? Есть ли у них замок, как у Тамплиеров? Или, быть может, современный подземный комплекс, как в фильмах про шпионов? Мы заходим за поворот, и теперь я могу его видеть. Перед нами простирается...

Трейлер-парк.

Нет, я не шучу. Полное разочарование.

Перед нами небольшая долина, переполненная трейлерами, словно их туда высыпали и разбросали по близлежащим горам. Тут есть несколько покрытых металлом зданий, гаражи, алюминиевые сараи, хранящие нажитое имущество, и огромное здание, расположившееся в самой дальней части. Однако я не могу разобрать ни единой детали. Солнце уже встаёт, но его лучи всё ещё не достигают долины, придавая ей вид тёмной тарелки с супом из трейлеров.

— Вы живёте в трейлер-парке? — спрашиваю я Ури, который оказался ко мне ближе всего.

Извилистая дорога уходит вниз в сторону долины.

— Лично я — нет, — отвечает Ури. — Я всё ещё живу при школе. А вот мои родители, когда находятся здесь, живут именно там. То же самое и со всеми моими братьями и сёстрами. Они старше меня. — Он забавно подпрыгивает, поскальзывается и чуть не роняет мотоцикл. Поймав его с ворчанием, он добавляет: — Намного старше.

— Ури был их «о-о» ребёнком, — вставляет Хай. — Не переживай, — оглядывается он через плечо, — такое происходит с лучшими из нас.

— «О-о» ребёнком? — переспрашиваю я.

— Ну да, знаешь, бывает родители, узнав о беременности, говорят «о-о». Родителям Ури было около сорока, когда он родился.

— Чтобы вы знали, я не «о-о» ребенок, — говорит Ури надменно, но тут же ухмыляется. — Я спрашивал папу, и он сказал, что я был больше «о черт!» ребенком.

Хай смеётся, и я тоже не могу сдержать смеха.

— Что касается трейлер-парка, — объясняет Хай. — Борцы дали обет бедности, и, по крайней мере, наше подразделение относится к этому серьёзно.

— Подразделение? — Что, существует множество подразделений для убийц демонов?

— Да, наше базируется в Горном Парке. Но существует множество филиалов, разбросанных по всей стране, по всему миру.

Теперь я вижу указатель. На деревянной табличке написано «Горный парк». Кто-то инициативный между этих двух слов дописал баллончиком с краской слово «Трейлер».

— То есть не все подразделения — байкерские трейлер-парки?

Хай улыбается.

— Нет. Борец, основавший Горный Парк, был немного неформалом. Он с друзьями занимался мотоциклами, и это обеспечило им удобное прикрытие при основании подразделения. Мало кто отваживается разнюхивать что-то в трейлер-парке байкеров.

— Эй, ребята, — доносится со стороны замыкающей шествие Джо. — Мы тут стараемся, чтобы нас *не* поймали.

Мы все замолкаем, входя в городок трейлеров. Единственный звук — дорожный гравий, хрустящий под шинами и ногами. В нескольких трейлерах горит свет, но большая их часть ещё спрятана во мраке.

Мы подходим к трём стоящим в ряд, покрытым металлом зданиям. Большая изящная вывеска, которой, очевидно, уже не один год, провозглашает: «Ремонт Мотоциклов Динкина». Хай поднимает вверх ворота гаража. Джо открывает рот, словно хочет шикнуть, но затем закрывает его. Наверное, поняла, что тихо поднять гаражные ворота никак нельзя.

Внутри находятся мотоциклы. Много-много мотоциклов и необходимое оборудование для их починки. Просто мечта фанатика-мотоциклиста. Большинство из них с эмблемой — крестом, чаще всего красным на белом фоне. Хай, Джо и Ури быстро закатывают свои мотоциклы на место, постоянно оглядываясь по сторонам. Хай опускает ворота, и мы переходим ко второму пункту — моему внешнему виду. Что носит плохая девочка, притворяясь хорошей девочкой, которая притворяется плохой?

Джо идёт впереди, придерживаясь окраины городка, так как у нас уже нет мотоциклов, которые надо было бы толкать. Её хромота сейчас намного заметней, должно быть, толкать мотоцикл было тяжелее, чем она это показывала. Небо начинает проясняться, освещая скрытые прежде от глаз части трейлер-парка. Чем больше я приглядываюсь, тем больше понимаю, что трейлеры не просто запущены, а заброшены. Напротив дверей проросли сорняки, слишком много окон остаётся тёмными. Машин мало, никаких разбросанных игрушек или чего-то подобного. Кто бы не жил в большинстве этих трейлерах, он уже давно отсюда уехал.

В конце концов мы возвращаемся к главной дороге и останавливаемся напротив бежево-красного трейлера, который был новым, наверное, где-то в 1970х годах. Сорняки кучатся у его основания, а деревянное крыльцо выглядит прогнившим.

Дом, милый дом.

Хай, храбрый парень, запрыгивает на ветхое крылечко в два счёта. Он протягивает руку, и напряжённая Джо бросает ему вытащенную из кармана карточку. Хай подхватывает её в воздухе и, используя в качестве отмычки, открывает замок с легкостью, говорящей о долгой практике.

И это хорошие парни? Человечество обречено.

— Прямо как в старые времена, да, Джо?

Он достаивается натянутой улыбкой. Джо, очевидно, не рада оказаться дома.

— Эй, Хай, научишь меня, как это делать? — спрашивает Ури, осторожно забираясь по

разрушенной лестнице, чтобы заглянуть за плечо Хаю.

— Конечно, дружище.

— Почему вы взламываете замок? По-моему, вы сказали, что это ваш дом? — спрашиваю я.

— Он принадлежал моим родителям, и я предполагаю, что сейчас он мой. — Джо пожимает плечами так, словно её это не волнует, однако движение получается слишком натянутым. — Но я здесь не живу. Нельзя, пока не завершу обучение.

— У тебя даже нет ключа? — удивляюсь я.

— Большинство родителей в отъезде, охраняют Маяки. Именно поэтому все дети живут в школе. Родители не хотят, чтобы здесь была куча неконтролируемых мест для сборищ, поэтому мы не получаем ключи до окончания обучения.

Отлично же это работает — вместо того, чтобы устраивать неконтролируемые сборища, дети знают, как тайком свалить и как взломать замок. Дверь открывается с мягким щелчком, и Хай проскальзывает внутрь. Мы с Ури следуем за ним.

Спёртый, затхлый воздух ударяет мне в лицо. Этим местом явно не пользовались долгое время. «*Он принадлежал моим родителям*», — сказала Джо. Я оборачиваюсь к ней, она стоит возле двери неподвижно. Хай тоже смотрит на неё.

— Джо? Ты в порядке? — мягко спрашивает он.

Джо поднимает взгляд.

— Конечно, — резко отвечает она, однако, колеблется, прежде чем зайти внутрь.

Трейлер точно такой же, как и множество обычных домов, только размером поменьше и загажен больше. Тут есть диван и телевизор (не с плоским экраном). Крошечная кухонька. На стене, ведущей в прихожую, расположен экскурс в жизнь семьи. На большинстве фотографий улыбающиеся мужчина и женщина. Судя по её бурным кудрям и его карим глазам, это родители Джо. Маленькая Джо улыбается со школьных фотографий и снимков с софтбола. Счастливая Джо, с двумя здоровыми маленькими ножками.

Хай исчезает за боковой дверью, и я следую за ним. Детская спальня Джо. Фактически, кровать-шкаф. Настоящие спальни гораздо больше. Я осматриваюсь. Не ожидала, что она будет сиреневой.

Кровать, аккуратно застланная выцветшим фиолетовым ватным одеялом, занимает практически всё пространство. Магнитофон (можно подумать, что он сохранился ещё с эпохи динозавров) стоит на низком столике рядом с коллекцией дешёвых книг в мягкой обложке, резинками для волос, дисками и другими свидетелями детства Джо. На одной из стен есть пробковая доска, завешанная постерами, поздравительными открытками и фотографиями. Это опять же фотографии семьи и школьные снимки, но на них уже фигурируют двое других людей. Один из них — Джо, а другой...

Хай.

Хмм. Судя по тому, что я видела, я бы не назвала их лучшими друзьями.

Парень со снимков копается в шкафу.

— Джо! Ты идёшь? Я не знаю, что ей дать!

Джо забирается внутрь. Комната настолько мала, что не может вместить нас всех. Я сажусь на кровать.

— Иди возьми в кухне ножницы, и... — Джо сглатывает, — ...папину машинку для стрижки из-под раковины в ванной. Нам надо что-то сделать с её волосами. — Она смотрит на меня. — Бунтарки не выглядят *так*. — Рада видеть, что она снова «жизнерадостна и

весела». — Что случилось с твоими волосами? — Затем ей на ум приходит более очевидный вопрос: — И почему ты вообще оказалась в сумасшедшем доме?

Меня так и подмывает сказать: «Потому что я сумасшедшая», — просто для того, чтобы увидеть её реакцию, но мне удаётся побороть это желание. Вместо этого я заимствую историю, которую слышала от одной встреченной на улице девочки.

— Мне некуда было идти, — пожимаю я плечами. — Я думала, что в больнице будет... безопаснее... чем в доме моей последней приёмной семьи ... — Я показываю на свои оборванные волосы и шрамы, позволяя ей самостоятельно заполнить пробелы.

На ее лице написано: «Чушь собачья», но рот остаётся закрытым.

Джо вытаскивает Хая в коридор и, заняв его место, принимается копаться в шкафу. Она вслепую кидает в мою сторону джинсы, а за ними чёрную футболку с нарисованным на ней неоновозелёным кроссовком, от которого разбегается куча таких же неоновых молний. Видно, вытащила наугад. Покопавшись глубже, она достаёт потрепанную куртку в военном стиле: армейско-зелёного цвета, с заклёпками и поясом на талии. Хоть рукава её и потёрлись, выглядит она очень даже круто. Маме нравилось одевать меня в пастельных тонах, как будто вся эта нежность могла в конечном итоге впитаться в меня.

— Переодевайся, — приказывает Джо и, выйдя наружу, закрывает за собой дверь.

Я переодеваюсь. Джо выше и грудастее меня, поэтому джинсы мне приходится подвернуть, а рубашка оказывается немного свободной, но сидит всё это достаточно хорошо.

Хай и Джо ждут меня в ванной комнате. Точнее, в ванной комнате находится Джо, и так как помещение слишком мало, Хай смог ступить туда только одной ногой. Если быть честной, то нога у него, действительно, большая.

Джо держит ножницы, за которыми посылала Хая. Обычно я не позволяю девчонкам, которые не испытывают ко мне симпатии, находиться рядом со мной с чем-нибудь острым, а уж тем более, я не позволяю им стричь мои волосы. Протиснувшись в ванную, я забираю у неё ножницы. Она пожимает плечами, кладёт машинку для стрижки на раковину цвета авокадо и оставляет меня одну.

Да уж, постаралась я изуродовать свои чудесные чёрные локоны. Искромсала их так, что с одной стороны они совсем короткие, длиной всего несколько сантиметров, а с другой — длинные. К счастью, я мастер своего дела, поэтому приступаю к работе.

Моя новая стрижка осталась ассиметричной, но теперь создает впечатление, как будто так и было задумано. Между модой и безумством всегда лежит тонкая грань. Думаю, я на правильном пути. Длинная сторона достигает до конца скулы. Короткая сторона подправлена и подстрижена ярусами. Очень модная плохая девочка.

Я перехожу к косметике: сильно подвожу глаза контурным карандашом сверху и снизу и покрываю ресницы тушью. К сожалению, чёрного лака для ногтей нет, поэтому я быстро наношу слой тёмно-фиолетового.

Я слишком худая, практически тощая из-за пребывания в психбольнице, и бледная. Худоба и бледность наркомана. Порез на щеке больше не кровоточит и теперь служит прекрасным дополнением к моей дурной славе, так что я сдираю пластырь, чтобы выставить его напоказ. С ассиметричной стрижкой, подведёнными глазами и выданной мне одеждой я выгляжу как какая-нибудь старшеклассница, заставляющая своих родителей уважать собственных детей. Идеально.

Я присоединяюсь к остальным, сидящим в гостиной, которая (едва ли) похожа на комнату.

— Бау! — Ури разевает от изумления рот. Галёрка одобряет. — Как ты это сделала?

— У меня хорошо получается резать... — кратчайшая пауза — ...волосы.

Думаю, Джо оценила мою многозначительную заминку, так как в её глаза возвращается жесткость. Тем не менее, ничего не говоря, она протягивает мне мужские носки и потрёпанную пару чёрных кед.

Хай, плюхнувшись на диван, пытается удержать ручку на кончике языка. Оглядев меня, восклицает:

— Очень плохая девочка!

Ури плюхается рядом с ним и что-то ищет — вероятно, ручку.

Джо падает в желчно-бежевое кресло, устремив глаза на колени.

— Нам надо выбраться отсюда до завтрака и присоединиться ко всем в столовой.

Я сажусь на пол и надеваю обувь. Ури находит ручку, и они с Хаем начинают соревноваться в балансировании ручки на языке. Джо отрывает липучку с корсета на ноге и прикрепляет её обратно, затем снова отрывает. Проходит несколько бесшумных, если не считать повторяющегося звука, издаваемого липучкой, минут.

— Сколько осталось времени до завтрака? — спрашиваю я.

— Мно-о-ого, — предполагает Ури, роняя ручку из-за бесполезного ответа. Он вытирает с лица слюни. — Завтрак в 9.30.

Сейчас должно быть около 8. Убейте меня.

— Итак, что я должна знать, чтобы быть Эммой? — спрашиваю я. Это должно отвлечь Джо от её занятия. Она моргает, но не отвечает. — Джо?

— Хорошо. — Она выпрямляется. — К счастью, Эмму никто не любит, поэтому тебе не придётся много говорить.

— Как они могут не любить её, если даже не могут её узнать?

Джо пожимает плечами.

— Она отказалась от Наследия.

Я понятия не имею, что это означает, поэтому Джо разъясняет:

— Она не хочет быть Борцом.

Умная девочка. По мне так жизнь Борцов — полный отстой.

— Кажется, это тяжелая работа, — замечаю я.

Этого достаточно, чтобы заставить Хая убрать ручку в сторону.

— Как можно решить *не* сражаться с дьяволом?

У Хая, действительно, доброе сердце, но, возможно, на его храбрость повлиял тот факт, что он не знает, сколько раз за эту ночь он едва не умер.

И давайте будем честны, у него всё ещё есть возможность умереть.

Меда!

Шучу, мама. Шучу.

— Нас и так мало. Чем больше тех, кто отказывается помочь, тем опаснее это становится для остальных из нас. — Слова прагматика Джо. — В любом случае, ты — позор своих родителей, своей общины, никто тебя не любит. Твой отец, Илия, и мой отец — братья. Твоя мать, Бека, стала Тамплиером после замужества, поэтому у тебя есть много кузенов, которые не являются Тамплиерами.

— Ужасное имя, — добавляет ребёнок, которого называли Уриэлем.

Я растеряна.

— Что?

Они объясняют, что Тамплиеры происходят от настоящих Рыцарей Тамплиеров, религиозного ордена, сформировавшегося в двенадцатом веке. Их первоначальной целью была защита паломников, которые хотели посетить святые места. Паломники чаще всего были хорошими людьми, готовыми рисковать жизнью, поклоняясь Богу. Некоторые из них даже обладали потенциалом сделать мир лучше, их называли Маяками. Демоны узнали об этом и начали их отлавливать. В те тёмные и опасные времена им удавалось это без особого труда.

Чтобы уравнивать силы демонов и рыцарей, первых членов ордена Тамплиеров небеса наделили особыми способностями, а вместе с ними и обязанностями уничтожать демонов и защищать Маяки. Проблема была в том, что они хорошо справлялись со своей работой. Слишком хорошо, хотя и смогли сохранить причину своего успеха в секрете. Религиозные и мировые лидеры заинтересовались ими и начали использовать Тамплиеров в личных целях. Они заставили их вербовать новых членов, чтобы расширить их ряды, но новые члены не имели сил, которыми обладали основатели ордена и их потомки. Постепенно в орден просочились люди, контролируемые демонами, после чего всё пошло не так, как надо. Настоящие тамплиеры попытались вернуться к их первоначальной цели, и в результате были практически ликвидированы в четырнадцатом веке. Многих казнили, но некоторым удалось уйти в подполье. Выжившие потомки перегруппировались. Так что только потомки настоящих Тамплиеров обладают особыми силами.

— Ой, и все, кто вступают в брак с Тамплиерами, — добавляет Ури.

— Но как? — спрашиваю я.

Все смотрят на меня.

В итоге, Ури отвечает:

— Так угодно Богу.

Ладно.

— Тамплиеры рождаются с минимальными сверхспособностями (мы немного сильнее, немного быстрее), а потом в наш тринадцатый день рождения мы проходим церемонию, — продолжает Джо.

— Некоторые потомки настоящих Тамплиеров ещё не с нами, но они просто не знают, кто они такие, — объясняет Хай, наклонившись вперёд и положив локти на колени. — Мы пытаемся отследить их, а обнаружив, стараемся вернуть в орден. Обычно это целые семьи, в которых все дети обладают сверхъестественными атлетическими способностями. К сожалению, иногда нам не удаётся добраться до них вовремя.

— Их настигают демоны?

— Иногда да, а иногда это делает слава.

— Слава? — Я бы не возражала, чтобы меня настиг этот враг.

— Да, например Серена и Венера Виллиамс, — говорит Хай. — Мы уверены, что они Тамплиеры.

— Или Пейтон и Эли Мэннинг, — добавляет Ури, и Хай кивает.

— Они слишком известны, чтобы вернуть их в орден сейчас. — Хай прискорбно качает головой.

Вряд ли бы супер-звёзды миллионеры разочаровались, узнав, что вместо роскошной жизни могли бы иметь короткую и полную насилия жизнь, отягощённую обетом бедности.

— А Тамплиеры могут быть Маяками? — спрашиваю я.

Хай обдумывает это, затем качает головой.

— Никогда об этом не слышал.

— В любом случае, — направляет нас в нужное русло добрая Джо, — когда нам исполняется тринадцать лет или же когда нас приводят сюда, мы проходим церемонию, принимаем наше Наследие и обретаем супер-способности. Или, как в случае с Эммой, не получаем ничего.

— Так что, никто не будет ожидать от меня каких-либо супер-способностей?

— Нет. Возможно, лишь немного атлетизма, — Хай подмигивает. — Мы удостоверимся, чтобы никто не предложил тебе сыграть в какую-нибудь спортивную игру.

Похоже, сейчас у меня прекрасная возможность узнать побольше достоверной информации о своих естественных врагах.

— А какие необычные способности получают Тамплиеры во время церемонии?

Хай и Ури одновременно открывают рты, чтобы ответить, но Джо обрывает их, сверля меня взглядом:

— Это не имеет значения, у тебя нет ни одной из них.

О-па! Кажется, чтобы выведать побольше информации, мне придётся потерять свою дорогую кузину. У меня есть только одна неделя, а чтобы завладеть доверием Джо, потребуется гораздо больше времени. Я не удивлюсь, если она обменяла свою ногу на дополнительные мозги.

К счастью, парни сливают информацию так же быстро, как я сливаю кровь. К сожалению, объединить эти наши два хобби не выйдет, поэтому просто нужно отделить Джо от остальных.

Всё оставшееся время меня мучают унылой биографией Эммы. Ей семнадцать (хотя, никто не может вспомнить, когда у неё день рождения), у неё есть брат и кот (оба очень большие) и бла-бла-бла, кого вообще это волнует?

В конце концов, часы показывают 9.15, настало время покидать эту дыру и направляться в школу. Хай и Ури идут впереди, Джо замыкает шествие. Думаю, она хотела бы взять руководство на себя (она до сих пор не соглашается признать во мне невинный цветочек), но с её ногой не особенно повышагиваешь впереди, а она скорее задохнется, чем попросит замедлить темп ради неё, так что довольно скоро она исчезает из нашего поля зрения.

Хе-хе.

Мы бежим рысцей между трейлерами, нагибаясь под их окнами. Солнце уже полностью встало, однако воздух всё ещё холодный и при выдохе у нас изо рта идёт пар. Мы сворачиваем влево, к противоположному концу от того места, где зашли в долину, и идём прямо вперёд между трейлерами. Теперь мне видно большое здание: должно быть, это школа. Мне приходится замедлиться, чтобы рассмотреть его целиком.

Здание школы — разрушающаяся каменная коробка высотой в четыре этажа с расползающимися в стороны двух- и трёх-этажными пристройками с нечётным количеством углов. Когда его расширяли, никто не принял во внимание стиль первоначальной постройки (если только «большую коробку» можно счесть за стиль), материалы не сочетаются совершенно. Одно крыло выглядит так, словно его отлили из обычного цемента, или вообще привезли из СССР, когда СССР ещё *существовал*. Несколько стоящих близко друг к другу корпусов обернуто предупредительной лентой, их окна забиты досками. Ржавеющий труп качелей трогательно склоняется возле входа.

Этот монстр создан архитектором Франкенштейном.

«Проект Просветительской Благотворительной Школы» — провозглашает большой и ещё в большей степени прогнивший деревянный указатель.

Они шутят, что ли?

Я так пристально разглядываю эту уродливую школу, что не замечаю под ногами железную цепь, пока не спотыкаюсь об неё. Она гремит и бряцает, пробуждая спящего монстра — тощего маленького любителя вцепиться в щиколотки с короткой, но объёмной седой и кудрявой шерстью. Он раздражается безумным лаем и дергается на цепи так, словно хочет разорвать меня в клочья. Это чувство взаимно, но сейчас не время для этого.

Я смотрю на Хая и Ури, стоящих в двадцати шагах от меня и замерших в нерешительности, не желая бежать без меня. Входная дверь трейлера распаивается от удара. Я всё ещё нахожусь позади трейлера вместе с сумасшедшим зверем, а вот Ури и Хай стоят прямо напротив входа. Они собираются бежать, но уже слишком поздно.

— Не двигаться, я вооружён, — произносит голос из трейлера.

Вот дерьмо, нас поймали.

Глава 6

Гав, гав, гав, гав, гав.

— Малахай? Уриэль? Это вы? — По крайней мере, кажется, именно это сказал тот человек. Мне едва удаётся услышать что-либо за лаем собаки, похожей на мокрую крысу.

С того места, где я нахожусь, прямо за трейлером, мне видно Хая и Ури, но не стоящего в дверях владельца трейлера. Поза Хая сменяется с изогнуто-вороватой на ручки-за-спиной ангельскую. По его лицу расплывается милая улыбка, и Ури пытается скопировать её, но уже с меньшим успехом. То немногое, что я смогла услышать, было произнесено старым голосом, так что, возможно, у его обладателя достаточно плохое зрение, чтобы Ури показался ему убедительным. Кажется, они обмениваются любезностями, но даже мой суперслух не может ничего разобрать из-за этой чёртовой собаки.

Быстро взглянув на Хая и Ури и убедившись, что их внимание сосредоточено не на мне, я протягиваю руку и хватаю маленькую собачонку. Прежде чем я успеваю сделать что-то ещё, Хай стреляет в мою сторону взглядом, и мне приходится невинно улыбнуться и потрепать противное животное по голове. Зверь отвечает на мою доброту брыканием и рычанием, пытаясь цапнуть меня за запястье. Как только внимание Хая возвращается к мужчине, я вздёргиваю животное за загривок и поднимаю до той поры, пока его мокрый чёрный нос не оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Мы пристально смотрим друг другу в глаза, и я вижу, как они у него расширяются, когда я рычу ему в лицо. Собака мочится, но ведёт себя невероятно тихо. Я швыряю его обратно в будку. Иногда плохишам надо напоминать, что они не единственные, кто может укусить. Хай разворачивается ко мне из-за того, что пёс внезапно заткнулся. На моих губах сахарная улыбка.

Чтобы положить конец некоторым спорам, могу сказать точно, что у собак действительно есть души. Правда, не такие аппетитные и сытные, как у людей. С питательной точки зрения, я бы сказала, что на дюжину собачьих душ приходится одна человеческая. Полагаю, я могла бы совершить такой обмен и даже выжить, но я этого делать не буду. Хорошая собака всегда ценнее плохого человека. Я могу положить конец ещё одному спору: не все собаки отправляются в Рай, большинство из них такие же ужасные, какими и кажутся.

Позади доносятся неровные шаги, и, развернувшись, я вижу догоняющую нас Джо.

— Их застукали? — шепчет она. Я киваю. — Что ж, по крайней мере, это всего лишь Фредерик. Он уже через пять минут забудет о том, что видел. Будем надеяться, что их больше никто не заметит. — Она опускает взгляд на собаку, которая скулит и копошится в грязи, и поспешно делает пару шагов в сторону от неё.

— Тьфу, ненавижу домашних животных, — бормочет она.

Интересно. Большинство девочек любит животных. А домашних — особенно. Я смотрю на неё с любопытством.

— Почему люди платят столько денег за эту *обузу*, — шепчет она. Вау, да в ней меньше человеческого, чем во мне. Я, по крайней мере, ценю хороших собак. Хотя и от плохих получаю удовольствие, только другим способом.

Мы ждём, пока Хай и Ури закончат врать Фредерику и весело помашут ему на прощание. Мы слышим, как закрывается дверь, и парни манят нас за собой. Больше нежеланных встреч на пути к самому ветхому крылу школы не возникает. Мы огибаем его, заходя со двора, и останавливаемся у сильно поржавевшей двери. Кто-то просунул кусок картона в дверной косяк, чтобы держать дверь закрытой, но она легко открывается, когда Хай дергает её на себя. Он заглядывает внутрь, затем проскальзывает в отверстие, показывая нам жестом следовать за ним.

Я делаю глубокий вдох и захожу в учреждение, обучающее убивать Меду.

Интерьер полностью противоположен потрескавшемуся и ветхому экстерьеру. Нижние окна заколочены, потому что те, кто это сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь увидел, что находится внутри. Ведь большинство старших школ не включает в себя тренировочный центр, хотя иногда с этой целью используются детские спортивные площадки. Двухэтажный спортзал типичен для школы: блестящий, но поцарапанный пол, белые блочные стены и складные трибуны, вот только тренировочный инвентарь не типичный — боксёрские груши, мишени для стрельбы, клетка для борьбы и боксёрский ринг, а также стандартные маты, препятствия и канаты.

Но самое увлекательное — стены, увешанные тренировочным оружием. Деревянные клинки всех видов свисают со стеллажей, которые большинство жителей пригородов используют для гаражных инструментов, в то время как вся коллекция настоящего холодного оружия хранится в металлическом ящике — как я могу предположить, закрытом.

Коричневые глиняные шарики со святой водой заполняют корзину из проволочной сетки, в которой обычно хранят мячи.

Мы крадёмся через спортзал к коридору. Я слышу вдалеке топот и крики детей, но в ту стороны мы не идём. Мы резко поворачиваем налево, проходя ещё один коридор. Проскальзываем на лестницу и поднимаемся на площадку второго этажа. Вместо того, чтобы пойти по коридору, Хай направляет нас к окну, выходящему на крышу соседнего корпуса.

— Круто! — щебечет Ури. По-видимому, старшеклассники не рассказали ему об этом пути побега.

Хай предлагает мне своё мускулистое предплечье и поднимает меня, пока Ури поддерживает меня снизу. (*Это так ужасно неловко.*) Хай предлагает аналогичную помощь Джо и получает в ответ холодный взгляд. Разве он ещё не понял? Даже Ури достаточно умен, чтобы не предлагать ей помощь. Но, с другой стороны, я не могу представить хоть кого-нибудь, у кого хватило бы достаточно храбрости, чтобы без приглашения прикоснуться к заднице Джо, и не важно, с хорошими намерениями или нет. Джо поднимается

самостоятельно, без посторонней помощи, затем выкарабкивается Ури, и мы движемся дальше по наклонной крыше. Мы подходим к главному корпусу здания, и Хай, махнув нам, чтобы мы подождали, заглядывает в окно. Убедившись, что путь свободен, мы забираемся в мужской туалет.

— Круто, круто! — снова радуется Ури.

— Пойди, убедись, что там чисто, — произносит Хай с отеческой улыбкой, кивнув на дверь.

Ури практически светится от дарованной ему привилегии. Выглянув, он машет нам, и они с Джо выскальзывают в коридор. Хай останавливается у двери.

— Готова сыграть плохую девочку? — спрашивает он, изогнув светлую бровь.

Я злобно скалюсь во все зубы, и он отступает назад.

— Хорошо получилось? — нахмурившись, интересуюсь я.

Он моргает.

— Хм, да, хорошо.

Хе-хе.

Он придерживает для меня открытую дверь, и мы присоединяемся к тем, кто уже выполз из своих комнат и спускается к завтраку.

Таким вот образом, маленький полудемон в лице меня легко и просто узнал, как проникнуть в логово Тамплиеров.

Нет, мама, конечно нет. Я ничего такого не сделаю!

Она качает головой, слишком хорошо меня зная. Я дуюсь.

Главный корпус, должно быть, открыт для всех, потому что выглядит он, как любая малоимущая, чрезвычайно дерьмовая школа. Не то чтобы мне разрешалось учиться в такой — мама, вероятно, хотела свести к минимуму весь потенциальный негатив. Стены из цементных блоков окрашены в бежевый цвет, на полу лежит черно-белый узорчатый линолеум. В коридорах висят пробковые доски с напоминаниями и рекламой. *Практика, Пятницы 2-4*, — просто написано на одной из них. Я могу только представить, что практикуют в школе для профессиональных убийц. Здесь даже есть ужасная коллекция никуда не годных мотивационных плакатов. На одном ярко раскрашенном объявлении изображена целая куча улыбающихся щербатых детей со словами «Будь собой» большими печатными буквами. Худший совет, который я когда-либо получала с плаката. Я смотрю на изображение очумело улыбающихся детей. Им, кажется, он тоже не понравился.

Это коридор со спальнями парней: на дощечках возле дверей перечислены мелом имена жильцов, большинство из которых ужасающе библейские. Иезекииль, Авраам, Мафусаил (вы не шутите?). И даже Иуда. Кто решил, что *это* хорошая идея? Мама сильно подсела на библию, теперь, зная, что она родила полудемона, я начинаю понимать, почему.

Мы идём вместе с толпой на первый этаж, и человеческие звуки становятся громче — разговоры, хихиканье, выкрики. Их источник — пара потрёпанных деревянных дверей в самом конце коридора. Я чувствую запах завтрака и предполагаю, что это и есть столовая, хотя нигде нет указателя. Когда мы подходим ближе, у меня в животе образуется комок нервов. Полагаю, нервничать в свой первый день в школе, даже когда остальные ученики не хотят тебя убить, — вполне нормально.

Мы проходим через двери.

Это типичная столовая, если можно верить телевизору. Длинные столы с приставленными к ним скамейками тянутся по залу, утыканному цементными столбами. Зал

кишит кучей человеческих личинок — должно быть, их здесь более сотни. Дети повсюду, по численности они превышают взрослых, достигших двадцати одного года. Повсюду дети разных возрастов: от тех, что только научились ползать, до тех, кому уже исполнилось восемнадцать. Они кричат, падают и дерутся, в основном ради веселья. Зал словно наполнен энергичными щенками. Один ребёнок ударяет другого, который потом прыгает на того, хохоча, как сумасшедший. Волчата.

Те немногочисленные взрослые, которых послали сюда, чтобы справиться с детьми, впечатляют своим видом — два древних старикашки, у которых на лице больше волос, чем мускул на теле, и однорукий парень. Им нужны кнуты и стулья, а не ходунки. И, конечно, по меньшей мере, все конечности. Ничего не могу с собой поделывать, но думаю, что променяла один дурдом на другой, только в этот раз им управляют сами больные. Выпущенные на свободу дети озверели. Наверное, Борцы считают, что их дети — хорошие ребята, и поэтому сильного присмотра им не нужно. Идиоты. Хороший подросток, как хороший демон — различие только в условиях.

Дурдом, короче.

Интересно, как они собираются объяснить моё появление взрослым? Я даже перестала беспокоиться в этом хаосе. Ладно, почти перестала.

Когда мы заходим, остальные учащиеся поворачиваются, чтобы поприветствовать нас. А точнее, поприветствовать Хая.

— Хай, Хай![3]

— Хай!

— Доброе утро, Хай!

По-видимому, я гостя короля школы охотников на демонов.

Никто не приветствует Джо. Наткнувшись на неё взглядом, все отводят глаза, как будто она покрыта тефлоном[4]. Я бы списала это на её не-очень-то-обаятельную персону, если бы их глаза не цеплялись за ножной корсет.

Даже я получаю свою долю внимания.

— Кто это? — спрашивает один рыжий веснушчатый ребёнок, указывая на меня.

— Двоюродная сестра Джо, Эмма, — выпаливает Ури, поспешив соврать.

Кто-то вздыхает, кто-то хихикает — такое ощущение, что я изгой класса. Они презрительно улыбаются и отворачиваются. Я обнажаю зубы в убедительной дьявольской улыбке.

В общем, веду себя естественно.

Очередь из учеников с пустыми руками исчезает за дверью в одном конце дальней стены и появляется в другом, но на этот раз уже с тарелками, наполненными едой. Мы встаём в конец, разбирая подносы, столовые приборы, салфетки, крекеры и приправы. Хай отходит в сторону, разговаривая с кем-то из друзей. Ури, стоя рядом с ним, греется в свете своего знакомого. Хромоножка топчется рядом со мной. Я бы предпочла думать, что она защищает меня от своих злобных одноклассников, но подозреваю, что она просто за мной следит. Я определённо должна буду от неё избавиться, если собираюсь узнать хоть что-нибудь.

Очередь впереди меня постоянно меняется, так как школьники стараются не стоять около меня, как будто мой мнимый позор заразен. В конце концов, кто-то впихивает передо мной малыша, и очередь успокаивается. Он, очевидно, слишком мал, чтобы беспокоиться о том, что я — зло. Малыш поворачивается посмотреть, из-за чего вся эта суматоха.

Мне не разрешали играть с детьми. Не после того небольшого инцидента с Амелией. Эй, она первая меня укусила!

Я изучаю маленькое создание, стоящее напротив меня. Что собой представляют эти маленькие недоразвитые человечки? Они недостаточно умны, недостаточно умелы и, кажется, им постоянно не хватает денег. Тем не менее, это могущественные маленькие монстры — взрослые пляшут под музыку, которую играют их маленькие пухлые пальчики. Всё дело в непропорционально большой голове? Или слишком больших для этой головы глазах? Оказывала ли я такой же эффект на свою маму? Поэтому ли она верила в мою доброту, несмотря на всё, что свидетельствовало об обратном?

Внезапно нижняя губа выпячивается, и глаза становятся больше. Я чувствую рывок в том районе, где должно быть сердце... Я хочу отдать ему...

Аххх! Отвернись! Отвернись! Злой, пленительный, гипнотический монстр.

Да шучу я. Но он такой миленький, что я кормлю его крекером.

Очередь движется, и я накладываю еду на свою тарелку. Здесь только ужасно здоровая пища: толстый омлет на овощах, перемешанные фрукты и канадский «бекон». Ха, это в такой же степени бекон, как я — человек. Мы оба врём, только он совершает большее преступление. Я натыкаю кусочек с немного чрезмерной жестокостью в качестве наказания. Неудивительно, что все эти дети худые и злые, они ведь питаются такой едой. Их, наверное, специально не перекармливают, держа в боевой форме.

Я на самом деле ем. Я имею в виду что-то ещё, кроме душ. Когда я наполнена свежей душой, я склонна есть меньше, но я ем намного больше, когда становлюсь пустой. Обычно я не ем много на следующий день, но так как последнее время меня достаточно сильно морили голодом, как счастливого обитателя дома ужасов, я проголодалась.

Я первой миную очередь и останавливаюсь в её конце, не зная, куда сесть в переполненной столовой. Бегло просматриваю длинные столы на наличие свободных мест и вижу детей, поочередно отводящих взгляды или свирепо смотрящих на меня. Послание уже не может быть яснее, даже если бы они кричали: «Место занято».

Джо ковыляет ко мне, её пластиковый поднос уставлен едой. Она тоже оглядывает зал и останавливается, когда глаза натыкаются на стол, за которым сидят девчонки в ярких розовых и пастельных одеждах с блестящими, ухоженными волосами. Она смотрит на меня, и её губы изгибаются в легкой лукавой улыбке.

— Идём, — говорит она и шагает вперёд.

Я чувствую взгляды, следящие за нашим продвижением, и в зале становится тише, когда мы достигаем нашего пункта назначения.

Девочки притворяются, что не видят нас. Никто не хочет быть замеченным за разговором с изгоем. Или со мной, одно из двух.

— Привет, — весело говорит Джо. Слишком весело.

Возникает пауза — девчонки, наверное, молятся про себя, чтобы мы исчезли. Но Джо не относится к типу людей, отвечающих на молитвы, поэтому просто ждёт. Маленькое блондинистое нечто краснеет. Высокомерная брюнетка с ужасно идеальными бровями — первая, кто поднимает на нас взгляд.

— Джо, — произносит её рот. *Лузер* — говорит её тон.

За столом повисает тишина.

— Ханна, ты помнишь мою двоюродную сестру Эмму?

Их лица говорят, что они знают об Эмме всё.

— О, — произносит брюнетка. — Ты имеешь в виду другую девчонку Бучард, которая никогда не боролась с демонами? — Идеальная бровь поднимается вверх, и девушка поворачивается ко мне. — Нет, мы не встречались. — Выражение её лица говорит: *Проваливай, я тебя не боюсь.*

Я привыкла к такой реакции, будучи маленькой худенькой девушкой. И без проблем справляюсь с этим, будучи злобной и практически непобедимой. Без единого знака со стороны Джо, я перебрасываю ногу через скамейку, вклиниваясь между Ханной и блондинистым нечто. Они охают и возмущенно сопят.

Стол бы не опустел с такой быстротой, и людей с брезгливым выражением лица не стало бы больше, если бы я даже обмочилась в штаны. Ханна встаёт с подносом в руках. Долю секунды мне кажется, что она собирается ударить им Джо. Уверена, все, кто находится в достаточной близости, чтобы нас подслушивать, присоединились к моему мысленному пению: *Драка, драка!*

Джо с широченной улыбкой наклоняется вперёд.

— Пожалуйста, не принимай на свой счёт.

У Ханны напрягаются руки. Длинная пауза. Затем они расслабляются, и она разворачивается на каблуках, остальные следуют за ней.

Их побили, но сами они не бьют. Блондинка говорит достаточно громко, чтобы её слышали:

— Что Хай делает с *ней*? — Я уверена, что они говорят обо мне, пока она не добавляет ещё громче: — Думала, он бросит её ещё несколько лет назад.

Джо розовеет.

— Некоторые люди не понимают намёков, — продолжает Ханна ещё громче. — Это так жалко.

Аххх! Всегда знала, что мне бы понравилась старшая школа!

Мы плюхаемся за только что опустевший стол. Хай и Ури, догнав нас, тоже шлёпаются на скамейку.

Хай расставляет локти.

— Как свободно.

Ни в первый раз я удивляюсь, как много он не знает.

Я накалываю на вилку кусочек омлета, но острый локоть Джо заставляет меня понять, что больше никто не ест. Звучит громкий хлопок, и я оборачиваюсь, ища источник звука. Мои глаза останавливаются на столе взрослых в дальней части столовой, где небольшой бородатый мужчина беседует с высокой кудрявой леди. Они пожилого возраста, но выглядят не как все пожилые люди, которые встречались мне. Они вовсе не дряхлые и скрюченные, а худые и крепкие и одеты в джинсу и кожу. Его лицо выглядит так, словно было слеплено новичком в этом ремесле. Оно неравномерно и сильно разлиновано беспорядочными морщинами, поэтому создаётся впечатление, что инструменты мастера промахивались. Мне удаётся увидеть только половину лица женщины, но она выглядит так, словно ей повезло до некоторой степени больше. Затем они замолкают и поворачиваются к толпе. Через лицо женщины тянется шрам: ото лба до щеки, касаясь века, которое не открывается.

— Директор и сержант, или «Серж», — подсказывает Ури. — Только не дай ей слышать, что ты её так называешь. Она заведует Борцами, которые базируются за пределами этой территории. — Мечты о том, чтобы поладить с доблестным руководством, если мой образ Эммы потерпит неудачу, улетучились. Надеюсь, Хай и Джо знают, что

делают.

Директор склоняет голову и весь зал, кроме меня, следует его примеру. Он молится, говоря что-то о долге, чести, всякой чепухе, очень длинном пути и в самом конце произносит что-то на латинском, что именно, я не понимаю. Толпа скандирует «Аминь», и зал снова взрывается шумной болтовнёй и бряцанием вилок о тарелки.

Мы почти приступаем к завтраку, когда к Его Королевскому Высочеству Хаю Великолепному подходит группа парней. Это просто кучка сброда — хотя на самом деле, кто здесь ею не является? Их четверо, и они немного младше нас. Тренировочные брюки и футболки, кажется, являются униформой.

— Хай, — выразительно произносит самый высокий, переводя взгляд с Джо на меня и обратно. Не уверена, кто из нас пугает их больше всего. — Не хочешь ли сесть с нами?

Я смотрю на него, и он отступает на шаг. Находясь рядом, мы с Джо, должно быть, ужасаем.

— Ой, всё в порядке, парни. Не сегодня. — Хай улыбается так, словно здесь нет ничего необычного.

— Ты уверен? — с нажимом спрашивает парень. — Мы заняли тебе место.

— Это круто.

— Но... — влезает младший темноволосый ребёнок в зелёной толстовке, смотрящий на меня с отвращением. Я брызгаю на него водой через зубы, и Джо поворачивается ко мне. Может, я и переусердствовала со своим спектаклем, но её глаза блестят от веселья. Быть самой собой всегда прикольно, даже если это обман. Мама всегда заставляла меня играть пайнюку.

Парни подходят ближе к своему герою и сменяют тему.

— Хай, — с волнением шепчет самый высокий, худой, но мускулистый парень. Он пытается заправить свои лохматые каштановые волосы за ухо, но они недостаточно длинные, поэтому падают обратно на лицо. Должно быть, он пытается их отрастить. О боже, как у Хая! — Куда ты ходил прошлой ночью?

Хай ухмыляется и заговорчески оглядывается вокруг.

— Умеее хранить секреты? — спрашивает он, и Джо закатывает глаза. Они все кивают, подползая ближе к нашему столу. Хай понижает голос: — Я должен был позаботиться о маленькой проблеме, связанной с демонами.

Клянусь богом, один из парней чуть от избытка чувств в обморок не грохнулся. Джо встречается со мной взглядом, и я стараюсь не засмеяться, когда она снова закатывает глаза.

— Что произошло? — спрашивает юнец, охваченный благоговейным страхом.

Хай даёт им впечатляющее и едва ли правдивое описание вечера, оставляя нас с Джо за пределами своей истории — по-видимому, чтобы сохранить моё прикрытие. Ури у него выходит полезным напарником, а не ненужным опоздавшим. Ури светится.

Мне приходит на ум, что Хай, возможно, тот ребёнок в баскетбольной команде, который никогда не даёт пас, но и которого никогда об этом не просят, потому что все знают, что он лучший. Надеюсь, неизбежное столкновение с реальностью не ранит его слишком сильно.

Вдали раздаётся звонок, и Хай отмахивается от ребят со словами:

— Мне надо доесть.

Их отвергли, но в дружеской манере. Я решаю использовать свободный момент и выкачать из парней побольше информации.

— Итак, что вы можете рассказать мне о демонах? — Этими словами я зарабатываю подозрительный взгляд от Джо. Видимо, наше смущающее-тупоголовых-красоток перемирие закончено. — Что? Разве я не должна хоть что-то знать о людях, которые пытаются меня убить?

Джо пожимает плечами, принимая мой аргумент, но не покупаясь на него. Хай отвечает, несмотря на полный рот:

— Они очень сильные и быстрые — как ты видела сама. Могут порвать, разодрать на куски человека, даже Тамплиера, голыми руками. Но им приходится это делать, потому что, к счастью, они вообще не могут использовать оружие.

— Что значит, они не могут применять оружие?

— Не могут. Они не прикоснутся ни к ножу, ни к пистолету, ни к чему-либо ещё. Они всё сделают голыми руками.

Только сейчас об этом подумала — ни в одном из совершённых мною убийств я не применяла оружие. В нём никогда не было необходимости. Использовать оружие просто... излишне. Это как если бы человек со 100% зрением захотел надеть очки. К тому же, мысль о том, чтобы кого-нибудь застрелить, тревожит меня по непонятной причине. Это было бы неестественно. Я не говорю, что прежде никогда не прикасалась к ножу — я же не ем руками — но сама мысль о том, чтобы вонзить его в кого-нибудь просто... отвратительна.

— Почему? — спрашиваю я.

— Не знаю. — Хай пожимает плечами и улыбается. — Возможно потому, что ядерное оружие в руках приспешников Сатаны сделает их работу слишком лёгкой.

Правда.

— Мы тоже ограничены — мы можем их убить только святыми клинками или святой водой. Всё дело в их коже: их невозможно победить без одного из этих средств.

Он не прав. Судя по всему, ногти на руках демонов тоже являются хорошим оружием. Я борюсь с порывом прикоснуться к своей щеке.

Хай всё ещё говорит:

— Это оружие было дано для борьбы с демонами ещё самым первым Тамплиерам, мы никогда не получали ничего нового. Но если их убить без очищения, они переродятся. Это их самое большое преимущество.

— Дым? — спрашиваю я, и Хай выглядит довольным.

— Правильно. Будучи Тамплиерами, мы можем высосать из тела испорченную душу и очистить её — избавляя душу от ненастоящей жизни. Она всё равно отправляется в Ад, но вернуться в облике демона уже не может.

— Погоди, что? Ненстоящая *жизнь*?

— Да, — произносит Хай так, словно это что-то очевидное. — Демоны мертвы.

— *Что?*

Джо стонет. Она ясно дала понять, что не хочет мне ничего говорить, но послушав то, как Хай пытается меня чему-то научить, меняет своё решение:

— Большинство демонов — люди, которые продали свои души, пока были живы. Когда они умерли, их призвали в армию Ада. То есть, они мертвы. Ад оживляет их, давая им то, что мы называем «ненстоящей жизнью» — телесное существование. Тела.

Это объясняет мои гастрономические предпочтения. То есть, на самом деле, я, *конечно же*, ем не души. В конце концов, привидения — это души, а их я съесть не могу. Поверьте мне, я пыталась. Я ем то, что покидает душу после убийства. Жизнь. Демоны получают её из

Ада, я — от всяких мудаков.

Я поднимаю взгляд, все наблюдают за мной. Интересно, что написано на моём лице? Правда, они не выглядят так, будто что-то подозревают, разве что Джо, но это её обычное состояние.

— Что-нибудь ещё? — спрашиваю я.

— Они обладают магией, — отвечает Хай.

Это взбудораживает меня.

— Ты видела, те двое телепортировались.

А полудемоны, интересно, могут использовать магию? Я умираю от нетерпения, желая спросить, однако при Джо это делать опасно. У этой девочки проблемы с доверием. Мне приходится ограничить себя простым вопросом:

— Магия? — И я все ещё чувствую тяжесть взгляда Джо. Это разумный вопрос для двух моих личностей, поэтому я её игнорирую.

— Мы уже много лет изучаем, на что способны демоны в плане магии. К счастью, им так же, как и нам, необходимы артефакты и книги заклинаний. Слава богу, у них нет гримуаров, — продолжает Хай, прежде чем Джо успевает сменить тему. — В любом случае, телепортация и овладение чужим разумом распространены больше всего. Ещё...

Пожалуйста, скажи, что они летают, пожалуйста, скажи, что они летают.

— ...Они питают друг друга. Чем больше демоны это делают, тем они сильнее, но в некоторых случаях это не срабатывает.

Проклятье. Теперь понятен чрезмерный взрыв моих сил в психбольнице — это было больше, чем просто восхитительный глоток жизни.

— Поэтому чаще всего невозможно застать демона наедине. Они перемещаются группами. И именно по этой причине в их штаб-квартире очень опасно. Мало того, что демонов там больше, так они ещё и сильнее.

Похоже, это местечко надо избегать, по крайней мере, пока я не узнаю о нём больше.

— Где находится штаб-квартира демонов?

— Ты не можешь догадаться? — Джо награждает меня взглядом, который говорит, что это очевидно.

— Как я могу знать? Я новичок во всех этих демонических делах, — во всяком случае, отчасти.

— Демонов привлекают пороки, коррупция и сила. Они всегда основывают свои штаб-квартиры в местах высшей концентрации этих факторов, — объясняет Джо. И добавляет так, словно это действительно очевидно: — Вашингтон, округ Колумбия.

Хай кивает.

— По крайней мере, это самая большая штаб-квартира на восточном побережье, ещё есть в ЛА, а также в Чикаго, они раскиданы по всему миру. Именно поэтому мы располагаемся в горах Северной Каролины — достаточно близко, чтобы не сводить глаз с колумбийского филиала, и достаточно далеко, чтобы спрятаться.

— Демоны в психбольнице произнесли что-то похожее на «зи» и «хал». О чём они говорили? — спрашиваю я.

— О, это просто звания, — произносит Хай и забрасывает в рот ещё одну полную вилку яиц. Проглотив, заканчивает: — «Зи» — руководящий демон, а «хал», по существу, — прислуга.

Итак, демоны даже и мысли не допустили, что я один из их руководителей. Жаль.

Я открываю рот, чтобы задать другой вопрос, но, по-видимому, Джо думает, что на сегодня я узнала достаточно, поэтому прерывает меня.

— Мне надо оповестить г-жу Ли о приезде моей дорогой кузины.

Это провоцирует новые вопросы.

— Какой у нас на сегодня план? — спрашиваю я. Даже Джо не может уклониться от интересующего меня вопроса.

Мне отвечает Хай:

— Сегодня воскресенье — занятий нет, работы нет — только игры после обеда.

Воскресенье, — произносит он счастливо, — день отдыха.

Только не для маленького монстра. Как говорится, нет покоя нечестивым.

Хай широко зеваает.

— Думаю, мы вздремнём и снова встретимся за обедом.

Его зевание заразно. Возможно, *немного* покоя необходимо и нечестивому, но потом он вернётся к своим коварным планам.

Мне надо избавиться от Джо, если я собираюсь получить всю информацию, и мне необходимо сделать это прежде, чем придёт время удрать. Я хочу узнать немного больше о своих врагах. Когда Ури первым заканчивает завтрак и поднимает свой поднос, я следую за ним. Джо и Хай слишком заняты спором, чтобы обращать внимание на нас.

Я заговорщицки слегка толкаю его локтём.

— Эй, Ури, те двое всегда так много спорят?

— Что, Хай и Джо?

Нет, блин, другая парочка. Я что, кого-нибудь здесь знаю кроме них? Я киваю.

— Нет, — говорит он. — В действительности, они — лучшие друзья.

Я поднимаю брови в «удивлении», но на самом деле я так и подозревала, исходя из фотографий в доме Джо.

— Правда?

— Да. То есть, они и раньше всё время спорили, только по-другому. Это больше походило на соревнование между ними, понимаешь? Хай был сильнее, а Джо — быстрее и умнее, и не такая медлительная, как сейчас. Они были лучшими во *всём*, — его голос наполнен благоговением.

— И что произошло? — Но я уже догадываюсь: притворщицы обмолвились о том, что он перестал с ней общаться, и думаю, я могу догадаться, почему. Надо только уточнить, когда это случилось.

Ури мнётся от неудобства, но всё же отвечает, наклоняясь вперёд, чтобы прошептать:

— Примерно два года назад Джо получила травму. — Он не встречается со мной глазами, и его болтающиеся волосы падают на лицо. — Она чуть было не умерла. Даже не могла ходить в течение года... она была не такой, как сейчас. Она... — он внезапно закрывает рот, потому что Джо встаёт, чтобы присоединиться к нам. Но это хорошо, остальную часть истории я знаю. Супер-спортивный Хай застрял с лучшей подругой, которая не может даже ходить? Он кинул её, и поэтому она злится, здесь всё понятно. Я — серийный убийца, и я думаю, это достаточно бессердечно, хотя он, возможно, видит это по-другому. Вероятно, он даже не понимает, что бросил её, просто отстранился, когда между ними уже было не так много общего. Он всё ещё мил с ней — в конце концов, он не монстр. Но, с другой стороны, легко быть великодушным, когда бросил *ты*, а не тебя.

И даже если она ненавидит его за это, у неё всё ещё есть чувства к бывшему лучшему

другу — хотя, подозреваю, они больше не из рода дружеских. Должно быть, это безмерно её разозлило. И это на самом деле грустно.

Ах, ну что ж, это не моя проблема. На самом деле, я настроена использовать это против неё. Хай, очевидно, её слабое место. Мне только надо выяснить, что с ним сделать.

Ури практически швыряет свой поднос на кучу грязной посуды и сбегает, не смотря ни на одну из нас. Нет никаких шансов, что Джо нас слышала, поэтому я не уверена, из-за чего он сконфузился. Я нещадно скоблю свою тарелку, и Джо делает то же самое.

Затем она поворачивается и смотрит на меня.

— Идём, *Кузина*. Давай тебя зарегистрируем.

Я следую через всю школу за её ковыляющим шагом по направлению к тому, что, как мне кажется, является передней частью здания. Это место — сущий лабиринт, поэтому я не могу быть уверена. Мы заворачиваем за угол в фойе, где располагается маленький, погружённый в беспорядок офис, отделённый от входа стеклянной стеной. Никто не может зайти и выйти через главную дверь, оставшись при этом незамеченным.

Или, во всяком случае, так бы всё и было, если бы женщина-охранник не родилась, по меньшей мере, столетие назад.

Едва можно различить её крошечную сгорбившуюся фигурку среди огромной кипы бумаг, сваленной на потрёпанный деревянный стол. Женщину украшают одежда с выцветшим цветочным орнаментом и очки, которые, вероятно, весят больше, чем она сама. Те волосинки, которые у неё остались, беспорядочно торчат в разные стороны так, словно порываются сбежать вслед за остальными. Грубые поражённые артритом пальцы перелистывают страницы романа в мягкой обложке.

— Джо? — спрашиваю я, прежде чем мы доходим до двери.

— Что? — огрызается она. Эта девушка просто очаровательна.

— Есть ли здесь ещё Тамплиеры от восемнадцати до... — я киваю в направлении стоящего «труса», — ... тысячи лет.

Она награждает меня тяжёлым взглядом.

— Да. Множество. Буквально целая армия. Они не дома, так как убивают наших врагов, но в случае надобности могут вернуться в течение нескольких часов.

Я почти уверена, что Джо не могла бы рассказывать о погоде, не нагоняя при этом страх. *Прогноз на сегодня: облачно, вероятно, я надеру тебе задницу.*

Джо продолжает говорить:

— Они оставляют только детей, стариков, беременных... — её брови опускаются, — ... калек и недееспособных.

Она снова начинает идти вперёд своей неровной походкой. Положив руку на дверь, останавливается и переводит взгляд с цветастой бабули г-жи Ли на меня.

— Подожди здесь.

— Что? Почему?

— Потому что ты ничего не знаешь об Эмме. — Она оглядывает меня сверху вниз. — И если она с тобой повстречается, то может просто вышвырнуть за «хороший» вкус.

Я высовываю язык, и Джо заходит в кабинет. Г-жа Ли поднимает на неё взгляд. Я не слышу, о чём они говорят, но вижу, как моргают глаза г-жи Ли за линзами очков. Затем её губы сжимаются и морщины вокруг них складываются в сложнейшее в мире оригами. Она поворачивается ко мне, и я заставляю себя приветливо помахать рукой.

Она никак не реагирует, только снова моргает и поворачивается обратно к Джо. Джо

говорит что-то, что заставляет старуху обойти вокруг стола и неуклюже похлопать девушку по спине. Они оборачиваются, и я стараюсь выглядеть невинно. Наконец, Джо выходит из кабинета, сжимая в руках кусочек бумаги.

Я молчу, пока мы не заворачиваем за угол в ещё один пустой коридор, исчезая из вида бабуся.

— Что ты ей сказала?

— Что в школе над тобой издевались из-за отказа от Наследия, — её глаза падают на мой покрывшийся коркой порез. — Поэтому твои родители отослали тебя в середине семестра.

— Хорошая идея. — Я действительно так считаю. Так как я никогда не ходила в школу, мне не показалось, что середина семестра — странное время для каникул. — Как думаешь, она купилась?

— Вероятно, — пожимает она плечами. — С чего бы мне лгать?

Вопрос с подвохом. Я отвечаю не спеша:

— С того, что ты незаконно сбежала, чтобы бороться с демонами, и спасла Маяк, который должна прятать, пока у тебя не появится возможность от него избавиться?

Или скорее, ты ошибочно спасла полудемона, притворяющегося Маяком и выведывающего правду о своей личности.

Оказывается, есть несколько причин для лжи.

— Нет, это Хай сбежал, чтобы бороться с демонами. Я, калека, не смогла бы сделать ничего подобного даже при всём моём желании. Хай мог бы солгать о своём побеге. Аморальная Эмма солгала бы, несомненно. А несчастная, покалеченная Джо? Нет, она не способна сделать что-то, из-за чего пришлось бы лгать.

То, что г-жа Ли в это поверила — новость хорошая, только Джо произнесла это совсем нерадостно.

— Этого достаточно, чтобы она за нами не следила?

Возникает длинная пауза, наполненная только топотом наших кроссовок по линолеуму. Джо смотрит прямо вперёд.

— Я также сказала ей, что тётя Бека боится возвращать тебя домой, мягко намекая на то, что твоё присутствие в той школе превратилось в проблему. И что я не хочу, чтобы это произошло, потому что... — её голос становится жёстче, и она увеличивает темп, поэтому я не могу видеть её лицо, — ... мне нужна подруга.

Как неловко. Даже полуживая администрация осведомлена о том, как непопулярна Джо. Это объясняет то поглаживание по спине.

Она продолжает:

— Подруга, которая не будет проводить всё своё время за разговорами об охоте на демонов, учитывая то, что я уже никогда не смогу этим заниматься.

— Надавила на жалость, значит? Молодец.

Джо корчит рожу, недовольная комплиментом. Мы проходим остальную часть пути в полной тишине.

У Джо двухместная комната, однако, её единственный сосед — бесчисленное множество медикаментов. На каждом кусочке ровной поверхности разложены книги, на полу разбросана одежда. Ещё одна единственная личная вещь — стоящая на тумбочке фотография с Джо с родителями. Снимок сделан дома, видимо, во время ужина. Мама облокотилась о стол, положив подбородок на руку. Кончик её носа порозовел, словно она

провела слишком много времени на солнце, и её непослушные, как и у Джо, волосы выглядят особенно пышными. Папа Джо откинулся назад, довольная улыбка проглядывает из-под выразительных чёрных усов, а рука обёрнута вокруг спинки маминого стула. Они выглядят расслабленными и беззаботными.

Пара спортивных штанов ударяется об мою голову, отрывая меня от рассматривания. Я подхватываю их, прежде чем они падают на пол, и переодеваюсь, пока Джо очищает свободную кровать. Я надеюсь на сплетни, хихиканье и, возможно, бой подушками, как-никак это моя первая «пижамная вечеринка», но я разочарована. Мы проваливаемся в сон до самого обеда.

Я отпихиваю в сторону свою тарелку, довольная тем, что тушка хорошо очищена. Лосось, вот что это, а не кое-что другое, что мне нравится больше всего. К сожалению.

Я сижу, как обычно, со своим почётным караулом: Хаем, Джо и Ури. Как и сегодняшним утром, остальные ученики снова озадачены выбором Хая касаясь соседей по столу. Некоторые останавливаются и что-то говорят, но садится с нами только одна великанша по имени Зеведея. У неё бритая голова, идеальная кофейная кожа и самоуверенность во всем внешнем виде, судя по которому, она способна съесть целого быка и разломать скамью надвое. Она даже не боится Джо, которая, когда пришла Зеведея, ясно дала понять, что ей здесь не рады. Зеведея лишь сверкнула яркой белоснежной улыбкой, сопровождаемой поднятием головы, говоря тем самым, что она не против надрать задницу калеке. И Джо отступила.

Несмотря на агрессивный выход и ужасающие пропорции, Зеведея очень легко идёт на контакт, общаясь с Хаем и Ури и даже с Джо, когда речь заходит о послеобеденных «играх». Поскольку моя задача — быть мрачной и всеми нелюбимой, я сижу, не произнося ни слова, и отвечаю на её дружелюбное «гривет» отталкивающим взглядом.

Я откидываюсь на спинку стула, освеженная и набравшаяся сил после короткого сна и еды, и разглядываю кишачие в столовой орды человеческих личинок. У всех них есть то, что мне нужно — информация. Хай и Ури всё ещё являются легчайшими целями, но зачем себя ограничивать?

Из чьего мозга мне достать нужную информацию? Так, чтобы из их мозга к ним на язык, да ко мне в уши. Я чувствую, как кто-то тянет меня за рукав. Доброволец! Какая возможность. Обернувшись, я разочаровываюсь. Она слишком мелкая, чтобы её использовать. Маленькая девочка, ещё слишком юная, чтобы страдать от унижения из-за дергающих за косички мальчишек, протягивает в сложенной ручке мёртвую золотую рыбку.

Спасибо, я только что поела.

— Моя рыбка умерла, — шепелявит она из-за выпавших зубов. И смотрит на меня с надеждой.

Ах — произошла катастрофа, и она ищет взрослого, который смог бы всё уладить. Мне повезло сидеть ближе всего к двери. К счастью, я знаю, как с этим справиться.

— Смой её в туалете.

А может, и нет. Нижняя губа девочки начинает дрожать, а большие глаза наполняются сверкающим блеском слёз. Слёзы — *опасность*, Уилл Робинсон, *опасность*! [5] Я панически ищу поддержку, но мои собеседники смотрят на меня в ужасе.

Что? Это же *рыба*.

Джо ворчит от отвращения и встаёт, чтобы помочь девочке, мёртвой рыбке и всем.

— Не обращай на неё внимания, Сара. Она пошутила.

Джо стреляет в меня взглядом поверх головы девочки, и в нём явно читается вопрос: Ты пошутила же, злая ведьма?

— Э, да. Прости.

Но серьёзно, это же рыба. Зал сейчас просто завален её братьями и сёстрами. В столовой рыбагедон. Джо похлопывает и поглаживает спину маленькой девочки, и я слышу всхлипывания. Из ребёнка вырывается слёзная печаль.

— Я знаю, ты по нему скучаешь, — произносит Джо.

По чему там скучать? По долгим разговорам в ночи? По телефонным звонкам, катанию на роликах? По лету на побережье? Что ж, глупо это или нет, по-видимому, мой ответ был бесчеловечным — даже для Эммы. Я всегда боролась с идеей траура из-за смерти еды.

Меня одолевают гнетущие воспоминания. Не о еде, а о животных.

Скалли была страшной, злобной кошкой, которая околачивалась у грязной свалки возле нашего дома, когда я была помладше. Одноглазая, полу-ухая, с какой-то кожной болезнью. Словом, прокаженная кошка. Она была без одной ноги, прямо как пират, поэтому стала Скалливэг[6]. Маме нравилось это прозвище, я же довольствовалась «Глупой Кошкой». Я кормила её, и она стала моей царапучей, шипящей тенью. Она следовала за мной, даже когда я стала убийцей. Как и я, она была не из тех, кто любит обнимания. И вот однажды она поцеловалась с машиной.

Я нашла её замёрзшей на дороге.

Я плакала. Сейчас я не могу сказать, почему. Такое случилось со мной до того, как мама... умерла.

Она утешала меня, обнимая, и я вдыхала запах её клубнично-лавандового шампуня. Я грустила по кошке, и мама грустила вместе со мной, но я знала, что она была рада. Не из-за того, что Скалли мертва, а потому что мне это было безразлично. Мама решила устроить похороны, чтобы почтить Скалли. Я отказалась — я знала лучше, чем кто-либо, что от той злобной старой кошки уже ничего не осталось. Её тело было всего лишь пустой раковиной.

— Нужно устроить похороны, — выпаливаю я.

Все поворачиваются ко мне, и отвращение на их лицах сменяется намного более приемлемыми чувствами: облегчением и трепетом от моей гениальности. Ну ладно, возможно, это мои чувства, а не их, но, как минимум, отвращение ушло. Что касается Джо... ещё этим утром она мне сказала, что ненавидит животных. Какая лицемерка. Я ничего не могу с собой поделать, поэтому говорю ей это, когда через полчаса мы стоим перед золотой обувной коробкой, подготовленной для глупого и торжественного события — похорон рыбки. Краска, нанесённая спреем, всё ещё сохнет.

— Лицемерка, — шепчу я только для её ушей. Она бесстрастно смотрит на меня. — Ты ненавидишь домашних животных.

Джо морщит лоб.

— Ну, я успокаивала не рыбку, не так ли?

Вот и разгадка. Иногда её тяжело ненавидеть.

Похороны съедают время, которое я бы лучше потратила на добычу информации, а позже мы должны направиться прямо в спортзал, где проводятся игры. Я не знаю, что повлечёт за собой эта игра, но это на самом деле не важно. Я буду играть в свою собственную.

Зная Хая, я не ожидаю Скраббл, но по описанию их игра звучит, как попытка

самоубийства.

— Мы называем её Паранойя, — говорит Джо, улыбаясь во все зубы, — потому что в ней все ловят друг друга.

Здорово.

Правила игры просты — мы находимся на поле группами от трёх до пяти человек. В командах из пяти человек один из участников — «Маяк», который должен притворяться слабым и медленным, как человек, чтобы всё было справедливо. Разница между этой игрой и реальной жизнью в том, что даже остальные команды, защищающие Маяки, пытаются вас убить. Команда получает по одному очку с каждого убитого, а если ваш Маяк «умирает», то с ним вместе «умирает» и вся команда.

Никто не хочет быть увечным Маяком, поэтому преподаватель, женщина лет тридцати — с таким огромным животом, что, наверное, вынашивает целый выводок, — идёт вперевалку по спортзалу, назначая на роли Маяков. Все стараются не встречаться с ней взглядом. Никто не удивлён, когда выбирают Джо, и никто не реагирует на её длинную, замысловатую тираду ругательств и жалоб на то, что её *всегда* выбирают Маяком. Преподаватель, кажется, не уверена, что со мной делать, поэтому игнорирует меня. Она, видно, решила, что я не буду играть. Тем не менее, я буду. У меня нет времени на то, чтобы сидеть где-то поблизости и ждать, пока кто-нибудь выйдет из игры. Кроме того, в игровой неразберихе я, несомненно, найду способ, как отделаться от Джо.

Хай сидит, откинувшись назад и облокотившись одной рукой о трибуну, чтобы видеть, какой план стратегии рисует Джо, которая находится на ряд ниже. Его волосы откинуты назад, но они недостаточно длинные, поэтому некоторые пряди падают на лицо. Ури сидит рядом с Хаем, наблюдая за этими двумя, в то время как я, заняв ряд выше, наблюдаю за всеми сразу. Зеведею завербовали в нашу команду во время обеда, но она до сих пор не появилась, поэтому только четверо из нас растянулось на трибунах, близясь к оптимистичной пятёрке. Зеведея из тех девушек, которых представительницы того же пола даже не хотят видеть в поле зрения. Джо определённо желает того же, правда, Джо ненавидит всех.

Симпатичная брюнетка откидывает назад волосы и прислоняет свою хорошенькую задницу на трибуну позади Хая. На ней тренировочный костюм. Розовый, конечно же. В спортзале шумно, и парень сосредоточен на плане Джо, поэтому не замечает её, пока она не начинает говорить.

— Привет, Хай. Тебя не было сегодня утром в спортзале, я скучала.

Он вздрагивает, оборачивается и откидывается назад на оба локтя. Его выцветшая серая футболка натягивается, облекая тело.

— О, привет, Рэйчел, — улыбается он. — Да, поздно встал этим утром.

— Ой, правда? — мурлычет она.

Клянусь, она мурлычет. Я упоминала, что ненавижу кошек?

— Поздно лёг спать?

Взгляд Хая быстро скользит по Джо и ловит её за наблюдением за ним. Хай поворачивается к Рэйчел и, сменив улыбку с «обаятельной» на «разбивающую сердца», слегка наклоняется вперёд.

— Не. — Глаза Хая стреляют снова туда, где сидит Джо, которая пытается не закипеть от злости.

На этот раз Рэйчел замечает, куда он смотрит, и выглядит немного смущённой. Затем,

видно, решает махнуть на это рукой, не видя в Джо угрозы. Мне кажется, она не права. Джо по-своему красива — если только вам нравятся сердитые, вспыльчивые девушки.

— Что ж, в любом случае, мне было интересно, хочешь ли ты кого-нибудь? — спрашивает девушка и наклоняется, сверкая декольте. Я даже не знаю, как делают такие глубокие вырезы в спортивных бюстгальтерах. Хай тоже выглядит удивлённым этим открытием — конечно же, он потерял дар речи. — Ну, в свою команду?

— Нет, — огрызается Джо.

Рэйчел, кажется, удивлена ее вмешательством.

— Э, нет, всё в порядке, — приходит в себя Хай. — У нас уже есть Зеведея. — Хай улыбается маленькой шлюшке. — Может быть, в следующий раз?

Она улыбается в ответ.

— С нетерпением жду. Увидимся завтра на нашей тренировке?

— Не пропусти, — произносит Хай.

Пока Рэйчел грациозно уходит, Джо сверлит ее убийственным взглядом. Мне приходит в голову, что для того, чтобы Джо от нас отстала, легче её взбесить, чем убить. Тем более, Рэйчел уже сделала за меня полработы.

Я встаю и обхожу стол.

— Ну что, Хай, каков план? — спрашиваю я. Убийственный взгляд Джо переключается на меня, но думаю, это всего лишь дело привычки. Я же собираюсь его заслужить. Я занимаю место шлюшки возле локтя Хая и смотрю на него большими глазами. — Как ты собираешься защищать Джо... и меня?

— Тебя?

— Ты же не оставишь меня совершенно одну? Не так ли?

— Э, нет, конечно, нет, — он мнётся, и становится ясно, что он об этом не подумал.

— Ты же не позволишь им просто меня убить, правда? Я же не смогу постоять за себя сама. — Джо, кажется, фыркает. Не та эмоция, которая мне от неё нужна. Я кладу руку на бицепс Хая. — Ты очень сильный. Ты можешь защитить нас обеих. Да? — Мои ресницы трепещут на щеках, словно безумные бабочки, но, по-моему, ему это нравится. Я бросаю взгляд в сторону Джо. А вот ей это определённо не нравится.

Бинго. Она не уходит, но я и не думала, что она окажется хрупким орешком. Реализация хорошего плана требует времени.

Хай улыбается и, встав, надевает толстовку.

— Конечно. Держись возле меня. Я прослежу за тем, чтобы до тебя никто не добрался.

— И я! — соглашается Ури с другой стороны.

Джо ничего не произносит и отказывается вернуться к планированию стратегии после ухода шлюшки. Я играю в созданные нами игры, а Джо топает ногами и кипит от злости, излучая недовольство. К счастью, мы прямо как супер-существа, обладающие иммунитетом и длительной выдержкой. Появляется Зеведея, ударяется кулаками с парнями, кивает мне и отвечает на рычание Джо пожиманием плеч. Мы присоединяемся к остальным ученикам у стойки с оружием, чтобы взять инструменты для «уничтожения» друг друга.

Все тренировочные клинки безопасны — затуплённое дерево и ткань, окрашенная голубым и закреплённая с «режущего» конца. Здесь представлены клинки всех форм и размеров, от кинжалов до клейморов, но всех их кое-что объединяет — они все выглядят старыми и сильно подержанными. На них выбиты большие вмятины и царапины, а яркий рисунок на рукоятке отслаивается. Хай выбирает кинжал и меч, проверяя их вес в руках и

делая ими несколько тренировочных взмахов. Он хватает какой-то синий мешочек и трёт им по ткани на «клинке», делая её более синей.

— Мел, чтобы отмечать все мои убийства, — произносит Хай с наслаждением. Убрав мешочек, он поясняет дальше: — Пузырьки со святой водой. — И сует несколько штук в свой карман.

Меня не интересует оружие, но художнику, живущему во мне, любопытен дизайн. Зачем заморачиваться с предметом, который будет использован в насильственных целях? Я пробегаю пальцем по поверхности изогнутого меча, подвешенного за петлю на рукоятке, и понимаю, что на нём изображён стилизованный текст. Естественно, относящийся к Библии. Ха, они пытаются напоминать учащимся, за что борются. Не сдержавшись, хихикаю. Хай поднимает брови, словно спрашивая причину моего веселья.

Я указываю на библейские строки.

— Насколько я вижу, вы лжёте, крадёте и убиваете, нарушая тем самым три из десяти Заповедей, а сейчас только обед. — Не то чтобы я жалуюсь, большинство из этих грехов я и сама совершила, но тем не менее.

Хай улыбается, совершенно не раскаиваясь.

— И что?

— И что? Как же вы можете быть хорошими ребятами?

— Что ж, у нас есть специальное разрешение на убийства, когда речь идёт о демонах. А что касается лжи и воровства, ну, в этом мы не идеальны. — Теперь он выглядит немного пристыженным. — Но у нас хорошие намерения. Мы лжём и немного ворует, однако от этого никто не страдает, да и ты теперь в безопасности, а это важнее. — Аминь. Проповедуй это. — Так что, всё зависит от намерений. Хорошие намерения равны незлым.

Джо поднимает взгляд от выбранных ею ножей, по-видимому, пересилив гнев, и хочет присоединиться к разговору. Я почти вздыхаю. В таком случае, мне придётся её убить, чтобы хоть немного побыть наедине с мальчиками.

— У меня есть пример получше, — её рука приближается к рукоятке большого ножа, она срывает его со стены, затем поворачивается и приставляет к моей груди.

Нет, она всё ещё злится.

Я посылаю ей тяжёлый взгляд, который говорит: «*Я не боюсь*», затем понимаю, что человеческая Меда испугалась бы и захныкала.

— Джо... — начинает Хай, но она его игнорирует.

— Посмотри на это с другой стороны — хочешь ли ты, чтобы кто-нибудь вонзил нож в твою грудь? — сладко спрашивает она.

В мою? Нет. А вот в *твою*... и я отрицательно качаю головой. Возникает напряжённая пауза, затем девушка медленно опускает нож. Это всего лишь тупое дерево, и к тому же, меня нелегко поранить, но она не пытается сделать мне больно. Это предупреждение. Между нами пробегают безмолвные угрозы, и я знаю, она слышит мои послания, даже если они замаскированы под хныканье.

— Джо, — произносит Хай снова, и на этот раз она отступает назад с недружелюбной улыбкой.

— Я бы это сделала, если бы только была доктором, выполняющим операцию на сердце, — говорит она легко.

Я не знаю, есть ли у меня сердце, но я поняла её намёк — оба из них.

Она полна решимости.

И я ей не нравлюсь.
Хорошо.

Глава 7

Мы играем на нескольких акрах лесисто-гористой местности, границы игрового поля отмечены тёмным, неоновым-оранжевым шпагатом. Вокруг полно выскакивающих из ниоткуда, пугающих, «закалывающих» друг друга и орущих людей. Они борются с такой кровожадностью, которую я бы не ожидала даже от отсидевшего максимальный срок заключённого или от родителей после школьного собрания. Я сожалею лишь о том, что мне приходится всё время испуганно прыгать на руки к Хаю и цепляться за него вместо того, чтобы присоединиться к беспорядочной резне, окружающей меня. Хаю нравится моё внимание, но я не могу не заметить, как его глаза скользят к Джо, когда я делаю что-нибудь особенно возмутительное: например, поглаживаю его пресс.

Да, я это сделала, и он у него потрясающий.

Что касается Джо, то я уверена, что если бы убийство Маяком своего личного охранника не было бы против правил, она бы меня заколола. Хотя Джо становится всё более рассерженной, она не уходит.

По мере того как время истекает, я решаю попробовать что-нибудь другое. Если не уходит она, это сделаю я.

У меня возникает такая возможность, когда нас атакуют с трёх сторон. Хай прячет меня в кусты, а сам с остальными принимает на себя пару худощавых близнецов, защищающих круглолицего школьника-маяка. Звуки борьбы привлекают сюда ещё одну команду, состоящую из трёх крепких девчонок, одетых в камуфляж. Наша команда — с Хаем и Зеведеей — рассматривается, как самая большая опасность, поэтому две другие группы предусмотрительно объединяются против нас. Джо бесцеремонно забрасывают на дерево, в то время как Хай, Ури и Зеведея защищают её, находясь внизу.

Пока они заняты, я незаметно проскальзываю между деревьев.

Хай, иди за мной. Иди и найди меня...

Я бегу трусцой, желая увеличить дистанцию между собой и остальными. Если я буду слишком близко, Хай прихватит с собой всю команду. Мне необходимо отдалиться так, чтобы ему не было смысла ждать Джо.

Ветви тянутся ко мне словно когти, пытаюсь схватить за одежду и оставить след на моей коже. Я тянусь к ним в ответ, будто желая обменяться с ними рукопожатием, а затем ломаю им «руки», оставляя за собой небольшую дорожку разрушений для Хая, чтобы он последовал за мной. Я не была на свежем воздухе неделями — медбраты в психбольнице не очень-то верили в его целебную силу. Я вдыхаю сладкие запахи перегноя и солнечного света. Впереди простирается горка из валунов, образующая небольшой утёс с грудой камней в основании. Удобное место для того, чтобы подождать Хая. Я бегу немного быстрее и запрыгиваю на один из самых маленьких валунов.

И меня тут же забрасывают полдюжиной мешочков, наполненных мелом.

Вот черт. Забыла о своих «врагах».

Меловой порошок жжёт глаза и вызывает кашель, поэтому я падаю, теряя равновесие, и тяжело приземляюсь на спину прямо в кустарник. При падении из легких выбивает весь воздух.

Дважды. За два. Дня.

Должно быть, я теряю форму.

Я стряхиваю пыль с глаз как раз вовремя, чтобы увидеть выглядывающее из-за валуна лицо. Чернильно-черные кудри, голубые глаза и брови, удивленно поднимающиеся к краю линии волос. Полагаю, я не та, кого он ожидал увидеть.

— Это та девчонка!

— Кто? — кричит другой голос.

— Предательница!

Возможно, они и не притворяются врагами.

— Она здесь?

Из-за валуна возникает обладатель второго голоса, отвечающий на свой собственный вопрос. Он останавливается при виде меня. На его лице играют тени, и не только от возвышающихся над нами деревьев. На нем мелькают тёмные мысли: отвращение, ненависть, злость.

Он выше меня, но слабее, и у него такой вид, словно он какое-то время болел: жирные светлые волосы, впалые щёки, тёмные круги под узкими глазами. Он так сильно сжимает в руке игрушечный нож, что костяшки на пальцах побелели.

Он определённо не притворяется.

Раздаётся шорох опавших листьев, когда темноволосый парень обходит валуны.

— Эй, Исайя, — он бросает взгляд через плечо, — идём, она мертва. — Он делает несколько шагов, но Исайя не двигается. — Идём, пока сюда не пришла её команда.

Это заставляет блондина очнуться и быстро оглядеться.

— Где твои телохранители? — спрашивает он меня.

— На пути сюда. — Я встаю на ноги.

— Правда? Ты просто блуждала по лесу?

Его тон пропитан сомнением. Я киваю.

— Это так глупо.

Так или иначе, мне приходится с ним согласиться.

Он качает головой, и его сальные пряди трясутся.

— Я в это не верю.

Ха, впервые за несколько дней я сказала правду.

— Могу поспорить, они решили, что ты не годишься для роли охранника. — Он делает паузу и добавляет с насмешкой: — *Предательница*.

— Исайя. — Другой парень качается взад-вперёд, и листья шелестят под его ногами. — Пойдём, — его голос надламывается.

Но вместо того чтобы уйти, Исайя делает шаг ко мне.

— Я знаю, почему ты здесь.

Вряд ли.

— Знаю, как ты получила этот порез на лице.

В этом я тоже сильно сомневаюсь.

— Потому, что дома тебя все ненавидят. Что ж, мы тоже тебя ненавидим. Тебе здесь не рады. Ты грязная, эгоистичная трусиха.

И он плюёт на меня.

Плюёт. На. Меня.

Я начинаю трястись и заставляю себя сделать глубокий вдох. На самом деле, он даже не

со мной говорит. Это Эмма является той, кого он ненавидит. Но это не останавливает мой гнев. Эмма — отброс общества, и почему? Потому что не хочет провести всю свою жизнь, охотясь на монстров?

Будучи монстром, я могу только поддержать её позицию.

Но есть ещё кое-что. То, как он пытается меня запугать, потому что думает, будто со мной это пройдёт. Он полагает, что его никто не остановит. Что Эмма не сможет ударить в ответ. Уже знакомый мне вихрь легкомыслия грозит растянуть мои губы в ухмылке. Благодаря Самсону я могу не есть неделями, но что сказать?

Больше всего предпочитаю таких заблуждающихся хулиганов.

Я мысленно представляю себе, как это произойдёт. Я ударяю кулаком Исайю. Нет, я наношу ему удар левой рукой — это куда унижительнее. Затем представляю, как поворачиваюсь и ударяю второго. Возможно, в голову, таким образом, что он падает на землю, после чего у меня с задирой происходит небольшая сердечная встреча. Или встреча моего кулака с его лицом. Потом...

Исайя всё ещё говорит:

— Ты думала, что придёшь сюда и что? Что дальше, Эмма?

Что дальше, Эмма? Вопрос повисает в воздухе. Действительно, что дальше? Эмма не может выбить дерьмо из двух парней-тамплиеров. И если я это сделаю, то каким образом объясню?

Однако... Что, если я не оставлю свидетелей?

Исайя толкает меня.

— Исайя! — вмешивается второй парень.

— Заткнись, Джеймс.

— Ну идём же.

Исайя разъяренно разворачивается к своему другу.

— Я сказал, заткнись. — В его голосе слышны истерические нотки. — Или ты думаешь, она — одна из нас? Думаешь, она может сделать то, что сделала, и ей это сойдёт с рук?

Когда он поворачивается ко мне, я вижу его дикие глаза и сжатые в кулаки руки. Я понимаю, что проблема больше, чем я ожидала. Он не собирается останавливаться на запугивании.

Я кидаю взгляд на Джеймса. Тот не встречается со мной глазами. Ждать от него помощи не приходится.

Ну же, Хай. Где ты, чёрт возьми? Мне отвечают только птицы, и они ни черта не знают.

Дело не в том, что я не смогу вынести побои. В психбольнице меня пару раз избивали. Я беспокоюсь о том, что за ними последует. В дурдоме меня били в стиле плохого копа — грамотно, чтобы не оставить следов.

Исайя, судя по его виду, не способен себя контролировать.

Что будет, когда на коже Эммы не останется царапин? Когда на ней не появятся синяки? Я не могу убежать. Они просто поймают меня, если только я не побегу быстрее, но и тогда они всё узнают. Моё прикрытие будет раскрыто. Они всё расскажут.

Если только смогут.

У меня возникает нехорошая мысль, посылающая дрожь по всему телу. Я скольжу взглядом по сторонам, задерживаясь на безлюдном лесе, на дремучем кустарнике, на гадком мальчишке, пыхтящем от хулиганской гордости. Его трусливый дружок стоит рядом с нами и

позволяет ему надо мной издеваться. Каким без них будет мир? Монстры не рождаются взрослыми, каждый злодей вырастает из злого ребёнка. Зачем их защищать, пока они молоды?

«*Меда, нет!*» — плачет у меня в сознании мама. Её слёзы каплют на мою злость, постепенно остужая её, так что я могу думать. Если даже я их убью, мне всё равно придётся бежать. У меня будет больше времени, чтобы убежать, если они не смогут проболтаться, но на этом всё.

Это значит, что я никогда не узнаю правду.

Что бы я сейчас не сделала, я потерплю неудачу. Осознание этого факта так меня поражает, что когда Исайя снова толкает меня, я падаю на землю.

Они всё испортили. Во мне кипит ярость, и пальцы впииваются в глинистую землю, покрытую замёрзшей грязью и гравием. Я встречаюсь с ним взглядом.

Он видит мою растущую злость, то, как мои руки сжаты в кулаки.

— Что? Только не говори, что трусиха хочет побороться?

О да! Очень хочет.

Он отводит ногу назад, но что-то его отвлекает, и он останавливается. Его глаза резко смотрят в сторону от меня, от леса, на короткое мгновение мне даже кажется, что он передумал. Затем он встряхивается, и нога летит вперёд.

Это всё, что мне надо. Нога, словно рычаг, заставляет меня подскочить на ноги.

Облака меловой крошки покрывают рубашку Исайи, ослепляя нас обоих.

— Хватит! — визжит высокий голос, откуда-то сверху из-за камней.

Я выхожу из мелового облака, кашляя и моргая. Снова держу контроль над ситуацией. Над своими эмоциями. Когда пыль рассеивается, я вижу, что Исайя тоже взял себя в руки. Мой/их спасатель прямо как обезьянка спускается вниз с края стоящего между нами утёса. Это усыпанная веснушками маленькая девочка со спутанными рыжими волосами, собранными наверх. Должно быть, в столовой я видела её брата. Двое детей не могут быть настолько похожи, не будучи при этом родственниками. Надеюсь, здесь больше нет обладателей генов, ответственных за такой ужасный внешний вид.

— Какого чёрта, Мэгс? — спрашивает Исайя сквозь кашель.

— Что значит, какого чёрта? Вы, ребята, мертвы, так что убирайтесь отсюда.

— Но... — начинает Исайя.

— Убирайтесь отсюда, пока я хорошенько не поразмышляла на тем, что, как мне кажется, только что увидела. — Она упирает руки в свои несуществующие бёдра — чуть выше ремня, с которого свисают наполненные голубым мелом мешочки. — Вам двоим должно быть стыдно за себя.

— Я... — произносит Исайя, затем встряхивается, словно после сна. — Я не собирался... — но он не заканчивает свою ложь.

Мэгс свирепо буравит его взглядом.

Исайя краснеет и становится каким-то больным, в то время как Джеймс всё ещё не смотрит никому в глаза. Они оба покрыты большим слоем голубого мела и позора.

— Убирайтесь отсюда. — На этот раз Мэгс выглядит усталой.

Джеймс тянет за рукав толстовки Исайи, уводя его прочь. Ни один из них не смотрит на меня. Они убегают в лес, оставляя меня наедине с моим маленьким спасителем.

Мэгс поворачивается ко мне лицом. У неё потрясающие голубые глаза. Возможно, не все её гены ужасны.

— Не думаю, что они снова тебя побеспокоят. Исая... на самом деле, он не такой уж и плохой.

Увидев на моём лице несогласие, она морщится.

— Несколько месяцев назад он потерял свою сестру.

Теперь я понимаю, что означал его сумасшедший взгляд. Помню, как сотня таких же смотрела на меня из разбитого зеркала в ванной. Горе. У меня сбивается дыхание. Я почти убила его за это.

С другой стороны, я делала вещи и похуже.

Девочка всё ещё говорит, и я возвращаюсь из своих мыслей к ней.

— Ему тяжело видеть того, кто уклонился от своей миссии, в то время как кто-то, кого он любил, пожертвовал всем.

Её голос срывается. Может она меня и спасла, но мы с ней не друзья.

Интересно, почему она вмешалась?

— Ты с ними согласна. — Это не вопрос. — Что я эгоистичная трусиха.

Она пожимает плечами.

— Это действительно эгоистично — поворачиваться спиной к тамплиерам, особенно когда демоны сильно превосходят нас в количестве.

Она шаркает по земле блекло-розовой кроссовкой, затем вскидывает голову и изучает меня. Полагаю, она решает, что трусиха Эмма не собирается забрасывать её камнями, поэтому добавляет:

— Но это и немного храбро.

Она выдыхает. Тоскливо.

Любопытно: как это, родиться солдатом с уже распланированным будущим? Которое, вероятно, будет коротким и наполненным насилием. Для Хая это идеально. Он родился героем. Мысль о Хае, выполняющем обычную пяти-девяти часовую офисную работу, просто смешна. Джо вспыльчива и сердита, если бы у неё была другая карьера, то только в DMV[7]. Ури — это мини-Хай, а Зеведея невероятно спортивна. Но Мэгс? Маленькая, веснушчатая, тощая и, по-видимому, обладающая достаточно большим сердцем, чтобы спасти кого-то, кто ей даже не нравится? Что-то мне не кажется, что она подходит для этого.

— Они же не заставят тебя бороться с демонами?

— Эй. — Она морщит нос. — Я опаснее, чем выгляжу.

И что же делает её опасной? Вид сердитого котёнка? Но она только что спасла мою шкуру, так что я хочу быть великодушной.

— Я имею в виду, что они не будут тебя заставлять, если ты не захочешь.

— На самом деле, никогда об этом не думала, — признаётся она. — Лучше бороться с демонами, чем сидеть и ждать, когда кто-то больше не вернётся.

Что она и делает всю свою жизнь. Хорошо там, где нас нет.

— Так или иначе, — произносит она быстро, — я всего лишь говорю, что понимаю, почему ты сделала такой выбор, даже если с тобой не согласна. — И затем выпаливает на одном дыхании: — Надо быть своего рода сумасшедшим, чтобы желать такой жизни.

Она бродит вокруг, подбирая свои мешочки с мелом и затыкая их обратно за пояс.

— Мэгс, ты сумасшедшая?

Сияя улыбкой, она отвечает:

— Большую часть времени.

Наше внимание привлекают звуки пробирающегося сквозь лес дикого носорога. Из

кустов внезапно появляется Хай с немного безумными глазами. Он шумно выдыхает, увидев меня в целости и сохранности.

— Ме... — Он замечает мою собеседницу и пытается произнести «Эмма», но вместо этого у него выходит «Мемма». Затем он быстро говорит: — Мэгс!

Хай. Капитан Очевидность. Он вытаскивает из кармана шарик с мелом. Мэгс ведь в другой команде.

Она не двигается.

— Эй, — говорит она устало. — Тебе бы следовало лучше следить за своей подругой. Исаяя был не очень рад встрече с ней. На этот раз я всё уладила, но ты же знаешь, что он далеко не единственный, кто не хочет видеть её здесь.

— О. — Хай расслабляется и убирает руку с меловым шариком. — Спасибо, Мэгс.

— Без проблем. Увидимся позже. — Она делает несколько шагов в направлении зарослей и произносит: — О, и знаешь что, Хай?

Она поворачивается, и голубое облако покрывает лицо Хая. Он отступает назад, зажимая рукой нос, в который только что попал мешочек с мелом.

— Ты мёртв.

Она усмехается и исчезает, пока Хай кашляет и давится мелом. Его большое тело, побеждённое идеально запущенным снарядам, сгибается вдвое.

Возможно, я недооценила Мэгс.

— Ты в порядке? — спрашивает он, когда снова может дышать. Его волосы окрасил мел, ставший от пота ярко-синим.

В порядке ли я? Полагаю, более чем в порядке: хоть мой план был не очень успешен, мне всё-таки удалось остаться с Хаем наедине. Я скольжу взглядом по сторонам, высматривая свидетелей ещё одной гнусной сценки. Всё погружено в тишину, слышно лишь пение птиц.

Хай оставил где-то толстовку, поэтому сейчас к его телу прилипает лишь серая выцветшая футболка, пропитанная потом. Я кладу руку на его большой бицепс и посылаю ему мой «спаси меня» взгляд.

— Я так рада, что ты меня нашёл!

— Ммм, да. — Он косо смотрит на меня. — Было бы проще, если бы ты никуда не убегала.

Я пытаюсь понять, был ли это сарказм. Не совсем понятно, но вряд ли.

— Меня сильно напугали, — округляю глаза, — все эти драки.

Он пытается понять, был ли это сарказм. И решает, что нет.

— Что ж, теперь ты в безопасности. И... — Он смотрит на мою рубашку, покрытую мелом, а потом на свою. Мы — два мёртвых смурфа. — ...Судя по всему, мы вне игры. — Он вздыхает. — Больше никаких для нас драк.

Я стараюсь выглядеть огорчённой.

Хай смотрит на часы (пластиковые, цифровые).

— До конца игры ещё целых десять минут. Давай оповестим остальных, что мы уже не играем, а потом пойдем в здание.

Я позволяю ему вести нас и следую за ним, только медленно. Я планирую извлечь пользу из всех десяти минут. Моя одежда, волосы, ноги цепляются за каждую веточку, замедляя наш темп так, что мы практически ползём. Затем я опускаю свой вербальный барьер и приступаю к работе.

— Ты рассказал мне о демонах, но упомянул ещё и о полукровках.

Хай утвердительно мычит, пытаясь отцепить колючки с моих джинсов.

— Они тоже на меня охотятся?

— Полагаю, что да, — отвечает он, не поднимая глаз.

Он дёргает за шипы, наконец отрывая колючку, выпрямляется, и мы продолжаем путь.

Я неуклюже спотыкаюсь о ветви.

— Ты можешь рассказать мне о них? Я же должна знать, чего остерегаться.

— Не переживай, мой брат будет за тобой следить.

Я сдуваю волосы с лица.

— Но я хочу знать.

Мой тон даёт понять, что я серьёзна, поэтому Хай, пожав плечами, отвечает:

— Мы мало что знаем о них. Они обладают как человеческими, так и демоническими чертами, но ты никогда не знаешь, сколько в них того и другого. Я слышал, что одного из них застрелили. Самым обычным пистолетом.

Хммм, мне это не нравится.

— Но они застрелили его только потому, что на него не подействовала святая вода. — Он неодобрительно качает головой. — Надо было попробовать что-нибудь другое. Хотя, они такие же, как демоны, только не мертвые.

Он перепрыгивает через бревно и протягивает мне руку, чтобы помочь. Я беру её и перешагиваю через препятствие, затем отпускаю. Он снова устремляется вперёд.

— Мне следовало бы сказать, *пока* не мертвые. Они почти всегда становятся демонами, когда умирают. Продают свою душу, как и их сородичи.

— Бывало ли так, что кто-то из них не становился демоном? — тихо спрашиваю я.

Остановившись, Хай поворачивается ко мне. Я делаю вид, что отстала, потому что зацепилась за ветку. Он возвращается назад и отламывает её, тем самым освобождая меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Бывают ли не злые полукровки?

— Не знаю. — Он пожимает плечами и снова разворачивается. — Я слышал только о тех, с которыми мы должны бороться. Но не думаю, что существуют не злые. Обычному-то человеку непросто остаться хорошим. Так, как же это может сделать тот, кто уже наполовину демон?

Очень хороший вопрос. У меня определённо нет на него ответа.

Я открываю рот, чтобы спросить что-нибудь ещё, но слышу за деревьями голос Джо. Она идёт нам навстречу. Ну конечно. И как я могла подумать, что Джо будет нас терпеливо ждать?

Чёрт возьми. Я узнала всего ничего, но уже понятно, что моё прикрытие под именем «Эмма» опаснее, чем мне казалось. Надо перестать недооценивать Джо. И ещё поспешить и перейти к чему-то более действенному.

Мы встречаемся с остальными и движемся обратно к спортзалу, в то время как покрытый голубым мелом Ури рассказывает с энтузиазмом и в мельчайших подробностях о том, как он пал жертвой неожиданной атаки сверху. Джо ничего не говорит, но её хромота стала более явной — она как-то по-особому топчет. Зеведея решила не ждать остальных и ушла сразу же после того, как её «убили». Мы заходим в пустой зал последними. Джо швыряет оружие на место. Проигрыш, её роль беспомощной жертвы, моё исчезновение и возвращение под ручку с Хаем вызывают у неё негодование. Мне всего лишь надо немного её

подтолкнуть, и тогда она закипит. Осталось несколько часов до ужина, несколько часов, которыми я хочу воспользоваться, чтобы... провести время с Хаем.

Нет, не в том смысле, хотя это тоже было бы весело.

Я как паук плету сети и устанавливаю ловушки. Я украла эту идею из одной кинодрамы, которая шла по MTV — лучшему источнику дьявольских планов. Я жду, пока Джо соберётся последовать за нами из спортзала (будучи злой, она перемещается так же тихо, как и слонкиборг), и начинаю воплощать свой план. Я хватаю Хая за шею и прижимаюсь к нему.

Я же злодей, так что нет ничего удивительного в том, что свой первый поцелуй я украла.

Губы у него мягкие и солоноватые (может всё дело в меле?), но вялые — надеюсь, причиной тому шок, а не его умение целоваться. Или ещё хуже — разочарование. Внезапно его мозг понимает, что делают его губы, он вздрагивает, словно от удара током, и кладёт руки мне на талию — чтобы продолжить меня целовать или оттолкнуть, этого я не знаю, — и тут в коридор входит Джо.

Всё идёт как по маслу.

На меня направлены шокированные взгляды, и 2 их обладателя по-настоящему потрясены. Затем побледневшая Джо (наконец-то, наконец-то!) уходит прочь. К моему удивлению, Хай тоже побледнел. Он с открытым ртом смотрит в сторону ушедшей Джо, а потом поворачивается ко мне. На его лице написано недоумение.

— Просто счастлива, что осталась жива, — объясняю я и отпускаю его.

Хай пытается что-то сказать, а я стараюсь не смеяться.

— Проведёшь мне экскурсию? — предлагаю я.

— Ах, — произносит он так же красноречиво, как и всегда, и смотрит на дверь, из которой вышла Джо.

— И таааак, — начинаю я хриплым голосом, — если вас, ребята, так мало, почему бы вам не начать, ну, не знаю... пополнять свои ряды? — Я с намёком поднимаю брови.

Это выводит Хая из его ошеломлённого, заторможенного состояния, и он начинает смеяться.

— Нет, к сожалению, всё происходит не совсем так. Нам не позволено бороться с дьяволом посредством намеренного, систематического греха.

— Но при этом вы можете красть и лгать?

Он размышляет над ответом около минуты.

— Думаю, всё дело в том, как и кому это наносит вред, и какова цена. Одно дело — рассказать крошечную выдумку ради спасения Маяка, и другое — произвести на свет кучу невинных детей, у которых не будет даже семьи, только чтобы создать большее количество солдат. О, конечно, внебрачные дети здесь тоже есть. Мы же люди, в конце концов. Но...

Я подмигиваю ему, и он краснеет.

— Знаю, знаю, всё дело в намерении, — говорю я.

— Ты начинаешь понимать. В тебе точно должен быть Маяк.

Что-то я в этом сомневаюсь. Зато эта фраза прекрасно помогает мне перевести тему.

— А как вы собираетесь проверить, являюсь я Маяком или нет?

Хай смотрит на меня, и взгляд у него точно такой же, как у Джо. То ли поцелуй сделал его таким подозрительным, то ли ссора с Джо рассердила его достаточно, чтобы он стал во мне сомневаться.

Я спрашиваю с дрожью в голосе:

— Это больно?

Он улыбается и качает головой.

— Нет, на самом деле, мы ничего не будем с тобой делать. Просто существует артефакт, который мы называем картой Маяков. — Его грудь слегка выпячивается. — В нашем подразделении самая мощная в мире карта Маяков. И хотя регионов много, нам удаётся контролировать их по всему миру.

Мне это ничего не разъясняет, но Хай, кажется, этим гордится, поэтому я позволяю ему продолжить.

— На этой карте ты загорись, как лапочка.

Вряд ли.

— Где сейчас карта?

Где-то в легкодоступном и удобном месте? К примеру, рядом с мусоросжигателем?

— У нас её позаимствовала другая община.

О, так её здесь нет? Ещё лучше!

— Из-за того, что Северная Америка слишком поздно стала полем для битвы демонов и тамплиеров, у нас не много артефактов, возникших на этой территории. На нашей карте Маяков изображён весь мир, и она является единственной на всю Северную Америку. Мы одалживаем её остальным общинам, когда они теряют своих маяков или пытаются точно определить местоположение одного из них. Мы не сможем тебя проверить, пока они не вернут нам карту, но они никогда не задерживают её надолго.

Ой.

— Обычно на сколько?

Он пожимает плечами, и на его лице опять появляется взгляд как у Джо. Я меняю тему:

— Почему для хранения карты выбрали вашу общину? — Я слишком поздно понимаю, что вопрос мог прозвучать оскорбительно, но Хай не выглядит обиженным. Вместо этого он самодовольно улыбается.

— Северное подразделение карту потеряло. — Он посылает мне косой взгляд. — Их община появилась первой в Северной Америке, тогда штаб-квартира демонов была в Нью-Йорке, и они привыкли быть главнее нас. — Хай фыркает. — Они и до сих пор считают себя главными. Так или иначе, на рубеже веков они потеряли карту Маяков, и она попала в руки демонов. — Его самодовольная улыбка исчезает. — В результате чего мы потеряли почти целое поколение маяков. Без них... произошло две мировые войны, Холокост, Нанкинская Резня, Холодная война, Испанка... — перечисляет он, качая головой. — Это был самый кровавый период в мировой истории. Его называют Гемоклизм — кровавый потоп. Так вот, основатель нашей общины выкрал карту Маяков у демонов. Это очень важно, ведь он, по сути, спас мир, — хвастает Хай. — После этого он попросил взять на себя ответственность за карту и основать независимую общину. И ему разрешили. — Он улыбается и разводит руками. — Вот мы и здесь.

— Интересно, — говорю я. И это действительно так, даже если мне ничем не поможет. — Скажи, а каково это — быть тамплиером?

— Замечательно.

— И что тебе нравится больше всего?

— Убивать плохих парней.

Прекрасный ответ. Я вижу его шаловливую улыбку, его глаза, блестящие между упавшими на лицо волосами, и чувствую, как что-то шевелится там, где, как мне когда-то

казалось, могло бы быть моё сердце. Я отвожу взгляд.

— Что ещё?

— У нас достаточно крутые силы.

Я посылаю ему заинтересованный взгляд, но он колеблется.

— Возможно, тебе не следует мне это рассказывать, — говорю я. — Джо сказала тебе этого не делать. — *Но никто не вправе указывать тебе, что делать...*

У него напрягается челюсть, и он пробалтывается:

— Как только тамплиер принимает наследие, он получает супер-силу и скорость, быстрое исцеление и способность очищать демонов. Некоторые счастливчики обретают дополнительные таланты, но те проявляются не сразу. — Хай ухмыляется и шевелит перед собой пальцами так, будто показывает магический трюк. — Зейк может извлечь из своих пальцев свет, убивающий демонов. Он был сильно взбудоражен, когда об этом узнал.

Бьюсь об заклад. Буду одним глазком присматривать за Зейком. Я издаю заинтересованный звук, чтобы Хай продолжил.

— Наша магия исходит преимущественно из гримуаров — книг с заклинаниями против демонов. Но нам не позволено забавляться с ними, пока мы не окончим школу, — говорит он, и я награждаю его недоверчивым взглядом. Хай не дал мне ни единого повода для веры в то, что он из тех, кто следует правилам. Он ловит мой взгляд и лукаво улыбается. — О, раньше я пытался украдкой в них заглянуть, но они все написаны на древних языках, а мои познания в них недостаточно хороши. Артефакты встречаются редко, но использовать их может любой, кто принял Наследие. — Хай вынимает что-то из кармана и показывает мне маленький фимиам, подвешенный на цепочку. — Он нагревается, когда я нахожусь вблизи демона.

Я отодвигаюсь — просто на всякий случай, даже несмотря на слова Джо, что он не реагирует на полукровок. Хай кладёт его обратно в карман.

До этого момента я думала, что мы гуляем совершенно бесцельно, но, спустившись вниз на несколько лестничных пролетов, мы оказываемся глубоко под землёй. Когда мы подходим к современной бронированной двери, меня уже трясёт от любопытства.

— Где мы? — спрашиваю я.

На лице Хая снова появляется очаровательная, озорная улыбка.

— Это совершенно секретно.

Он не пытается скрыть табло безопасности, когда вводит «код». Возможно потому, что кодом безопасности является его же собственная кровь из пальца.

— Кровь тамплиера, — объясняет он. Наверное, решил, что, в отличие от PIN-кода, это я украсть не могу.

Глупец.

Дверь открывается со щелчком и шипением. Хай толкает её, и я вижу, что шириной она почти в целый фут и сделана из твёрдой стали. Обычно такие двери стоят в банковских хранилищах. Внутри оказывается совершенно не то, что я ожидала, хотя я не уверена, что *на самом деле* ожидала. У меня очень небольшой опыт общения с секретными обществами по борьбе с демонами.

Это музей, длинный и узкий, заполненный закрытыми книжными шкафами и стеклянными ящиками. Блестящий деревянный пол, стены, окрашенные в тускло-серые и ржаво-оранжевые цвета. Самое милое место, которое я видела в этой прогнившей школе. Хай указывает на библиотеку гримуаров — дюжину очень древних книг разных форм и

размеров. Несколько шкафов заполняет коллекция побольше — книги по истории тамплиеров.

В стеклянных ящиках представлены артефакты. Каждый из них сопровождает маленькая бирка, на которой написано что-то вроде «Осколок креста» и «Кусочек савана», а рядом добавлено, как это можно использовать, например: «Для создания священных клинков», «Вода на счастье», «Для изгнания демонов».

Хай кивает в сторону множества пустых ящиков.

— Карта Маяков.

Я читаю бирку.

— Череп святого Кристофера?

— Да, он очень крутой. Он работает, как iPad, постоянно подключённый к Google Earth.

— Не считая того, что это череп.

— Ага.

У меня внезапно появляется идея.

— Стив Джобс, Ларри Пейдж и Сергей Брин — маяки? — Это основатели «Apple» и «Google».

Хай только улыбается.

Мы идём дальше, разглядывая остальные реликвии. Здесь больше дюжины ящиков, и хотя большинство из них пусты, на них всё равно есть бирки. Я могу только предполагать, как выглядят реликвии, которые сейчас где-то используются. Хай останавливается около одного из ящиков с несколькими фимиамами и ещё дюжиной пустых отверстий. Замок уже открыт. Хай достаёт из кармана свой артефакт, кладёт его в ящик и закрывает.

«Фимиамы Сан-Джованни», — значится на табличке, а чуть ниже приписано: «Чувствуют демонов».

— Взял его прошлой ночью, — объясняет Хай.

В другом ящике нет ничего кроме крошечной пробирки. «Яд для демонов», — написано ниже. Не знаю, что это, но я обхожу это стороной.

Комната наполнена множеством приспособлений по нахождению и убийству демонов. По-моему, прекрасное место для того, чтобы устроить тут пожар и нафиг уничтожить всю эту ерундистику. Я замечаю свисающий с потолка спринклер.

Хм. Возможно, взрыв подойдёт больше.

Со всех сторон комнаты расположены ровные, гладкие, закрытые двери. И только одна из них сильно отличается ото всех — огромная, деревянная, покрытая хитрой резьбой.

— Куда ведёт эта дверь? — спрашиваю я, и легкомыслие исчезает с лица Хая. Я даже не знала, что он может выглядеть таким серьёзным. Не произнеся ничего в ответ, он распахивает дверь.

Она ведёт в тёмный длинный коридор, наполненный только неестественно серебряным светом. Свечи будто разбросаны по коридору, уходящему в бесконечность. Такое ощущение, что в туннель поместили кусочек ночного неба — чернильной бесконечной темноты, усеянной серебряными огоньками.

Вскоре глаза привыкают, и я вижу, что все свечи стоят на полочке около изображений. Каждая свеча установлена напротив портрета с серебряной табличкой, где написаны имя и дата. Я соединяю всё вместе.

Я стою в усыпальнице тамплиеров.

Вокруг каждого большого портрета расположена серия снимков поменьше: это

фотографии со свадьбы, пикников, танцев, фото детей. Снимки, запечатлевшие лучшие моменты их жизни. Также здесь лежат письма (одни написаны очень изящным почерком, другие — детскими каракулями), медали, плюшевые медведи, детские рисунки. Частички прерванных жизней. Некоторые цветы уже совсем завяли, а какие-то ещё свежи — видно, что их принесли совсем недавно. Лоскутное одеяло из воспоминаний длиною в вечность.

Когда я умру, для моей могилы не найдётся ничего подобного. Никому ненужные тела всё ещё используют в научных интересах? Иронично, но неудивительно, что я могу принести больше пользы, будучи мертвой, нежели живой.

Пока мы идём по коридору, Хай не произносит ни слова, лишь наши шаги отражаются эхом в тишине. Этот парад покойников, кажется, никогда не закончится. Хай останавливается возле одного изображения, перекрещивается и склоняет голову в молитве. Вся полка усыпана цветами разной степени увядания, а с фотографии улыбается семейная пара. Я их узнаю, это родители Джо.

Я их не знала, да и с их дочерью общаюсь лишь вынужденно, поэтому не чувствую, что должна выказать им своё уважение. И, конечно же, я не молюсь. Мой разговор с Богом совершенно безмолвен.

Я лениво рассматриваю соседнюю усыпальницу. Молодой парень, восседающий на мотоцикле, на вид ему лет двадцать, и пожилая женщина, дожившая до шестидесяти лет. Судя по остальным фотографиям, для тамплиера дожить до такого возраста — целое достижение. Хай всё ещё молится, поэтому я прохожу немного вперёд, волоча ноги в одолженных у Джо кроссовках. Словно подтверждая мою гипотезу, следующие фотографии тоже принадлежат молодому тамплиеру, на этот раз совсем юной девушке. Я подхожу ближе и к своему глубочайшему удивлению понимаю, что я узнаю её.

Свою мать.

Глава 8

Когда мне было одиннадцать, я упала с лестничной площадки второго этажа прямо возле нашей квартиры и приземлилась на бетон. Мама тогда боролась с дверным замком, держа в руках продукты из магазина, и в то же время спорила со мной. Это был типичный спор между подростком и родителем — я была не согласна с наложенными ею запретами: никакой школы, никаких друзей, никаких фильмов с рейтингом R, никаких убийств.

Знаете, всё как обычно.

Стиснув зубы, она вела себя спокойно и разумно, поэтому по сравнению с ней моё недовольство (по существу, многословная версия «Но я хочу!») казалось каким-то детским. Будучи загнанной в угол, я стала невменяемой. Я швырнула на пол свои покупки, разбив с оглушительным треском стеклянные бутылки, затем пробила дырку в стене, сорвала и согнула перила второго этажа.

Не лучший момент моей жизни, но ведь меня сильно обидели.

Перила были оторваны, поэтому, покачнувшись, я упала со второго этажа и так сильно ударилась головой о цемент, что в глазах потемнело. Совершенно сбитая с толку, я лежала, судорожно глотая воздух.

Мама отбросила продукты в сторону (ничего при этом не разбив) и сбежала по лестнице, находясь в ужасе от того, что я могла быть сильно травмирована или даже мертва.

А затем пришла в такой же ужас от того, что ничего из этого со мной не случилось.

Сейчас я чувствую себя почти так же. Словно из-под меня выбили землю. Словно под моим черепом проломился бетон. Словно из лёгких выбило воздух. Только в этот раз именно я нахожусь в ужасе от её реальной сущности.

— Меда? — пробирается через окутавшее меня замешательство обеспокоенный голос Хая.

Я использую его реплику:

— Аххх.

— Меда, что такое?

Я показываю, и правда, окончательно дойдя до моего сознания, вылетает из моего рта:

— Моя мама.

Хай глядит на фотографию, затем на меня. Я не свожу взгляда с улыбающихся маминых глаз. Мне и не надо смотреть на Хая, чтобы знать, что он так же удивлён, как и я. Ну, может и не так, как я — никто не мог бы быть *так* удивлён.

Он ничего не говорит. Может, он и недостаточно умный, но знаки понимает прекрасно. Он осознаёт, что мой мир только что покачнулся. Моя мама — Тамплиер. Даже нет, она — *Борец*.

А мой отец — демон? Мой мир качается так сильно, что его уже невозможно контролировать. Я отлично держусь, всё ещё ожидая, что он успокоится. Прямо сейчас это ожидание бессмысленно. Я рассматриваю оставшиеся о ней воспоминания, несмотря на то, что в моей груди всё извивается, корчится и отдаётся болью. Моим глазам предстает целая жизнь, в которой не было меня и о существовании которой я даже не знала. Единственный человек, которого я думала, что знала, оказался полным незнакомцем. Смеющимся, счастливым, улыбающимся незнакомцем. Я никогда не видела ни одной маминой детской фотографии. Будучи не особенно сентиментальной, я не обращала на это внимания до этого момента. Рыже-каштановые кудри, карие глаза, широкий рот, слегка кривые верхние зубы. Так странно видеть знакомые черты на молодом, свежем лице. Я похожа на неё в юности. Не сильно, но что-то общее у нас есть. Высокие, круглые скулы, миндалевидные глаза, только у неё они карие и отливают золотом и солнечным теплом. А мои черны, как моя душа.

Куча фотографий с друзьями, с научного конкурса, где она получила ленточку за первое место. Это меня не удивляет, она всегда подталкивала меня к науке, в то время как меня тянуло к искусству. Даже моё имя, Андромеда, является доказательством её помешательства. На её полке лежит голубое сапфировое кольцо в форме звезды. Я тяну к нему трясущуюся руку, но останавливаю себя.

Она говорила, что выросла в провинции, и полагаю, это правда — вряд ли можно найти более провинциальное место, чем это. Она сказала, что её родители погибли. В автомобильной аварии. Ха! Зная теперь, что они были чёртовыми охотниками на демонов, я понимаю, что это маловероятно.

— Меда, когда ты родилась? — спрашивает Хай, и даже этот вопрос является слишком сложным в моём нынешнем положении. Мне требуется минута, чтобы ответить. Минута, в течение которой я смотрю в эти смеющиеся карие глаза такой же формы, как и у меня. Мне начинает казаться, что они больше не смеются, а смотрят на меня с упрёком. Я отвожу взгляд.

— В 1994, — в итоге удаётся мне сказать. Почему он задал такой вопрос? Я смотрю обратно на надпись, избегая его взгляда. «*Мери Портер 1974—1993*», — гласит она. Не Мери Меланж, как я её знала. Она умерла за год до моего рождения, точнее, это они так

думают. У меня есть достаточно убедительное доказательство того, что они не правы. На самом деле, она была убита только два года назад. Даже не верится, что это произошло так давно. Я могу прекрасно описать эту отвратительную сцену, яркие детали стоят перед моими глазами так чётко, словно это произошло вчера. Я могу воскресить в памяти ощущение её безжизненной руки, лежащей в моей ладони.

Но я этого не делаю. Я не могу перенести воспоминания о том, что с ней сделал бессердечный монстр.

Одно и то же лицо мелькает на фотографиях снова и снова — мальчик с рыжеватыми лохматыми волосами. Они держатся за руки, улыбаясь в камеру, они запачкались, у них нет нескольких зубов, и им здесь где-то лет по пять. На групповой фотографии взгляд мамы направлен в камеру, а его — на неё. Они вместе на выпускном балу в ужасных нарядах восьмидесятих годов (с буфами — фуу). И снова они вдвоём, только на этот раз в купальных костюмах. И снова, и снова, и снова.

На одном из снимков она закинула голову от смеха, она так счастлива, что её почти не узнать. Самый крошечный в мире бриллиант сверкает на её руке, а парень стоит на колене, положив руку на сердце. Нелепое воспроизведение недавно сделанного предложения. Я прикасаюсь к фотографии дрожащим пальцем.

— Кто это? — Чей это голос? Он слишком хриплый, чтобы быть моим.

Хай косится на фотографию.

— Люк Бергерон, — осторожно отвечает он, словно боясь, что я сломаюсь. И я могу. Один неверный звук, и я разобьюсь вдребезги.

— Он ещё жив?

— Да, сейчас он на задании. — Хай делает паузу, в его голосе чувствуется волнение. — Меда, ты знаешь, что это значит?

Я безучастно смотрю на него. Это значит, что моя мама лгала? Что я понятия не имею, кто она?

— Ты — Тамплиер.

Это тоже. Честно говоря, это до сих пор до меня не дошло. Я — полу-демон, полу-Тамплиер. Получается, мама не солгала, когда сказала, что я единственная в своём роде. Гибридный отпрыск прирождённых врагов, странная смесь Добра и Зла. Но как это вообще произошло? Я снова смотрю в её солнечные глаза, глаза единственного человека, у которого есть ответы.

А может, и нет. Я указываю на Люка.

— Где он?

Но Хай не получает возможности ответить. Пронзительный вой сирены разрывает тишину усыпальницы. Комната сверкает красным от ламп, расположенных по низу стен. Прежде чем мы успеваем среагировать, сверху раздаётся громкий взрыв, и здание начинает дрожать под нашими ногами. Инстинктивно, мы с Хаем резко наклоняемся и поднимаем взгляд. Мои круглые глаза находят его, задавая очевидный вопрос. Он отвечает с такими же круглыми глазами:

— Меда, на школу напали.

Глава 9

Мы стоим неподвижно, с широко распахнутыми глазами, будто пойманные в капкан

олени. Затем Хай трясёт головой, и я практически вижу, как с него сходит шок, словно вода со встряхивающейся собаки. Он возвращает себя к реальности и быстро сменяет шок на кураж и, возможно, совсем чуть-чуть азарта. Снова раздаётся вибрирующий взрыв, и мы инстинктивно наклоняем головы. Я поднимаю взгляд к потолку, проверяя его на трещины. Сколько ударов можно нанести зданию, прежде чем оно полностью разрушится? Убьёт ли меня вся эта тяжёлая масса? Но ещё хуже, если я выживу, а эти глыбы придавят меня, загнав тем самым в ловушку, и тогда я погибну от голода.

— Оставайся здесь, — произносит Хай, перекрикивая сирену. Не дожидаясь ответа, он быстро поворачивается, скрипнув кроссовками, и убегает.

Это похоже на ад. Я немного медлю, хватаю кольцо своей матери и фотографию нелепого предложения, запихиваю их к себе в карман и бегу за Хаем. Я не из тех, кто ждёт своей смерти. Я скорее отношусь к типу «найду-его-первой-и-надеру-ему-задницу». Раздаётся новый взрыв, и словно дождь начинают падать кусочки цемента. Я немедленно прячусь, закрывая голову руками.

Ну ладно, может, я больше принадлежу к типу «незаметно-ускользну-от-смерти». Но всё же я не скрываюсь в тёмном углу, ожидая, пока меня чем-нибудь раздавит.

Я выбегаю из усыпальницы в музей Тамплиеров, когда двери врезаются в стену с громким треском. Нет ни единого признака того, что Хай ещё здесь, а двери музея уже закрываются. А открываются они только с помощью сенсора. Чёрт. Я подбегаю к ним, и как раз в тот момент, когда мои пальцы оборачиваются вокруг ручки, раздаётся щелчок.

Пожалуйста, не закрывайтесь изнутри, пожалуйста, не закрывайтесь изнутри.

Я дёргаю ручку. Заперто.

Проклятый Хай! Я ударяю по чёртовой двери ногой и хлопаю по ней рукой, оставляя следы. Эта чёртова дверь представляет собой двенадцатидюймовую твёрдую сталь, пробить которую не смогу даже я. По крайней мере, не сразу. Я ищу хоть какое-нибудь оружие, и мои глаза наталкиваются на панель для ввода пароля. Хорошо, что Хай сбежал, а то я бы хорошенько избила этого идиота и утопила эту проклятую панель в его тамплиерской крови.

Кровь Тамплиера.

Ой.

Я кусаю свой палец, пока не чувствую жжение надорванной кожи, и прижимаю кровоточащее место к сканеру. Со щелчком и шипением открывается дверь.

Как мелодично.

Я уже взбираюсь по лестнице, когда здание сотрясает новый взрыв. Меня отбрасывает к стене, и перила врезаются в бедро. Я начинаю снова двигаться, поднимаясь по лестнице так быстро, как только могу. Я чувствую прилив сил, а это может означать только одно: демоны.

Хая до сих пор нигде не видно. Миновав четыре лестничных пролёта, я натываюсь на группу спускающихся по лестнице детей и резко останавливаюсь. Я и не слышала топот их ножек сквозь вой серены, да и на удивление они ведут себя очень тихо и спокойно, переговариваясь лишь шёпотом. Несомненно, живя здесь, они всю жизнь готовились к смертельно опасным ситуациям. Они подпрыгивают при виде меня — несмотря на их напускное спокойствие, они напуганы. Дети держатся за руки, а ребята постарше несут самых маленьких. Должно быть, они спускаются, чтобы спрятаться в подвале. У них нет выбора — они не обладают теми же способностями, что и я. Покинутый мною склеп является для них лучшим вариантом.

Я встречаюсь глазами с тринадцатилетней девочкой с чёрно-синими волосами, которая

выглядит старше всех. Совсем маленький мальчик со светлыми кудряшками уткнулся личиком ей в плечо. Она гладит его по спинке, укутанной в пижаму, и говорит, что всё будет хорошо. В то же время её глаза спрашивают меня, так ли это.

Яжимаю плечами. Откуда мне знать? Я отхожу вправо, чтобы обойти их и продолжить своё движение вверх.

Маленький ручеёк детей превращается в целый поток, когда я миную последний лестничный пролёт. Ещё один взрыв сотрясает здание, и непроизвольный крик ужаса невольно вырывается из их горла. И я совсем их не осуждаю — один из воплей принадлежит мне. Я протискиваюсь между детьми, словно рыба, плывущая против течения, пока окончательно не выбираюсь с лестницы в фойе. Оно кишит детьми, выстраиваемыми в линии чудаковатой беременной тридцатипятилетней женщиной с короткими светлыми волосами. Мои глаза пробегают по всем сторонам, но я до сих пор не вижу ни единого признака разрушения. Я нахожу Хая, который выше остальных как минимум на два фута. Он пробирается между детьми в другой части зала.

— Хай, — зовёт его блондинка.

Он оборачивается, чтобы посмотреть на неё, и я ныряю в тень, наблюдая за происходящим. Из-за атаки лицо его грозное и... докрасна раскалённое от возбуждения, разожженного предвкушением битвы.

— Старшеклассники должны пройти в спортзал для получения инструкций, — кричит блондинка. Она поворачивается, чтобы схватить мальчика, направившегося не в ту сторону, поэтому ответный кивок Хая остаётся незамеченным. Парень начинает проталкиваться сквозь толпу в направлении спортзала.

Должна ли я последовать за ним? Если он меня поймает, то, возможно, попытается отправить обратно в подвал. С другой стороны, я не хочу сбежать из школы, так почти ничего и не узнав, к тому же, уверена, что в спортзале расскажут что-нибудь о происходящем. И хотя важнее всего — выжить, я не хочу покидать Тамплиеров. Не сейчас, не после того, что я только что узнала. Я сделаю это только в крайней необходимости.

Я бросаюсь за ним.

Добравшись до коридора, он переходит на бег, и я тоже набираю темп. Мне следовало бы замедлиться, ведь обычный человек не может успеть за Хаем, но эта школа — самый настоящий лабиринт, поэтому даже несмотря на то, что я уже дважды была в спортзале, я всё ещё не уверена, что смогла бы найти его самостоятельно. Я проклинаю себя за глупость, из-за которой раньше не обратила внимания на наш путь; в этот раз я просто обязана его запомнить. Я ищу глазами остальных учеников, но никого не вижу. Нам долго пришлось подниматься из подвала, так что, должно быть, мы — последние.

Неожиданно сирены затихают, и внезапная тишина поражает меня так же, как и внезапный шум, поэтому я слегка спотыкаюсь. Как же я рада, что ко мне возвратилось моё пятое чувство, а ещё больше благодарна своей координации — теперь я слышу, как из левого коридора приближаются шаги. Я замедляюсь, надеясь, что это ни Джо и ни Зеведея. Я ныряю в пустой кабинет, но это оказываются всего лишь какие-то пятнадцатилетние мальчишки с тем же разгорячённым возбуждением на лицах, которое я видела у Хая. Я следую за ними, но уже немного медленнее. Ко мне вернулся слух, так что теперь мне не надо бежать за ними по пятам.

Когда я прихожу, спортзал переполнен. Дети переминаются с ноги на ногу и с волнением перешёптываются. Я проскальзываю в зал, ища глазами Джо. Я могу не

переживать, что кто-нибудь попытается заставить меня вернуться в подвал — они ясно дали понять, что безопасность Эммы стоит в самом конце их списка. Я вижу, как Хай идёт по залу, пробираясь между учениками. Когда они к нему поворачиваются, он кивает им головой, хлопает их по плечу и пожимает им руки. Я вижу, как они успокаиваются, заражаясь уверенностью Хая. Как жаль, что у моего мозга слишком сильный иммунитет.

В противоположном конце зала на трибуне стоит мужчина с бакенбардами. Все повернуты к нему лицом, пока он распределяет между группами учеников мечи, кинжалы и ножи, доставая их из железной клетки. В этой школе он моложе всех небеременных взрослых, и я понимаю, почему он здесь, когда вижу пустой рукав его тамплиерской куртки. Кстати о калеках... Я поднимаюсь на носочки, чтобы снова поискать Джо. Я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы знала, где она. Я до сих пор не знаю, какой у меня план, но уверена: что бы я не придумала, она всё равно сделает что-нибудь, чтобы мне помешать. Всё ещё её не вижу. Я заметила только Зеведею — её тёмная голова поднимается над толпой.

Мне надо больше информации. Надеюсь, Бакенбарды всё объяснят — я не из тех, кто привык ждать. Окна расположены вдоль стен сразу справа от меня и немного дальше слева. Они все забиты, но сделано это изнутри — нельзя рисковать, чтобы какой-нибудь посторонний из любопытства отодрал доски. Ещё одно окно находится в противоположной части длинного зала, за клеткой для боёв — цепи обеспечат хоть какое-то, может и не идеальное, но укрытие. Быстро взглянув на Хая, я проскальзываю сквозь толпу и ныряю за клетку. Окно скрыто тонкой доской, прибитой к раме. Я цепляюсь пальцами за угол. Когда звучит следующий взрыв, я отрываю его от рамы и загибаю, делая шестидюймовый глазок. Я оглядываюсь вокруг — меня никто не замечает. На моём лице расплывается самодовольная ухмылка, и я выглядываю в окно. Ухмылка исчезает.

Иногда лучше оставаться в неведении.

Школьный двор превратился в Уолл-стрит — мой глаз видит бездушных мужчин и женщин, одетых в чёрные костюмы.

Демоны. Их сотни.

Они стоят на полусогнутых ногах, шипя, рыча и готовясь атаковать в любой момент. Ситуация, действительно, смехотворная: где-то сорок из них одето в деловые костюмы. Но я не смеюсь. Они заполонили весь двор перед школой и пространство между трейлерами. Их человеческие лица мигают, скрывая физиономии серолицых монстров — чёрные впадины вместо глаз, сморщенная, шероховатая кожа, безгубые рты, наполненные острыми зубами.

Я никоим образом не смогу незаметно ускользнуть. Никаких шансов. Мне бы следовало оставаться в подвале.

Единственное, что стоит между нами и демонами — тоненькая линия дряхлых Борцов, отправленных на пенсию. Я узнаю Миссис Ли в халатике с гавайским принтом и троих пожилых людей из столовой, директора или Сержанта среди них нет. Я вижу рядом с ними ещё около десятка таких же, как они. Между каждым из них несколько шагов — должно быть, они растянулись вокруг всей школы. С этого ракурса мне некоторых почти не видно, потому что они прислонились к стене, используя её в качестве опоры.

И *это* наши защитники? О, и армия наполовину подготовленных старшеклассников. Армия. Я в ужасе понимаю, во что себя впутала. Мне следовало направиться в убежище вместе с младенцами.

Мы не можем победить. Мы погибли.

— Вы не можете победить, — рокошет шипящий голос. — Вы погибли.

Вот дерьмо.

Я просматриваю вражескую армию, ища обладателя голоса. Когда снова раздаётся голос, я понимаю, что он принадлежит не кому-то одному. Они все говорят, как один.

— Но мы хотим заключить сделку, — шипят они.

Пожалуйста, сделайте это! Я не хочу умереть только потому, что оказалась не в то время и не в том месте.

— Никогда! — каркают старики. Пенсионеры отвечают одновременно, но им недостаёт той сверхъестественной, поразительной синхронности, которой обладает другая сторона. Но и у этих, и у тех присутствует большая хрипота. Боже, я вижу, как кто-то пошёл вперёд.

Первое правило: никогда не позволяйте людям в узорчатой одежде принимать жизненно или смертельно важные решения.

Демоны, начиная с самого конца толпы, поднимают руки, а затем опускают, когда стоящая перед ними линия их поднимает — очень похоже на «волну» на спортивных мероприятиях. Движение продолжает двигаться вперёд, и вместе с ним над их руками начинает возникать большое чёрное облако, летящее прямо к школе. Воздух вокруг него дрожит, словно над раскалённым асфальтом. Чем ближе оно приближается, тем больше и чётче становится, пока не начинает казаться, будто оно всё дрожит и мерцает.

Я моргаю, не веря своим глазам. Это стена огня, за исключением того, что она серо-чёрная и выше школы. И она движется прямо на нас.

Мой взгляд перелетает на старых Тамплиеров, и их стойкая поза меня успокаивает. Разумеется, у них есть план, как это становить.

Но есть вероятность, что их план совершенно безумен и они не осознают масштабность проблемы.

Огонь достигает первого ряда демонов, и они бросают его в школу. Я быстро наклоняюсь, закрывая голову руками, но кроме сильного грохота и вибрации больше ничего нет. Через секунду потрясения и неверия я выглядываю в окно. Снаружи древние тамплиеры задержали чёрный огонь белым облаком. Оно окружает всю школу, облекая её, словно защитный слой ваты. Облако исчезает, когда чёрная волна рассеивается.

Надеюсь, оно исчезло не навсегда, потому что демоны снова поднимают руки, создавая новое чёрное облако. Оно движется вперёд, набирая размеры и скорость. Когда оно уже совсем близко, я борюсь с желанием пригнуться, желая увидеть, что произойдёт. В самую последнюю секунду Тамплиеры скидывают руки, и появляется белая вата, останавливающая огонь. В этот момент со всех сторон раздаётся сильный грохот. С балок падает пыль.

— Ученики!

Крепкий калека привлекает моё внимание внутрь спортзала. Он всё ещё стоит на трибуне, где каждый может его увидеть, и внимательно оглядывает толпу. Я возвращаюсь, чтобы присоединиться ко всем и выслушать инструкции. Меня замечает темноволосый парень, который явно удивлён увидеть меня здесь. Он посылает мне слабую, одобряющую улыбку.

Он думает, что Эмма начала всё с чистого листа и пришла принять участие в их битве. Идиот.

Покалеченный Борец всё ещё говорит:

— Защитные чары не продержатся вечно, как только они будут сломлены, вы станете

нашей следующей линией обороны. Тамплиеры, защищайте свою территорию, пока не услышите приказ к отступлению.

Он легонько стучит по своему наушнику, и я вижу, как в толпе передаются корзины с такими же устройствами. Я беру одно из них, когда корзинка проходит рядом со мной, и закрепляю его в ухе. Пока там ничего не слышно, но надеюсь, он заработает.

Студенты перешёптываются, издавая звуки протеста, и я понимаю, что они не собираются отступать. Борец качает головой и поднимает руки, чтобы успокоить детей. Затем он озвучивает не вызывающий сомнений факт:

— Школа погибла.

Толпа возмущается и задыхается от негодования. Несколько студентов криками выражают своё несогласие, а девушка напротив меня прикрывает рот. Как это вообще могло их удивить? Должно быть, они не выглядывали наружу.

Борец продолжает:

— Всё, что мы можем сделать — дать самым маленьким возможность эвакуироваться. Эвакуироваться? Самые маленькие сбегают?

Он говорит дальше:

— Замедлите врага и останьтесь в живых. — На самом деле, я бы подчинилась приказу — то есть, его второй части. — Как только дети будут выведены, вы эвакуируетесь через южный туннель, чтобы отвести демонов подальше от них.

Всё произнесенное не вызывает никакого сомнения. Командир выпрямляется — а этот Тамплиер выше, чем я думала, — и смотрит куда-то поверх толпы. У него такое выражение лица, словно он видит там что-то прекрасное. Мужчина приподнимает подбородок, сейчас он выглядит гордым; теперь это не просто старый калека, а благородный рыцарь, постаревший и потерявший руку.

Он начинает воодушевляющую, сильную и прекрасную речь о чести и долге. Его глаза — пронизывающие голубые глаза — осматривают толпу, встречаясь с ребятами взглядом, когда он обращается к ним лично с просьбой взять на себя эту святую миссию. Он играет с сердцами всех присутствующих в зале с мастерством скрипача в филармонии. Даже то таинственное, что покоится в моей груди, посылает несколько сонных вибраций, когда мастер перебирает наши струны. У песни героические слова, но, кажется, я одна, кто узнал её название — самоубийство.

— Для многих из вас эта битва будет первой. Вы молоды, но храбры, и вас готовили к этому всю вашу жизнь. Так поступают Тамплиеры. — Его горящие, решительно смотрящие вперёд глаза зажигают толпу. — Мы боимся демонов?

— Нет! — выкрикивает зал. *Вот чёрт — неужели это был мой голос?*

— Мы боимся смерти?

— Нет! — В этот раз я держу свой голос под контролем.

В течение всей его речи здание сотрясается снова и снова. Лица окружающих меня учеников серьёзны, решительны, эпичны. Суицидальны. Нет, я не такая. Пришло время крысе покинуть идущий на дно корабль. Младшие ученики спускаются вниз, так что, предположительно, выход из туннеля связан с музеем. Мне всего лишь надо вернуться к двери, через которую я зашла, и тогда я смогу найти обратный путь.

Совсем скоро я оказываюсь с краю собравшихся учеников. Окно находится совсем близко, поэтому, если что, я смогу поспешно нырнуть обратно в своё укрытие. Я нахожу Хая, там же, где видела его в прошлый раз, — он ищет кого-то в толпе. Наши взгляды

пересекаются, и его глаза становятся круглыми от ужаса. Я петляю между учениками.

Ведущие в коридор двери, через которые я зашла, находятся в противоположной от меня стороне. Хай крутит головой, просматривая толпу. Должно быть, он меня потерял. Хорошо. Я не беспокоюсь о том, что бы он сказал, если бы поймал меня, меня это совершенно не волнует. У меня нет на это времени. Пригнувшись, я двигаюсь даже быстрее. Распоряжения заканчиваются, и ученики собираются отправиться на смерть — то есть, на посты. Последнее, что я хочу, так это остаться в потоке школьников, стремящихся на битву. Сложнее всего — сохранять достаточно медленный темп, чтобы оставаться незамеченной. Я хочу нестись стрелой, но не хочу видеть реакцию учеников на то, как трусливая Эмма дезертирует с поля боя. Это бы выглядело ужасно, да и у меня нет времени на объяснения. Десять шагов, восемь, шесть. Не знаю, увидел ли меня Хай, но он движется в моём направлении. Это не важно — я уже в дверях. Я слегка их приоткрываю и выскальзываю. Я снаружи. Уже через пять минут я буду в туннелях, подальше от приближающейся кровавой бойни. Я делаю два шага, готовясь бежать на самой высокой скорости.

— Куда-то собралась?

Я застываю.

Это Джо, и её нож приставлен к моему горлу.

Глава 10

— Джо! — не лучший ответ, но меня застали врасплох. Я делаю шаг назад, стараясь увеличить расстояние между своей шеей и опасным двадцатисантиметровым ножом. Если мне удастся отодвинуться достаточно далеко, я смогу выбить из её рук нож и...

И что? У меня нет времени на то, чтобы связать её и где-нибудь закрыть. Я могу её вырубить, но она очнётся уже через минуту, когда школьники помчатся врассыпную из спортзала. И тогда она всё расскажет. Они узнаю, кто я такая, и поймают меня. *Она* поймает меня. На самом деле, есть только один выход.

Я должна её убить. Возможно, со временем они поймут, что это сделала я, но к этому моменту я буду далеко отсюда.

Между нами всё ещё небольшое расстояние. Я встречаюсь с ней взглядом, она прищуривается. Я стараюсь вызвать в себе ненависть, которая бы соответствовала тому, что я вижу в её глазах. Это бы упростило задачу. Но у меня не получается её ненавидеть, поэтому я просто начинаю ещё больше ненавидеть себя.

Я отступаю ещё на шаг, стараясь отстраниться на необходимое мне расстояние. Но она слишком умна, поэтому следует за мной, и острое лезвие остаётся на том же месте.

— Я повторяю: куда-то собралась? — шипит она. Мне надо уговорить её расслабиться.

Я даже не думаю о том, чтобы начать хныкать и глупо улыбаться, это бы подействовало на Хая, но не на неё. Если бы я это сделала, она бы тут же меня зарезала от отвращения. Поэтому я честна, по крайней мере, по части своих эмоций.

— Да! Не знаю, заметила ли ты, но демоны вот-вот атакуют школу! Я не Борец, мне надо эвакуироваться!

— О, я заметила. Более того, я думаю, что ты к этому причастна, — обвиняет она, сильнее прижимая нож к моей коже.

А вот и причина её внезапной агрессии. Что ж, может, она не такая уж и «внезапная», я же пыталась заставить Джо ненавидеть меня. Чрезмерная агрессия.

— Я никак с этим не связана! Я ничего об этом не знаю! — И это чистая правда.

— Это кажется ужасным совпадением, — огрызается она, придвигаясь ближе. — Так открыто на общину Тамплиеров не нападали *никогда*, а затем появляешься ты, и прямо на следующий день они возникают у нас на пороге.

Когда Джо так говорит, всё, действительно, кажется ужасным совпадением. На моём лице появляется удивление, она должна почувствовать, что моё замешательство искренне. В этом плане она очень внимательна. Лезвие отстраняется на несколько миллиметров.

Моё замешательство искренне. А вот я — нет. Надо увеличить расстояние, тогда я смогу вывернуться, воспользовавшись её смятением. В её сердце вонзится нож, и я исчезну быстрее, чем она успеет сказать Хаю:

— Я же тебе говорила.

Я вижу, как Джо взвешивает все за и против, решая, что же делать. Она перекатывается на пятки. Я пытаюсь не напрягать мышцы, не желая выдать свои намерения.

Джо смотрит в мои испуганные глаза. Возможно, у неё больше не осталось причины меня убивать. Она отступает ещё немного... Момент настал!

Я колеблюсь.

БАМ! Двери спортзала распахиваются, и коридор заполняется школьниками. А во главе их — Хай.

Чёрт!

— Меда? Джо?

И хотя это я чуть было не стала убийцей, сейчас Джо — единственная, кто приставляет нож к горлу своей соперницы, поэтому именно она получает от Хая устрашающий взгляд. Девушка опускает лезвие, когда Хай останавливается напротив нас, словно камень в реке студентов, стремящихся занять позиции, прежде чем старики будут повержены. Коридор слишком узкий, поэтому мы отходим немного в сторону, чтобы не стоять у школьников на пути.

— Что происходит? Что ты здесь делаешь?

С чего бы начать? Здание сотрясает новый взрыв, и он уже сильнее предыдущих, и я решаю начать с части, которая поможет мне выбраться отсюда как можно скорее. Конечно, было бы чудесно прежде всего настучать на Джо, но это будет не очень эффективно.

Я уже открываю рот, но Хай продолжает говорить:

— Почему ты не эвакуировалась?

Прекрасно. Именно это я и хочу обсудить. Но затем я понимаю, что Хай говорит не со мной, он обращается к Джо.

Она свирепо на него смотрит. Хай, она такая неблагодарная, давай лучше сосредоточимся на моей эвакуации. Я буду тебе признательна за любую попытку вывести меня отсюда.

— Я не уйду, — заявляет Джо с каменным лицом.

С ней уже всё ясно. Хай, давай поговорим теперь обо мне.

— Ты должна была уйти с остальными!

— Кто такие остальные? Дети и младенцы? Я немного не подхожу по возрасту, — посылает она едкое замечание. Здание сотрясается от нового взрыва, и от угла отваливается кусок штукатурки. Должно быть, у стариков заканчиваются силы.

— Нет, с остальными... — Хай останавливается, понимая, что это может плохо кончиться. Но уже слишком поздно.

— С какими остальными, Хай? С остальными калеками? — Она гневно кричит ему в лицо. — Многие из них остались здесь, или ты не заметил, что у командира Херона всего одна рука?

— *Они* — Борцы, *они* обладают магией, способной их защитить. — Теперь и он сердится и кричит на неё в ответ. — *Они* обладают большим боевым опытом...

Если я не вмешаюсь, Джо получит свой боевой опыт в драке с Хаем. И давайте не забывать, что мне всё ещё надо эвакуироваться и желательно с сопровождающим, поскольку теперь все ненавистники Эммы на свободе... и вооружены.

— Соберитесь! — кричу я, и они оба переводят на меня взгляд. Они уже и забыли, что я здесь. — Что мы собираемся сейчас делать?

— Вы обе уходите. Сейчас же.

Мне нравится, как это звучит. Продолжай.

— Я никуда не иду, — возражает Джо, скрещая руки. Затем здание снова сотрясается, и ей приходится опереться рукой о стену, чтобы удержаться на ногах.

— Нет, ты идёшь. — Хай стоит неподвижно, расставив широко ноги.

— Нет... — начинает Джо.

Боже правый, ребята. Мы можем сосредоточиться на важном? На мне.

— Хорошо. — Хай проводит рукой по волосам, но, должно быть, он забыл, что они собраны в хвостик, поэтому он приводит их в беспорядок, вытаскивая из причёски половину прядей. Парень расстроено ворчит, а затем его посещает какая-то мысль, и он поднимает глаза. — Сделай это не для себя, а для Меды, ей необходимо спуститься в туннели, и ей нужен сопровождающий.

Ха. Он и правда не заметил. Моё благосостояние не на первом месте в списке приоритетов Джо.

— Она — Маяк, — убеждает он.

Джо закатывает глаза.

— Ты не...

Он обрывает её:

— Хорошо, в этом я не могу быть уверен. — Изменение в сценарии. — Но она *точно* Тамплиер.

— Что? — Джо шокирована этим фактом. Хай торопливо объясняет, заглядывая ей за спину. Река подростков превратилась в маленький ручеёк. Ещё две бомбы сотрясают здание, подбираясь вплотную к его стенам.

— Мы были в усыпальнице. Её мать — Мэри Портер.

— Кто? — переспрашивает Джо.

— Борец. Они думали, что она умерла восемнадцать лет назад, ещё до нашего рождения. В усыпальнице стоит ей памятник.

Джо поворачивается ко мне, разинув рот.

— Она не знала, — быстро добавляет Хай, прежде чем Джо может спросить.

Она рассматривает меня, пытаясь понять, правда ли это. Я снимаю с лица маску, позволяя ей увидеть мой шок от скрываемого моей мамой секрета. Мы обе вздрагиваем.

— Выведешь её отсюда? Пожалуйста.

Джо это не нравится, ей абсолютно это не нравится. Она жаждет убивать демонов, я могу это прочесть в каждом изгибе её тела. Проклятье, она хочет прикончить *меня*. Она не хочет, чтобы её отправили в какое-нибудь безопасное место с детьми и калеками; девчонка,

уоставшая от опеки, поставлена в затруднительное положение.

— Хорошо, — соглашается она, сутуля спину. На этот раз она проиграла.

Хай немного расслабляется.

— Я доведу вас до западного коридора, я охраняю там подземный вход.

Мы убегаем, Джо, как обычно, отстаёт. Я так легкомысленна, как же я собираюсь сбежать с таким сопровождающим. Я эвакуируюсь и исчезну. Правда в том, что я ничего не узнала от Тамплиеров о своём виде, точнее *видах*, ведь я ещё и на какую-то часть Тамплиер. Но мне известно, кто сможет ответить на мои вопросы, и я его найду, как только отсюда выберусь.

Люк Бергерон.

О том, как его выследить, я позабочусь позже — после того, как сбегу с поля боя.

Здание сотрясается всё сильнее, и на стенах появляются трещины. Я проклиная глупую планировку школы, в которой нет прямого пути к главному корпусу и лестницам, ведущим в туннели.

— Разве другим путём не было бы быстрее? — интересуюсь я, когда мы заворачиваем за угол.

— Нет, — легко отвечает Хай, даже не запыхавшись, несмотря на наш темп. — Всё важное, гримуары, артефакты, пути отступления, находятся в главном здании, поэтому туда нет прямой дороги, так проще держать оборону.

Это имеет смысл. Возможно, я их недооценила. Правда, есть одна небольшая проблема.

— Мм, а как же центральный вход? — Он ведёт прямо в главный корпус.

Хай почти улыбается.

— Там стоят стальные ворота, толщиной в фут, к этому моменту их уже опустили. В конечном счёте демоны смогут через них пройти, но перед этим они попытаются проникнуть через другие входы. И мы будем к этому готовы. — На его лице появляется противная сексуальная ухмылка.

Наушник начинает потрескивать, подавая признаки жизни.

— Отряды, приготовьтесь прикрыть отступающих Борцов. Борцы, приготовьтесь отступить через десять... девять... — Он продолжает считать, и Хай бросает взгляд на Джо, увеличивая темп. Я делаю вид, что мне стоит большого труда бежать с ним на одной скорости — сейчас не время раскрывать себя.

Голос в наушнике завершает:

— Один! Уходите!

Я слышу взрыв, с силой врезавшийся во входные двери. А затем здание сотрясает такой мощный удар, что я теряю равновесие и падаю в сторону. Бегущая за мной Джо, пытается меня поймать, но вместо этого падает вместе со мной.словно в молитве мы опускаемся на колени. Грохот раздаётся эхом, когда взрываются какие-то части здания, слышны крики. Пошатываясь Хай идёт к нам, его ноги широко расставлены, а неряшливые волосы стали серыми от пыли. Как только колебания прекращаются, он ставит нас обратно на ноги, подавая каждой из нас свои жилистые руки.

Что если демоны продолжают использовать магию? Почему бы им просто не разгромить в пыль это здание, а вместе с ним и нас? Я открываю рот, чтобы спросить, но мне в ответ доносится воющий крик, исходящий откуда-то снаружи. Это визг, но он такой пронзительный, словно исходит из тысячи ртов. Этот звук скребёт по моим нервам, как ногти по доске для мела, и мои ладони тянутся вверх, чтобы прикрыть уши.

Хай смотрит куда-то в сторону, слушая крик, а потом переглядывается с Джо. Затем он поворачивается ко мне.

— Боевой клич, — объясняет он. — Нам надо поторопиться.

Да неужели? А я думала, что мы ещё где-нибудь побродим.

Он хватается меня за руку и снова начинает бежать, практически волоча меня за собой. Джо, как обычно, отстаёт. Раздаются удары, похожие на барабанную дробь, а затем крики, оповещающие о начале боя, охватившего всю школу. Дважды мы слышим сражения, развернувшиеся на нашем пути, поэтому Хай меняет наш путь, поднимая нас даже не на один, а на два лестничных проёма, и мы оказываемся уже на третьем этаже. Так наш путь стал ещё длиннее, но все битвы проходят возле входов на первом этаже.

Мы бежим по пустому коридору и спускаемся обратно на второй этаж. Как только мы выходим с лестницы, нам на глаза попадает мужчина средних лет, стоящий в противоположном конце коридора — прямо там, куда нам надо попасть. И его чёрный костюм подсказывает мне, что он не на нашей стороне. Получается, что уже, как минимум, один демон прорвался через оборону. Он оборачивается, когда мы входим, и с дикой улыбкой несётся прямо к нам, его туфли стучат по линолеуму. Хай так же мерзко ухмыляется и мчится ему навстречу.

Я же поступаю разумно, оставаясь ждать вместе с Джо.

Они бегут друг на друга, и мне становится интересно, не собирается ли Хай просто врезаться в демона. Но нет, в самую последнюю секунду, прямо перед столкновением, Хай выставляет вперёд ноги и, прямо как в бейсболе, проскальзывает мимо противника. Рука демона тянется к голове Тамплиера. И когда он проскальзывает мимо, Хай бьёт его сзади по коленям. Демон кричит и падает, в то время как Хай склоняется над ним и размахивается мечом, сжимая его двумя руками, чтобы отрубить демону голову. Кровь разбрызгивается по стене в форме дуги, а голова крутится по инерции, пока окончательно не останавливается.

Хай смотрит на меня, скорее всего, чтобы проверить, в порядке ли я. У него расширяются глаза.

Мои губы скривились в жестокой ухмылке... упс. Хорошие девочки не реагируют так на обезглавливание. Ещё не слишком поздно упасть в обморок? Не поздно проверить. Я закатываю глаза и начинаю падать, борясь с желанием сохранить равновесие — инстинкт самосохранения всегда создавал мне проблемы.

Джо хватается меня за руку, до того как я захожу слишком далеко.

— О, ну, перестань, у нас нет на это времени. — Она хлопает, и я открываю глаза. Внимание Хая сосредоточено на уже новом демоне вбегающем в коридор. Яжимаю плечами и встаю. Хай встречает вновь прибывшего ловким манёвром с прыжком, и мы продолжаем наш путь.

Мы направляемся к западной лестнице, по которой мы с Хаем уже поднимались ранее. Мы добегаем до неё, к счастью не слыша никаких сражений. Мы спускаемся на первый этаж, проносимся через двери, и нам остаётся всего один коридор до главного корпуса, затем лестница в подвал, и уже там меня ждёт свобода.

Хай резко останавливается. Я врезаюсь в его спину, а Джо врежется в меня, и получается сэндвич из отбитой Меды. У меня возникает плохое предчувствие, и я выглядываю из-за спины Хая, и сразу становится понятно, почему мы не слышали никаких сражений.

Демоны уже выиграли эту битву.

Они заняли весь коридор. Трое мужчин, похожие на бухгалтеров, и женщина, судя по пышной фигуре, страдающая от переедания, стоят над смешанной кучей студентов-Тамплиеров и поверженных демонов. Демоны забрызганы кровью — красные капли виднеются на белой коже и на деловых рубашках. Их костюмы, без сомнений, тоже пропитаны кровью, но на чёрной ткани этого не видно. Наше появление не осталось незамеченным, все синхронно оборачиваются и смотрят на нас, их головы плавно качаются, как у змей.

Хай стоит, как вкопанный. Его изогнутый меч слабо держится в его руке, а глаза прикованы к мёртвым телам. Теоретически он знал, что эти школьники могут погибнуть, но не думаю, что он до конца понимал, что это значит. Пустые взгляды, запёкшаяся на детских футболках кровь. На этом полу покоятся тела его друзей. Кто знает, что он может сейчас сделать, помня, как гладко прошла его последняя стычка с демоном.

Я не так наивна, поэтому ныряю в ближайший кабинет. Джо пока тоже не потеряла рассудок, поэтому толкает Хая в сторону, как раз когда один из мужчин прыгает на них.

Стена служит Хаю прекрасной опорой, и он отпрыгивает от неё с грацией кошки. Джо не столь грациозна, поэтому ей удаётся удержаться на ногах лишь на секунду после столкновения. Я же безопасно прячусь в кабинете, ожидая, когда они расчистят нам путь.

У Хая есть ещё один изогнутый меч, заткнутый за пояс, он вынимает его, и теперь у него оказывается в каждой руке по мечу. У Джо тоже есть меч в придачу к ножу, с которым я уже успела познакомиться. Они стоят спина к спине и лицом к лицу с демонами. Демоны расходятся по сторонам, окружая их. Демоны и Хай уже сделали пару ложных выпадов, чтобы почувствовать способности противника. В итоге тучная женщина прыгает так быстро, что я даже и не могла подумать, что она на такое способна, и бой начинается всерьёз.

Моё искусство — смерть, в битве я — балерина. Грациозная балерина. Хаю не достаёт моей грациозности, но этот недостаток компенсируется его энергией и энтузиазмом. Стиль его борьбы напоминает мне брейк-данс — решительный, неистовый и с некоторыми очень милыми движениями. Джо же танцует... макарену. Но как бы ужасно это не было, со своей задачей она справляется хорошо. Демонов вдвое больше, но ребятам удаётся им противостоять.

Но затем в зал проскальзывает пятый демон, здоровый чёрный мужчина в полосатом костюме. Чёрт. Я не хочу, чтобы они умерли. По крайней мере, не сейчас. Новый демон сосредотачивается на драке и не замечает, что я прячусь в темноте. Я выжидаю, пока он не оказывается между моей дверью и пустым дверным проёмом, находящимся на противоположной стороне. Со скоростью света я прыгаю, заталкиваю его в кабинет напротив и с хрустом сворачиваю ему голову. Из тела вытекает его чёрная душа, по сравнению с серебристой душой обычного человека она чернильная. Я быстро отхожу назад. Не знаю, может, я и могу питаться душами демонов, но сейчас уж точно не время для рискованных экспериментов.

Так происходит ещё раза три — туда-сюда, туда-сюда, к нам присоединяется всё больше и больше демонов. Прыжок, хлопок, хруст. Когда из коридора больше никто не появляется, и у меня не остаётся новых мишеней, я опосредованно пробираюсь к Хаю и Джо, нанося небольшие удары и создавая видимость борьбы. Время от времени из наушника доносится потрескивание. Мы не выигрываем, но мы всё ещё держимся.

В итоге, развернувшись чертовски быстро, Хай наносит смертельный удар своему противнику, а затем помогает Джо с одним из её демонов. Она использует его секундное

отвлечение и выплёскивает в лицо другого демона пузырёк со святой водой. Хай сворачивает голову третьему и толкает первого.

Но это было ошибкой. Я была так увлечена битвой, что не заметила новых демонов, пробравшихся в зал.

А вот я не осталась ими незамеченной.

Мой кулак всё ещё висит в воздухе, когда я замечаю их краем глаза. Я поворачиваю голову. Их восемь — четверо мужчин и четверо женщины, и все они прикованы взглядом ко мне. Один из них улыбается, за чрезмерно красными губами светятся белые зубы.

Я прыгаю обратно в кабинет и захлопываю дверь, но это бессмысленно. Они срывают её с шарниров, заходя внутрь. Не один, не двое, а трое демонов пришло за мной — Красные Губы и двое мужчин. Значит, ещё пять плюс один атакуют Джо и Хая. Не то чтобы я за них беспокоюсь — у меня и своих проблем навалом.

Я подхожу к стене и бросаю взгляд за окно, но снаружи целые орды демонов. Бежать некуда; надо драться.

Да будет так.

Я собираюсь умереть, но ещё это не значит, что я не получу удовольствие схватки. Что сказать? Я отношусь к тем, чей стакан всегда наполовину полон.

Я приседаю и позволяю себе наполниться бурной радостью от предвкушаемого убийства. Сидящий внутри меня монстр, которого я держала на коротком поводке, пока остальные играли, сейчас танцует от восторга. Я улыбаюсь во все зубы. Они приседают, в костюмах это смотрится нелепо. А она даже на каблуках.

Я вспоминаю урок, тяжёло усвоенный в прошлой драке с демонами, и решаю в этот раз начать с обманного манёвра. Я прыгаю прямо к девушке, но в последнюю секунду поворачиваюсь и падаю на мужчину, стоящего посередине. Он кричит, когда я впиваюсь ему в лицо. Моя рука хватается за его скальп, но он дергается и вырывается из моей хватки. Я остаюсь с клоком волос в руке. Не медля ни секунды, я разворачиваюсь и прыгаю на женщину, швыряя её в стену. Затем хватаю её за горло, но третий срывает меня с неё. Однако её горло остаётся у меня в руке.

С одним справилась, осталось двое, но, к сожалению, дальше будет только хуже. Я кручусь как дикая в руках схватившего меня мужчины, и мне удаётся оторвать зубами часть его руки. Он резко меня выпускает, и я спотыкаюсь, теряя равновесие. Другой мужчина прыгает ко мне, хватая меня за талию, и швыряет в стену так сильно, что этого достаточно, чтобы у меня, возможно, треснул череп. В глазах мерцают звёздочки, словно свечи в усыпальнице Тамплиеров.

Я моргаю, возвращаясь к реальности, в то время как каждый из них хватается за меня за руку. Я напрягаюсь, готовясь быть разорванной пополам. Тот, что выше ростом и с новой проплешиной на голове, вежливо меня рассматривает, рыча мне в лицо. Я сосредотачиваюсь на крови, бегущей из его большого носа.

— Тебе повезло, что мы не должны убивать девчонок.

Не должны? Я оживляюсь. Ещё никогда я не была так рада, что я — девочка.

Он мерзко улыбается, это выражение на столь невыдающемся лице человека средних лет кажется почти забавным.

— По крайней мере, мы не должны *пока*.

Ох, что ж, пока я жива, во мне ещё теплится надежда. Я возьму от жизни всё, что смогу.

Они тянут меня за руки в коридор, где продолжается бой. Я надеюсь на спасение, но

меня настигает разочарование. Как и я, Джо уже взята в плен, но в отличие от меня она вырывается, как дикая. Я же просто не хочу тратить силы зря. Эти ребята сильнее меня, поэтому я просто жду удобного случая.

Хай в одиночку сражается с троими. Мокрые от пота волосы прилипли к его лбу, а когда-то белая футболка окрасилась в красно-розовые цвета. И судя по тому, как стремительно он ослабевает, думаю, что там много его крови. Он — не девочка, поэтому у них нет причины оставлять его в живых. Как только они его убьют, надежды на спасение не останется. Мы погибнем, мы все погибнем.

Демоны знают, что они победили. Они смеются, визжат и подкалывают Хая, танцуя вокруг него и хихикая. Мужчина делает выпад в сторону парня. Но тот предотвращает удар клинком, держа его в левой руке, и в то же время блокирует вслепую атаку справа. Другой демон, рыжеволосая женщина, пританцовывает вокруг, сбивая Хая с толку. Пока парень отвлекается, первый демон прыгает в его сторону, и на этот раз ему удаётся провести когтями по рёбрам Хая. Парень стонет, и Джо кричит, вырываясь ещё сильнее. Хай размахивает клинком, чтобы защитить себя, но окончательно обессилев, теряет равновесие. Ему удаётся устоять на ногах, отклонившись назад, но чтобы не упасть, ему приходится расставить руки в стороны.

Для него уже всё кончено, и он это знает. Его взгляд переходит к Джо.

Демон тянется к открытому горлу Хая. Джо пронзительно кричит.

Я тоже кричу.

И вдруг все демоны застывают.

Все. Просто. Застывают.

Один из них замирает на середине прыжка; схватившие меня в плен демоны, должно быть, тоже превратились в картонных манекенов. Выражение лица Хая бесценно, и, полагаю, моё ничем не хуже. Я оборачиваюсь — у Джо так точно не хуже. По всему зданию раздаются победные крики. Демоны застыли везде, мы победили! Каким-то образом кому-то удалось их обездвижить.

Джо вырывается из хватки и сделав два больших шага, бросается в объятия Хая. Думаю, это потрясает его больше, чем внезапно застывшие демоны. Он выглядит таким же окаменевшим, как они, его брови поднимаются почти до уровня волос, а рот изгибается в озадаченную «О». Парень уже собирается обнять Джо, когда та понимает, что именно делает, и резко отскакивает от Хая, отворачиваясь от него и, если я не ошибаюсь, потирая глаза.

Затем её взгляд падает на демонов. Со свирепым рычанием она хватает с пола свой кинжал и отрезает одному из них голову.

Теперь она больше похожа на Джо, которую я знаю. Затем она убивает ещё одного и тех двух, что держали меня.

Хай получил слишком много потрясений за последние несколько минут, поэтому у него уходит время на то, чтобы понять, что вообще происходит. И когда ему это удаётся, он начинает возражать.

— Джо, что ты делаешь? Они же не могут сопротивляться.

Тяжело дыша, она просто смотрит на него дикими глазами. Её рука изгибается на рукоятке меча. И мне становится ясно — Джо очень-очень сильно ненавидит демонов. Для неё они не просто враги, а те, кого она желает разорвать на мелкие кусочки, чтобы затем станцевать на их останках.

Мне надо это запомнить.

Но на данный момент, полагаю, это хорошая идея убить наших врагов. Я перепрыгиваю на её сторону.

— Но она же их не убивает, не так ли? То есть, они просто переродятся, если она их не очистит?

Хай обдумывает мои слова, а затем пожимает плечами и, немного колеблясь, сносит голову ещё одному демону. Я заставляю себя отойти в сторону, пока они не закончат расправу, хотя моя кровь кипит от жажды насилия. Я отвожу взгляд, когда из тел демонов вылетают чёрные души, растворяясь затем в воздухе.

Через наушник слышно, как люди спрашивают, кто заморозил демонов и как, но меня больше беспокоит, как долго это продлится, а ни кто и как это делает.

А надо было бы подумать и об этом.

Потому что вскоре до нас доносятся хлопки. И они исходят не из школы, а из-за её стен. Мы в замешательстве обмениваемся взглядами, затем забегаем в ближайшую комнату и огибаем парты, мчась к большим окнам. Все демоны снаружи хлопают, да так любезно, словно в антракте оперы. Их там до сих пор сотни. А может, тысячи. Мы с ребятами смотрим друг на друга в поиске хоть какого-нибудь объяснения, но всем нечего предложить. И вдруг из глоток всех демонов исходит голос:

— Достаточно? — Голос звучит бесстрастно, а вопрос покровительственно.

Понимание бьёт меня в живот, и я отшатываюсь назад на несколько шагов, врезаясь в парту. Мы не победили, потому что это не мы заморозили демонов. Они сами застыли, или же их остановил этот голос. Выходит, они могут победить, ведь на замену тем, которых мы только что убили, придут сотни новых. И если этот голос способен убить своих только для привлечения нашего внимания, что же тогда он сделает с нами? Значит, сейчас нас лишь запугивают. И это действует, по крайней мере, на меня.

— Теперь вы готовы вести переговоры? — спрашивает голос.

Я смотрю на Хая и Джо и читаю в их лицах то же осознание. Я чувствую, что они слегка паникуют, но собираются стоять на своём.

— Они же договорятся, не так ли, Хай? — интересуюсь я, заразнее зная ответ.

— Нет, — отвечает Джо.

— Никогда, — произносит Хай.

— Но мы все умрём! — спорю я с ними, словно это они принимают решение.

Хай переводит на меня взгляд, и уголок его рта слегка приподнимается.

— Разве тебя не учили, что нельзя заключать сделку с дьяволом? Ты никогда не выиграешь.

На это я могу только зашипеть от злости.

— Детям удалось уйти. Это самое важное, — произносит Джо, твёрдо кивая.

Но меня не волнуют дети.

— Вы хотите умереть? Так просто?

Джо поворачивается ко мне. И хотя её голос спокоен, теперь её глаза горят ярким священным пламенем. Она не хочет умирать, но она это сделает ради всего того, во что верит.

Мне нужны новые друзья.

— У нас всё ещё есть несколько козырей в рукаве, — уверяет Хай, хлопая меня по плечу. — У нас ещё есть шанс сбежать.

— Как?

Мы почти проиграли эту битву, теперь демоны просто с нами играют. Он — ненормальный.

Хай улыбается. Поднимая глаза к потолку.

— Что ж, во-первых, у нас ещё есть разбрызгиватели со святой водой.

— *Что?* — Я с ужасом вспоминаю свой ожог на плече. Пожалуйста, пускай это будет всего лишь шутка. Вдруг раздаётся потрескивание громкоговорителя, и я впервые в жизни чуть было не падаю в обморок.

Голос отвлекает наше внимание от окон.

— Итак? — спрашивает голос, исходящий из тысячи плоток. — Мы вступаем в переговоры?

— Никогда, — шепчет Хай снова, и эти двое обмениваются пылающими взглядами.

— Спорим, я убью больше тебя, — дразнится Джо.

— Это мы ещё посмотрим.

Они — сумасшедшие.

Но затем из громкоговорителя раздаётся голос, удивляющий всех нас.

— Да, мы будем вести переговоры, — оповещает он. Хай и Джо судорожно ловят ртом воздух, а мой наушник оживает, и в нём начинают кипеть споры. Они не могут говорить одновременно, поэтому в наушнике звучат лишь обрывки их фраз.

— Что...

— Нет...

— Но...

Затем все затихают. Все кроме одного единственного голоса, звучавшего раньше из громкоговорителя, голоса нашего загадочного лидера, скрывающегося за завесой. Теперь он звучит прямо в наших ушах.

— Отступление провалилось, туннели заблокированы. Все дети возвращаются назад.

Хай бледнеет, а Джо падает на колени, горящая внутри неё свеча затухает. Новость эхом раздаётся в тишине.

Голос уходит из наушников и возвращается к громкоговорителю.

— Мы выслушаем ваши условия.

— Замечательно, — шипят демоны. — Это, правда, очень просто. Всего одна жизнь в обмен на все остальные. И это всё, лишь одна жизнь. Уверен, это честная сделка. Вам стоит решить лишь одно — закончится ли всё горой ваших трупов, или мы обойдёмся без этого.

Им было приказано не убивать девочек, и атака совпала с днём моего прибытия. Мой желудок сжимается ещё до того, как они это произносят.

— Отдайте нам девочку. Отдайте нам... *Меду*.

Глава 11

Моим первым инстинктом было бежать, у Джо — остановить меня. Она набрасывается на меня, когда я мчусь к двери. Девушка вцепляется мне в спину, мы падаем, и я чувствую, как к моей шее прижимается нож. Я застываю, проклиная всё на свете.

— Меда, Джо, прекратите! — Приказывает Хай, хватая меня за руку и вытаскивая из-под Джо. Она не сопротивляется, но при этом вынимает меч и приставляет его к моей груди. — Меда, успокойся. Они тебя не найдут!

Мои глаза бегают в поисках пути к отступлению. Мне придётся с ними сразиться. Но не знаю, удастся ли мне победить. Они достаточно сильные, и Джо, как минимум, ожидает меня нечто подобное.

— Меда. — Хай трясёт меня за руку, пока я не перевожу на него взгляд. — Обещаю, они потеряют твой след... они никогда тебя не найдут. Должна быть причина, по которой демоны так сильно хотят тебя заполучить. Говорю тебе, заключив сделку с дьяволом, ты никогда не выиграешь.

Его слова начинают обретать смысл. В мире Тамплиеров они имеют большое значение. Мои глаза перебегают к Джо.

— Он прав. — Она выглядит разочарованной, поэтому я знаю, что она действительно так считает. — Не знаю, что они задумали, но они точно не собираются тебя вернуть.

Хай медленно меня отпускает, и я никуда не бегу. Даже не знаю, куда я собиралась идти, находясь в окружении двух армий, объединённых одним общим врагом — мной.

Тем временем наши наушники разрываются от попыток Тамплиеров выяснить, кто же такая эта таинственная Меда. Хай прекращает споры одним нажатием кнопки и парой слов.

— Сэр, говорит Малахай Дюпейн. Она у нас.

— Отведите её в штаб. — И больше ничего. Я уже представляю, что за этим последует. — Так мы сможем её защитить, даже если это будет стоить нам жизни. — Значит, я ещё не полностью сошла с ума.

— Да, сэр.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Хай идёт впереди, как же он любит поворачиваться ко мне своей незащищённой спиной. А вот Джо — нет, она плетётся позади, и я хорошо чувствую её меч, направленный мне в спину. Мы движемся по коридору, вокруг мерцают лампы, повреждённые магическими атаками. Я замечаю, как Хай и Джо отводят взгляд, когда мы проходим мимо тел студентов-тамплиеров. Я же внимательно изучаю трупы, чувствуя облегчение, когда не нахожу среди них копну рыжих волос и смуглую кожу. Хай заглядывает в комнату, в которой я устроила небольшую драку. Два обезглавленных тела растянулись прямо за дверью, и ещё одно без горла пьяно прислонилось к стене, её пропитанная кровью рубашка стала алой в тон к её губам. Хай резко останавливается, но я слишком внимательна, чтобы снова не врезаться ему в спину. Слава Богу, Джо тоже.

— Это ты сделала? — Я чувствую в его голосе замешательство, но он не оборачивается.

— Нет... — Это сделал какой-то другой парень.

Не знаю, купился ли Хай, но он идёт дальше, и мы следуем за ним. Мой взгляд ползёт по стене, упираясь в двери в поисках опасности и возможных путей для бегства. Остальные Борцы оказались не столь сдержаны как Хай и порубили демонов на кусочки, высосав их испорченные души, не давая им шанса переродиться. В наушнике раздаются новые указания и оглашается оборонительная стратегия, на случай новой атаки со стороны демонов. В коридорах начинают появляться люди. Мы многих потеряли, а тех, кто выжили, направили защищать главное здание. Людей становится больше, и мы ускоряемся. На мне сосредотачиваются любопытные взгляды, очевидно, все слышали заявление Хая о том, что девчонка у него. Со мной глазами встречается забрызганный кровью мальчик, он... находится в замешательстве. Вероятно, пытаюсь понять, стою ли я всех этих жизней.

Ответ прост. Не стою.

Я отвожу взгляд.

Штаб находится в центре здания на нижнем этаже. Хай проводит большим пальцем по лезвию меча, когда мы подходим к сканеру. Он прикладывает порез к панели и оставляет на ней небольшой отпечаток.

Мы входим в маленькую комнату без окон, стены которой сплошь покрыты мониторами, транслирующими записи с территории школы. Каждый экран заполнен океаном чёрных костюмов. Под мониторами стоят столы с компьютерами, придвинутыми прямо к стене. В комнате шестеро взрослых — две женщины и четверо мужчин. Они так давно распрощались со своей молодостью, что, возможно, и не помнят её. Четверо из них смотрят на экраны и диктуют указания в наушники, просчитывая ходы смертельной игры.

Посередине комнаты директор школы и сержант склоняются над разложенной на столе картой. Вьющиеся волосы женщины небрежно убраны в небольшой пучок, открывая вид на яркий шрам, разрезающий её лицо. На носу директора сидят очки в форме полумесяца, которые в сочетании с бородой и байкерским прикидом делают его похожим на плохого Санту. Их губы двигаются так быстро, что мне не удаётся разобрать, о чём они говорят. Хай прочищает горло, и они поворачиваются к нам. То есть, прямо *к нам*. Я пячусь назад, ближе к двери.

— Малахай, объясни, — рывкает мужчина, и я узнаю его голос, это его мы слышали по системе громкой связи, человек за ширмой.

Пожалуйста, господин Волшебник, если бы только у меня было сердце!

Хай открывает рот и извергает наружу всю правду. (*И прошу, господин Волшебник, может, у вас найдётся мозг для моего друга?*) Он ничего не утаивает: ни то, как мы нарушили правила, ни как пошли на обман и изменили мне внешность для того, чтобы провести меня в школу. Лично мне кажется, что он мог бы что-нибудь да изменить. И хотя директор приходит в ярость и губы сержанта сжимаются в тонкую линию, они не прерывают его. Хай завершает всё нашим открытием касательно моей матери, и эта информация заметно шокирует директора. Несколько пожилых людей, сидящих за компьютерами, поворачиваются, чтобы выслушать это откровение. Остальные, возможно, настолько глухи, что не слышат.

Хай робко заканчивает:

— Сэр, мне жаль.

— И не зря. Я разочарован в тебе, Малахай. И в тебе, Джо. — Он переводит на неё взгляд. Мы уже и забыли, что она тоже здесь, стоит позади нас. Возможно, она решила, что её выгонят отсюда, если заметят.

— Но, сэр! Я всего лишь пошла вернуть его! — резко возражает Джо.

Он обрывает её движением руки.

— Я не злюсь из-за того, что вы ускользнули бороться с демонами, хотя вы и слишком юны. Вы определённо не первые студенты, решившие преждевременно попрактиковать свои навыки. — Он встречается взглядом с пожилой дамой, делясь с ней какими-то воспоминаниями. — Хотеть бороться с демонами — хорошо, хотя и ещё немного рано. Но когда вы узнали, что она Маяк и привели её в школу, почему солгали о том, кто она такая?

Хай бледнеет, в то время как Джо смотрит в пол. Директор ждёт от них ответа.

Неужели сейчас действительно есть время для назидательных уроков? Отхлестайте этих щенков позже, если, конечно, мы доживём до этого момента.

Но он ждёт, пока в итоге Хай не отвечает:

— Мы не хотели проблем.

— Именно. И кому от этого стало легче?

— Никому. Разве что нам.

— Совершенно верно. Вы скрыли правду, чтобы избежать проблем. Это трусливо. Если бы вы пришли прямо к нам и сказали, что возможно у нас в школе находится Маяк, мы бы знали, что необходимо повысить уровень защиты.

Хай выглядит так, словно его сейчас стошнит. Джо всё так же смотрит в пол, поэтому мне не видно её лица.

Снова повисает молчание, и директор пронзает их стальным взглядом.

— Я лишь надеюсь, что вы проживёте достаточно долго, чтобы усвоить этот урок.

— А теперь, — резко обрывает его сержант. — Что мы будем делать?

Самое время.

Она поворачивается в мою сторону, и в меня впирается её небесно-голубой глаз. Слава Богу, у неё их не два.

— Ты дочь Мэри Портер?

— Да.

— Значит, она не умерла.

— Нет, это случилось позже, — осторожно отвечаю я.

Она переводит взгляд на пожилого мужчину, и он поворачивается ко мне, продолжая с того места, где она остановилась.

— Где и как это случилось?

Я тяжело глотаю.

— Два года назад. На неё... напали. — Я стараюсь подавить воспоминания. — Теперь я знаю, что к этому причастны демоны, но тогда я понятия не имела, как это произошло. — Всё это чистая правда. Правда, составляющая лишь вершину айсберга.

— Детка, мне жаль, — соболезнует сержант, и её небесно-голубой глаз смягчается. — Она была чудесной девочкой.

Я киваю. Она была чудесной.

— А как вы думали она умерла? — интересуюсь я.

— Во время патрулирования она была взята в плен вместе со своим наставником. Он не выжил. — Женщина выдыхает. — Найти её было не в наших силах. Как и полагается в подобных случаях, мы возвели ей усыпальницу, и однажды её свеча загорелась.

Я не знаю, что это значит, поэтому не скрываю от неё своё замешательство.

— Свеча продолжает гореть из-за Наследия, — объясняет она. — Когда Тамплиер умирает, Наследие покидает его тело и зажигает свечу.

Но моя мама не умерла, так что как её свеча могла гореть, если она была всё ещё жива? Однако Сержант уже повернулась назад к директору, и они обмениваются обрывками фраз, словно читая мысли друг друга. Интересно, зачем они вообще утруждают себя говорить вслух. Хотя, я этому рада. Ведь в отличие от них я — не телепат.

— Не может же всё это быть... — начинает она.

— Только из-за того, что она — Тамплиер, — заканчивает он.

Она: Они бы не обменяли сотню воинов...

Он: Лишь на одну жизнь.

Она: Если только она не подобна ядерному оружию.

Как долго люди должны быть вместе, чтобы достичь такого мастерства?

Он: В ней есть что-то особенное.

— Что заставляет их желать её столь сильно.

— Значит, мы не позволим им заполучить её.

ДА! ДА! ДА! Я едва ли не танцую.

В разговор вмешивается обеспокоенная Джо:

— Но дети...

Джо, Замолчи! С таким же успехом появятся новые.

Губы Сержанта сжимаются, и она произносит вздыхая:

— Джо, я знаю, это выглядит ужасно, но мы не можем заключать сделки с дьяволом. Я тебе сразу говорю, так мы только проиграем.

Джо приходит в ярость и собирается уже закричать, но Сержант поднимает руку.

— У нас есть план. Даже несколько. Мы не собираемся сдаваться без боя.

Директор решает объяснить.

— Прямо сейчас студенты вернулись в подвалы школы. Они пойдут по другому туннелю, разведчики уже проверили какие пути находятся под угрозой нападения. Прямо сейчас мы тянем время, чтобы дать им ещё одну возможность эвакуироваться. В конце концов демоны поймут, что мы не собираемся отдавать девочку, и они снова атакуют. Будем надеяться, что подкрепление прибудет вовремя.

— Чем мы можем помочь? — это, конечно же, спрашивает Хай.

Директор переводит на него полный гордости взгляд.

— Нам необходимо, чтобы ты вывел отсюда Меду. На случай если... если подкрепление не прибудет вовремя.

— Сэр, я?

— Ты моложе и быстрее всех, кто остался, и прекрасно знаешь, как выбраться из этих подвалов. — Серьёзно, это он сейчас так пошутил? — А все остальные будут защищать школу так долго, насколько это возможно.

— Почему мы просто не можем отправить её с детьми? — вмешивается Джо.

Директор качает головой.

— Я не хочу положить все наши яйца в одну корзину. — Он смотрит на Хая. — Они пришли именно за ней... Боюсь, то, о чём я вас прошу, очень опасно.

— Тогда я тоже хочу пойти, — неожиданно для меня заявляет Джо. Я даже не представляла, что мы с ней такие хорошие друзья.

— Это слишком опасно, — предупреждает Хай. И в то же время директор говорит:

— Но твоя нога.

Джо по порядку приводит аргументы:

— Нога едва ли меня замедляет, по скорости я ничуть не уступаю человеку.

Мне-то как раз она уступает, но, конечно, никто об этом не знает.

Джо поворачивается к Хаю.

— И двое защитников лучше одного. Сегодня я уже сохранила тебе жизнь. — Хай краснеет. — Если бы меня там не было, ты бы был уже мёртв.

— Джо, мне жаль, — начинает директор. — Но в твоём состоянии тебе лучше не сражаться. — Она хочет возразить, но он поднимает руку. — Знаю, ты хочешь помочь, но будет лучше, если ты проследишь за детьми, как только они выберутся наружу.

Я наблюдаю за тем, как сначала директор топчет эго Джо, а потом Сержант переезжает его на поезде.

— На самом деле, ты должна была уже эвакуироваться с остальными гражданскими.

Я моргаю при слове «гражданские». Могу сказать, что совсем скоро голова Джо взорвётся.

И почему это она не может с нами пойти? Я видела, как она дерётся, и несмотря на проблемы с ногой, у неё очень хорошо получается. Полудевочка, полумашина, а в сумме — ниндзя. Двое телохранителей лучше одного. Возможно, она слегка нас замедлит, но если нам придётся убегать от демонов, я всегда смогу её оставить. Как там говорится? Чтобы убежать от медведя, не надо быть быстрее него. Главное — обогнать тех, кто бежит вместе с тобой. Я бросаю взгляд на Джо. Думаю, взять её с собой будет полезно.

— Я хочу, чтобы она пошла.

Потрясены все, особенно Джо.

— Но Медя... — начинает директор.

— Нет. Я хочу, чтобы она была рядом. Я видела, как она дерётся, она — прекрасный боец, — заверяю я. Директор и Сержант обмениваются взглядами, и на лице Джо появляется надежда. — Она без сомнений будет за мной успевать. Я ей доверяю.

Глаза старших прикованы друг другу, и я вижу, что между ними проносится целый разговор. Взгляд Джо же сосредоточен на мне, и признательность в её глазах почти заставляет меня смутиться.

— Или она идёт вместе со мной, или я остаюсь. — Это, конечно, пустая (даже слишком пустая) угроза, но они то этого не знают.

— Хорошо, — в итоге соглашается Сержант. Она смотрит на Джо. — Это опасно. Уверена, что хочешь пойти?

Джо решительно кивает.

— Так тому и быть, — заключает Сержант и разворачивается к компьютерам. — Христофор?

Сидящий возле монитора мужчина отвечает, даже не уточняя вопрос.

— Бет говорит, что восточный туннель чист, и Хез уже почти достигла канализации Сильва, пока никаких преград. Эвакуированные уже выходят к главному каналу.

На мониторах все демоны синхронно открывают рты, и до нас тут же доносится проходящий сквозь стены голос. Он недостаточно ясен, чтобы разобрать слова, поэтому сидящий возле компьютера оператор нажимает на кнопку, и голос тут же раздаётся из колонок.

— Итак? — произносят демоны. Они тянут слово так, что возникает впечатление, что «ккккк» будет звучать вечно. Директор посылает Сержанту короткий кивок, на что она мрачно ему кивает — ещё один безмолвный разговор. Затем она двигается так быстро, как никто в её возрасте уже и не может, и крадёт у него поцелуй. Он улыбается, в то время как она выводит нас за дверь и следует за нами.

Из громкоговорителя раздаётся голос.

— Мы ищем девчонку. Она либо прячется, либо уже мертва.

— Вам лучше поторопиться с её поисками, иначе мы уже будем искать вас, — запугивают демоны.

— Начнётся битва, и она умрёт. Вы же не хотите, чтобы она умерла, не так ли? — Вопрос остаётся без ответа, но, думаю, это лучше, чем «нет».

— У вас есть пятнадцать минут, — сообщают они.

— Школа слишком большая. Нам нужен как минимум час. Она может прятаться где угодно.

Переговоры идут, а мы тем временем бежим через всю школу. На этот раз Джо мчится впереди нас, возможно, пытаясь доказать Сержанту, что она ничем нам не уступает. В то же время губы Сержанта с бешеной скоростью инструктируют нас. Мы должны пересечь туннель в направлении канализации Сильва. Там находится десяток различных выходов, но мы можем выбрать лишь те, что отмечены крестами, означающими, что пути проверены и чисты от демонов. Возле бара Железная Змея стоит несколько мотоциклов, ключи спрятаны в сливном бачке мужского туалета (фу). Мы приостанавливаемся, когда нескольких ребят заставляют обменять их чистые футболки и куртки на нашу окровавленную одежду. У девочки, позаимствовавшей мне вещи, не только ужасный вкус, но и размер меньше моего, так что моя новая розовая футболка не такая удобная, как мне хотелось бы. А вот куртка оказывается очень даже классной. Сержант не доходит с нами до подвала и, закончив инструктаж, разворачивается в сторону штаба.

Мы забегаем в музей, кишащий над этот раз всеми эвакуируемыми. Комната погружена в дьявольски красный свет, исходящий от всё ещё включённых аварийных ламп. Дети хнычут, сжимая в руках свои рюкзаки, словно те могут сохранить им жизнь, сейчас они выглядят более испуганными, чем когда я их встретила на лестнице. Думаю, даже шестилетние дети понимают, что очень плохо, когда твой путь для эвакуации отрезан. Около десяти беременных женщин направляют детей в узкий туннель. Шириной он всего в несколько метров, поэтому им приходится идти по одному, замедляясь до темпа четырёхлетних детей.

Хай проталкивает нас сквозь толпу в совершенно противоположном направлении, ведя нас к нашему личному туннелю. Когда мы проходим, несколько детишек хватаются за Хая и Джо. Мои спутники ярко улыбаются и лгут, что всё будет хорошо. Один большеглазый заплаканный малыш пытается тоже прильнуть ко мне. Я лишь легко хлопаю его по головке.

Мы подходим к краю комнаты, к стене, полностью покрытой книжными шкафами, вокруг становится просторней. Книжные полки пусты, витрины с артефактами тоже опустели — без сомнений, все артефакты и гримуары эвакуируются вместе с людьми. Хай неожиданно останавливается, и у нас уже второй раз получается сэндвич из Меды.

— Джо, выведи её. Я догоню, — распоряжается он, разворачиваясь в противоположном направлении, присоединяясь к потоку студентов.

— Ты что...?

— Джо, просто *идите*, — кричит он через плечо. — Я догоню.

Она понимает (вот и умница), что сейчас не время для споров и ограничивается недовольным «Хорошо!», процедив это сквозь зубы. Хай уходит, и мы продолжаем продвигаться сквозь толпу. В итоге мы проходим через нужную дверь и выходим в коридор, оставляя за собой это скопление людей. Цементные стены бункера сводят весь шум практически на ноль. Мы идём очень живо, и Джо постоянно бросает взгляд через плечо, возможно, в надежде увидеть Хая. Мы молчим, тишину заполняет лишь перекликающийся топот наших ног.

Тип-топ, — говорят мои.

Тип-бац, — отвечают её.

Тип-топ, — настаивают мои.

Тип-бац, — продолжают её.

Тип-шмяк-шмяк.

Мои небольшие прыжки и шарканье зарабатывают от Джо весёлый взгляд.

Что? Их спор так утомителен.

— Что ж... — неловко начинает Джо, прерывая молчание. — Спасибо за то, что ты сделала. — Это сказано без присущих ей злости и сарказма, а без них я едва ли узнаю её голос.

Должно быть, она не понимает, что я предложила отправить её на добровольное самоубийство, но мне это только на руку.

— Без проблем.

Видимо, в моём голосе прозвучали ироничные нотки, потому что Джо закатывает глаза и останавливается, заставляя меня тоже притормозить.

— Я не глупая, я знаю, что это опасно.

О, а это уже Джо, которую я знаю! Но затем недовольство снова исчезает.

— Я знаю, что сражаться с демонами опасно. — Она кивает головой в сторону эвакуируемых. — Мне это известно лучше чем любому из *них*. — Она отводит взгляд, пристально всматриваясь в пол, но я знаю, что сейчас она видит нечто совершенно иное. Затем она поднимает глаза и смотрит на меня. Её руки сжаты в кулаки. — И я хочу это сделать в любом случае. Я *должна* это сделать. — Она расслабляет руки. — Так или иначе, ты — первый человек, который считает, что я способна на что-то ещё. — Она фыркает. — Кроме как сидения с детьми. Так что... спасибо за это.

Это — правда. Я была искренна, когда сказала, что она — хороший борец, я действительно думала, что она поможет сохранить мне жизнь. Я даже не знаю что сказать, правда, если мы продолжим в том же духе, то сможем стать друзьями, и мой план, оставить её на растерзание медведю, сойдёт на нет. Поэтому я лишь киваю. Она посылает мне в ответ неуверенную улыбку. Настоящую улыбку.

И я отвечаю ей тем же.

Я подходим к круглой стальной двери, в центре которой находится нечто похожее на штурвал корабля. Дверь обрамляют полки с рюкзаками. Джо крутит колесо, и дверь открывается со слабым шипением. Слегка кряхтя, девочка тянет её на себя. За почти метровой в ширину дверью скрывается темнота. Я моргаю несколько раз, ожидая, когда привыкнут глаза, но оказывается, что смотреть там не на что.

Джо передаёт мне взятый с полки рюкзак с кратким пояснением: «Это — припасы» и предлагает мне пойти первой. Понятия не имею, куда она хочет, чтобы я пошла. В пропасть?

— Лезь вниз по лестнице, — объясняет она. Я заглядываю за дверь и вижу прикрученную к стене металлическую лестницу. Я ставлю ногу на первую ступеньку и начинаю спускаться вниз. Джо следует за мной, но приостанавливается, чтобы закрыть за собой дверь. Мне приходится замедлиться и подождать её, но я даже не против. Я бы предпочла, чтобы Хай догнал нас раньше нежели позже.

Лестница кажется бесконечной, и чем дальше мы спускаемся, тем холоднее становится. Голоса в наушнике начинают прерываться и вскоре совсем пропадают. Моя нога тянется к следующей ступеньке, но вместо этого ступает на землю. Почувствовав под ногами песок и гравий, я отпускаю лестницу. Сквозь чернильный мрак ничего не разглядеть. Я провожу рукой всего в нескольких сантиметрах от своего лица. Вообще ничего не видно.

Раздаётся шорох. Это Джо неуклюже слезает с лестницы. Затем я слышу, как открывается молния, и уже через мгновение меня ослепляет свет, включённого фонарика.

— У тебя в рюкзаке тоже такой есть, — шепчет девочка, и я понимаю, что мы находимся уже за пределами охраняемой части школы. Она направляет свет, и я тоже достаю

из сумки фонарик.

— Где мы?

— В старой шахте. Их здесь полно, это одна из причин, почему школу основали именно здесь.

Я направляю фонарик вперёд и вижу, что мы стоим в большой пещере с множеством маленьких туннелей, растянувшихся во всех направлениях. Я следую за Джо вправо, и она указывает фонариком на белый неровно нарисованный крест. Он едва ли заметен; можно подумать, что это лишь трещина в стене.

— Если потеряемся, следуй за ними, они приведут тебя к канализации.

Я киваю, но затем понимаю, что она не может меня увидеть, и поэтому отвечаю. Мы ныряем в узкий туннель, и тогда я понимаю, почему они не повели детей этим путём, и дело не в лестнице длиной более ста метров. Мало того, что земля неровная, так она ещё и засыпана большими мешающимися под ногами камнями. Светить всё время на землю тоже не удаётся, так как потолок по неровности не уступает полу. В сравнении с этим проходом детский туннель кажется просторным коридором. Если по ровной поверхности Джо передвигалась очень даже хорошо, то сейчас нога предоставляет ей серьёзные неудобства. Мы движемся очень медленно, однако, Хай всё ещё нас не нагнал.

Должно быть, мы идём уже минут двадцать, когда слышим в туннеле шум, ритмичный топот быстродвигающихся ног. На долю секунды я даже начинаю верить, что это Хай, но моя надежда тут же рушится. Шаги доносятся не с той стороны. Кто-то движется прямо нам навстречу, он приближается.

Демоны нашли туннель. Я свечу фонариком назад, судорожно пытаюсь вспомнить, где была последняя развилка. Давно, отсюда не видно. Джо делает то же самое, только светя впереди нас. Она хватается меня за руку и показывает фонариком на дыру в стене, находящуюся в тридцати метрах от нас. Она начинает ковылять вперёд, пока я колеблюсь. Я не могу проскользнуть мимо Джо в этом узком туннеле, так что теперь я застряла здесь из-за её темпа, когда без неё я могла бы успеть добежать до последней развилки, пока незнакомец не настиг нас.

Мрак разрывают слабые отблески. Свет от фонарика незнакомца озаряет темноту, но прямых лучей не видно, похоже на зодиакальный свет. Он уже близко; Джо не успеет. Вдобавок к этому она теряет ещё несколько драгоценных секунд на то, чтобы обернуться и убедиться, иду ли я за ней.

И на удивление, я иду.

Я мчусь вперёд и догоняю её. Мы выключаем фонарики, не желая себя выдать. Нашу цель освещает фонарик незваного гостя. Пригнувшись, мы бежим изо всех сил. Я хватаю руку Джо и тяну её со скоростью, с которой её травмированная нога совершенно не может справиться. Мы ускоряемся, но всё ещё движемся не достаточно быстро. Свет становится ярче, вход в туннель уже всего в десяти... восьми... шести... четырёх метрах от нас. Мы ныряем в проход, как раз когда незнакомец сворачивает за угол.

Нас ловит ослепляющий свет фонарика. Это тупик.

— Джо? — звучит голос мальчика. Это не демон. Джо разворачивается и пытается закрыть глаза от яркого света. Нежданный гость понимает, что делает, и направляет луч вниз.

— Кто здесь? — спрашивает она. Панические нотки делают её голос грубым.

— Эз, — отвечает голос.

— Эзекия? — переспрашивает Джо, всматриваясь в темноту.

Теперь я его вижу. Мальчик лет четырнадцати-пятнадцати с копной очень длинных волос держит в свободной руке нож размером с мачете.

— Слава Богу! — восклицает она, и это больше похоже на облегчённый выдох, нежели на слова.

— Сержант отправила меня проверить туннели. Полагаю, чтобы найти вас, ребята.

— Да. То есть они тебя отправили? — интересуется Джо, прижимая руку к сердцу. Мой пульс тоже слегка ускорился.

— Даже раньше старпёров и беременчатых.

Беременчатых? А, беременных женщин.

Он ухмыляется словно это то, чем стоит гордиться.

— Что ж, я должен вернуться. Мне надо сопровождать детей, — объявляет он важно. Мы отступаем в углубление, чтобы он мог проскользнуть мимо нас, но внезапно Джо кладёт ему на плечо руку, и он останавливается.

— Будь осторожен, Эз.

— Конечно, — отвечает он просто, и она отпускает его. — Удачи, — желает он, весело махая рукой.

Джо не разделяет его веселья. Она будто внезапно постарела, а её лицо покрылось грустью, словно множеством морщинок.

— И тебе.

Мы не уходим, вместо этого мы неподвижно стоим на месте, наблюдая как его маленькая фигурка, обрамляемая светом фонарика, исчезает в темноте.

После всего ужаса, который нам довелось пережить, эта заминка кажется довольно странной, но я не могу сказать, что я возражаю. Джо прислоняется к стене и делает несколько глубоких вдохов. Я делаю то же самое. Мы начинаем двигаться дальше, но уходим не достаточно далеко, когда слышим в туннеле позади нас раздающиеся эхом голоса. Эз и Хай. Мы продолжаем движение, и вскоре нас догоняет Хай.

— Где ты был? — шипит Джо.

— Припасы.

— Они были возле двери.

— Другие припасы, — загадочно отвечает он.

— Просто прекрасно...

О, помилуйте!

— Шшш! Если вы всё ещё хотите доставить меня в безопасное место, перестаньте спорить.

Они оба замолкают, и мы идём дальше.

Путь становится всё сложнее, и нам приходится следить за поворотами, которых здесь слишком много. Клянусь, думаю, мы уже дважды обогнули гору. Дорога начинает постепенно подниматься вверх, становится теплее, и мои ноги начинают болеть от перенапряжения. Наушник потрескивает, возвращаясь к жизни, но голосов совсем не слышно.

По крайней мере, сначала.

— Меда... — манит мягкий, мелодичный голос. Я спотыкаюсь, но Хай хватает меня за руку, не давая мне упасть. Я поднимаю глаза и сталкиваюсь с его мрачным взглядом. Я поворачиваюсь и вижу, что Джо тоже остановилась. Спина ссутулена, кулаки сжаты. Она

поворачивается к нам лицом. Её глаза блестят.

— Меда, вернись, — повторяет голос. — Мы захватили школу. Мы будем мучить твоих друзей, спасти их можешь только ты... — На заднем плане слышны крики. Рука Хая начинает дрожать, Джо в ужасе прикрывает рот рукой.

— Или тебя это не волнует? Но одна ли ты? Может, твоим друзьям не всё равно...

Больше криков. Джо начинает трястись, по её щекам катятся слёзы. Хай проскакивает мимо меня и обнимает Джо. Она прижимается к нему всего на долю секунды и тут же отпрыгивает словно обжёгшись. С отчаянным криком она срывает наушник и гневно на него наступает.

Хай каменеет. Его подбородок напрягается, глаза чернеют, спина изгибается и застывает как скала. Резким движением он вынимает из уха наушник и кладёт его в карман. Я делаю то же самое. Мы следуем за Джо.

Мы дважды останавливаемся после того, как нам кажется, что мы слышим позади нас голоса, но на нас никто не нападает, и мы продолжаем двигаться дальше. Наконец-то мы добираемся до ещё одной железной двери, помеченной неровным едва различимым крестом. Хай крутит колесо, пока Джо светит ему фонариком. Я же освещаю туннель, высматривая наших преследователей. Я слышу, как с ржавым скрежетом открывается дверь, и разворачиваюсь, чтобы последовать за ребятами в канализацию.

Идеально-круглая канализация напоминает огромную трубу с кирпичными стенами. Множество маленьких труб спускаются прямо в сток, по дну которого размазана бурая грязь. В грязи что-то плавает и прилипает к стенкам резервуара. Я уже собираюсь опереться рукой о стену, чтобы сохранить равновесие, когда вижу что это «что-то» размазано и по стенам. И оно воняет. О, Боже, как же оно воняет. Я задерживаю дыхание и прячу нос в рубашку.

Черепашки Ниндзя лгали. Канализация — определённо не то место, где бы вы хотели жить, а уж тем более есть пиццу. Я считаю, что у меня сказочно высокий уровень выдержки, однако, это — выше моих сил. Мы идём по трубе, стараясь изо всех сил держаться как можно дальше от этого дерьма.

Мы поворачиваем за угол, как вдруг слышим за нашими спинами скрежет. Знакомый ржавый скрежет.

В туннеле нас кто-то преследовал.

Мы обмениваемся испуганными взглядами и начинаем бежать что есть мочи, не обращая внимания на хлюпающую под ногами жижу. Мы выискиваем глазами кресты и резко поворачиваем, когда замечаем первый, а затем уже и второй знак. Как же я рада, что мы свернули, так им будет сложнее нас выследить.

Шаги продолжают.

Мы сворачиваем за ещё один отмеченный крестом угол, но там оказывается тупик. А единственный выходящий из него туннель слишком для нас мал и перекрыт старой металлической решёткой. Хай указывает наверх. Там находится люк, помеченный крестом. Я принимаюсь искать лестницу.

Проблема лишь в том, что её здесь нет. Мы в ловушке.

Глава 12

Хай вжимается в стену, держа в обеих руках мечи. Меня же спрятали за Джо, как можно дальше от входа. Мы выключаем фонарики, и я тут же теряю зрение, а без него, клянусь, у

меня обостряется обоняние, вследствие чего этот отвратительный запах становится ещё ужаснее. Мы выжидаем, присев в темноте. Согласно плану, как только наш преследователь заворачивает за угол, мы с Джо ослепляем его светом фонариков, а в это время Хай нападает на него.

Нам не приходится долго ждать. Дрожащий луч света озаряет наш маленький туннель, и до нас начинается быстрое хлюпанье по грязи. Мне удалось насчитать всего одну пару ног, это заставляет меня улыбнуться. С одним мы сможем справиться. Свет становится ярче, и мне становится видно Хая. На его лице тоже расплылась та жестокая, яростная улыбка, которая мне так нравится. Должно быть, он тоже насчитал всего одну пару ног.

Наш преследователь заворачивает за угол. Мы включаем свет, и Хай прыгает вперёд, но затем бросает своё оружие и разворачивается, пытаясь остановиться. Однако у него не получается, и он летит прямо на тело, которое слишком мало, чтобы принадлежать демону, поэтому они оба врезаются в стену туннеля, попутно выкрикивая проклятья, и, к счастью, не падают в грязь. Хай встаёт, высвобождая из-под себя Ури, нашего профессионального преследователя.

Больше досадно, чем страшно, мне приходится себя удерживать от желания его убить. Мне кажется, это было бы справедливо: он напугал меня так, что отнял от моей жизни лет десять, так что я могу забрать у него этот десяток. Он такой надоедливый, что кто-то просто обязан его убить, пока ему не стукнуло двадцать два, поэтому, если я его убью сейчас, наши счёты сравняются. На самом деле, может, ему даже тринадцать, а значит, он может ещё пожить до двадцати трёх. Что сказать? Я сама щедрость.

Но я не могу этого сделать, поэтому мне остаётся лишь ворчать. Джо выносит ему выговор, и Хай принимает его как давно потерянного брата.

В рюкзаке с припасами оказывается верёвка, поэтому Хай решает посадить Ури к люку. Где-то над нами Ури завязывает верёвку, и мы забираемся наверх. После канализации свежий вечерний горный воздух кажется особенно сладким. И несмотря на время года, он навивает мне воспоминания о яблоках.

Уже смеркается. Мы оказываемся в тихом переулке, предполагаю, что это деловой район Сильвия. Мне удаётся различить белое здание с куполом, увенчанным статуей. Постройка определённо характерна для делового района. Тишину нарушают лишь песь свёрчков и отдалённый гул машин, и мы стараемся сохранить эту идиллию, передвигаясь бесшумно и не разговаривая. В нескольких километрах от нас расположилась целая армия демонов, и неизвестно, оставили ли они кого-то патрулировать город. Они знаю, что у Тамплиеров есть туннели, ведь им даже удалось перекрыть один из них.

Должно быть, у Хая и Джо было время осмотреться на местности, потому что сейчас они без колебаний ведут нас к Железной змее.

Железная змея — это небольшой подвальчик в длинном кирпично-зелёном торговом центре с неоновой вывеской и, конечно, надписью «Байкеры, добро пожаловать», выведенной на криво прислонённом к окну картоне. К счастью, это не только бар, но и закусочная, поэтому нас пускают внутрь, несмотря на наш юный возраст. Но зайдя в тёмное помещение, мы всё равно приковываем к себе взгляды, и, возможно, дело вовсе не в нашем возрасте, а в отвратительном зловонье, исходящем от нас. Это не совсем семейное место, здесь скорее заказывают бургеры и пиво. Еда, на самом деле, выглядит очень даже хорошо. Внезапно я понимаю, что мы пропустили ужин. Надеюсь, Хай и Джо что-нибудь придумают, а то я становлюсь очень раздражительной, когда не поем. Вы бы не хотели увидеть меня в

таком состоянии. «Hangry[8]» — это определение придумала мама, однако, когда она меня так называла, я была слишком hangry, чтобы оценить её изобретательность.

Мы непринуждённо направляемся прямо к уборным, зарабатывая подозрительный взгляд бармена. Хай и Ури достают ключи от мотоциклов, пока мы с Джо идём в дамскую комнату, чтобы отмыться от канализационной слизи. Я включаю воду и поочерёдно ставлю в раковину ноги прямо вместе с ботинками. Мы встречаемся в коридоре. Хай победно машет нам ключами, и мы покидаем бар через аварийный выход.

За баром припарковано шесть мотоциклов, накрытых брезентом цвета хаки. Гении, оставившие нам ключи, не удосужились их подписать, поэтому мы пробуем все подряд, пока не находим два подходящих. Только два, потому что здесь нет трицикла для Джо, а я водить не умею. Я забираюсь на мотоцикл к Хаю, морщась от запаха, исходящего от его крутки, и застываю, когда слышу вдали рёв моторов. Я перевожу взгляд на улыбающихся Хая и Джо, и узнаю источник шума.

Мотоциклы, сотни мотоциклов вдали. К школе направляется подкрепление. Хай и Ури приводят к жизни свои мотоциклы, и мы как можно скорее убираемся отсюда.

И вот я снова погружаюсь в мысли, сидя на мотоцикле, уносящемся всё дальше от последствий кровавой резни людей и демонов. Чувствую, это превращается в привычку, которую необходимо пресечь на корню, пока всё не зашло слишком далеко.

Демоны желают заполучить меня, и причём очень сильно. Тот демон в психбольнице лизнул мою кровь, и был очень потрясён. Должно быть, что-то в моей крови подсказало ему, что я на половину Тамплиер или, по крайней мере, во мне есть что-то особенное. Остаётся вопрос: почему они хотят меня поймать? А ещё важнее: как заставить их расхотеть это сделать?

Сержант сказала нам направляться на базу Тамплиеров в сельский Висконсин, но я не уверена, что это лучшая идея. В конечном счёте они поймут, что я не Маяк, и тогда посыплются вопросы, на которые я не хочу отвечать. Может, у них в Висконсине даже есть свой особенный способ определения наличия данных Маяка или скорее их отсутствия. Хай сказал, что у остальных американских подразделений нет карт Маяков, но это не значит, что у них нет чего-то другого. Кроме того, не догадаются ли демоны о том, что мы собираемся отправиться на другую базу Тамплиеров?

Что-то я не особенно хочу стать лёгкой добычей двух вражеских армий. Вместо этого я возвращаюсь к своему предыдущему плану — выяснить как можно больше о своём прошлом и обратиться отсюда. Возможно, во временное укрытие. Однако ясно, что в первую очередь надо найти Люка Бергерона.

Спустя два часа попа-тряски мы останавливаемся возле уличного рынка. Среди нас самым чистым оказывается Ури, поэтому мы посылаем его за одеждой. Надеюсь, всё, что мне довелось на нём видеть, было выбрано им лишь ради шутки. Я приятно удивлена, когда он возвращается с вещами, похожими на те, что сейчас надеты на мне — джины и футболка, на этот раз чёрная с мультяшным динозавром, произносящим: «Ном, ном». Когда я вижу розовую футболку, выбранную Ури для Джо, мне становится любопытно, действительно ли он желает своей смерти. Глаза Джо обещают расправу, если я хоть как-то это прокомментирую, так что мне удаётся проглотить смешки и не проронить ни слова. Правда, мне и не надо ничего говорить, потому что эта футболка и так говорит сама за себя. Чтобы сохранить этот момент на вечную память, я запечатлеваю его на свою воображаемую камеру, сложенную из пальцев. Джо показывает мне язык. Это я тоже фотографирую, и к

моему удивлению, в тот момент, как девушка закатывает глаза, я замечаю на её лице улыбку.

Затем мы останавливаемся возле придорожного кафе, чтобы поесть и определиться с дальнейшим планом. Мы проскальзываем в виниловую кабинку, чтобы оказаться как можно дальше от остальных посетителей. Но поскольку ресторан практически размером с обувную коробку, мы едва ли оказываемся в зоне недосягаемости. К счастью, ближайшая к нам парочка погружена с головой в споры о родословной друг друга, и им нет дела до кучки старшеклассников. Нам повезло, судя по тому, с каким рвением они это делают, мы получим не только еду, но и целое представление.

Мы просим меню у официантки, повторяющей наш заказ примерно так, как это делают во всех дешёвых забегаловках. Как только она уходит, мы затихаем. Недостаток сна, всплеск адреналина и два часа монотонной тряски дают о себе знать. Но есть кое-что ещё, что затронуло только их. Поджатые губы и бледные лица. Стекланный взгляд, и чудовищные сцены, проносящиеся перед глазами. Джо смотрит в сторону. Хай неосознанно потирает лицо. Ури кладёт голову на стол, и Хай обнимает его одной рукой. Внезапно я радуюсь тому, что они пошли вместе со мной, даже Ури, ведь это значит, я буду знать, что они живы.

Приносят еду, и я жду, пока они молятся. Затем я начинаю есть, тогда как они просто их накалывают, словно перед ними не вафли, а загадочные морские чудовища.

Мы где-то в Теннесси по дороге в Висконсин, и мне пора повернуть наш корабль в другом направлении. Единственная проблема: как убедить моих сопровождающих? Я могла бы их бросить, но с ними куда безопаснее, и к тому же я понятия не имею, как найти Люка. Я решаю импровизировать.

— Итак... каков план? — интересуюсь я, нарушая их мучительное молчание.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Хай, накалывая вафлю. — Мы направляемся в Висконсин.

— Думаете, это разумно? — Я не хочу предлагать новый план, я бы предпочла, чтобы они сами это сделали. Всегда лучше позволить другим думать, что план принадлежит им, когда на самом деле он твой. У меня достаточно превосходных идей, так что я не против одолжить одну из них.

— Я так не думаю, — задумчиво произносит Джо. Я удивлена. До этого момента Джо всегда следовала плану.

— А что думаешь, мы должны делать? — Хороший вопрос.

Джо стискивает зубы и встречается с каждым из нас взглядом.

— Думаю, нам надо узнать больше о маме Меды.

Очевидно, не мне одной принадлежит этот план. Мы все с удивлением смотрим на Джо. Поймите, мне нравится её идея, вот только я не уверена, что ею движет, ведь это уж точно не желание сохранить в секрете особенность моего вида.

— А вы подумайте, — продолжает она, откладывая вилку и наклоняясь вперёд. — Возможно, демоны желают заполучить Меду именно потому, что она — Маяк. — Несмотря на всё, она сомневается в моей святости. Умная девочка. — Она нужна им так сильно, что они не побоялись атаковать целую школу, хотя прежде этого не делали. Если мы приведём её на другую нашу базу, они тоже на неё нападут.

— Но на этот раз мы будем к этому готовы. — Хай тяжело ударяет кулаком по столу.

— Ну и что? — спрашивает Джо, портя парню момент. — Всё равно будет большая битва, погибнет много людей, а что потом? Мы снова сбежим в другое место, и они снова на нас нападут? — Джо качает головой. — Единственное, что имеет хоть какой-то смысл, —

это помочь Меде выяснить её миссию Маякаи осуществить её. Это единственный способ уберечь всех, — она смотрит на меня. — Включая Меду.

На секунду все замолкают, ища во мне ту самую скрытую силу. Если бы только у меня была возможность причесать волосы.

— И как это может быть связано с прошлым Меды? — интересуется Ури.

— Неужели вы думаете, что Меда — одновременно Маяк и Тамплиер лишь по большой ужасной случайности? Я никогда не слышала, чтобы кто-то одновременно был и тем, и другим. И почему мама никогда ей не говорила, что она была Тамплиером? Почему Мэри инсценировала собственную смерть? В этом нет никакого смысла. — Она пожимает плечами. — В любом случае, так мы знаем, с чего начать. — Она поворачивается ко мне и добавляет с усмешкой. — Если только у тебя нет достойных Нобелевской премии мира планов, которыми бы ты хотела с нами поделиться.

Ха, нет, не совсем. Я качаю головой.

Хай всё ещё обдумывает, но видно, что идея ему нравится. План опасен и героичен, и именно этим привлекает молодого Тамплиера. В конечном счёте он уступает, и Ури несомненно следует его примеру.

— Итак, Меда. Расскажи нам, что знаешь, — просит Джо, и все поворачиваются ко мне. Я обдумываю предложение.

— Я не многое знаю. Мы с мамой переезжали бесчисленное количество раз из квартиры в квартиру. Она много трудилась на нескольких дерьмовых работах, а я получала домашнее образование.

— Были ли у неё какие-то друзья, — спрашивает Джо. — Проводила ли она с кем-то много времени? Кто может что-нибудь знать?

Я качаю головой.

— У неё было не много друзей. — Я чешу подбородок. — Я сейчас подумала и поняла, что я никогда их не видела. — Раньше это не казалось мне таким странным. Кроме того, у меня-то вообще друзей не было. Мне не разрешали ни с кем общаться, хотя мама и думала снять этот запрет. Лет в пятнадцать я уже неплохо контролировала свои... тёмные порывы. Но я никогда не задавалась вопросом, почему у неё совсем не было друзей. Или почему мы так часто переезжали.

Теперь я понимаю, как было глупо не задать ей все эти вопросы.

Похоже, сидящие за столом не очень-то впечатлены количеством предоставленной мною информации.

— Ты говорила, её убили? — спрашивает Джо, и я киваю. — И ты была тем, кто её нашёл?

При воспоминании об этом у меня пересыхает во рту. Я киваю и делаю глоток воды, прежде чем ответить.

— Тогда мы жили в Лондоне. В квартире на первом этаже. Тело было... растерзано. Из квартиры ничего не украли.

Перед глазами проносятся картинки. Кровавые лужи, широко распахнутые карие глаза, её холодная рука. И ярость, едва ли не разносящая всё здание на кусочки. На мой кулак опускается чья-то рука. Джо.

— Не похоже, что это дело рук демона. Они не калечат тела, когда высасывают из них души, — осторожно сообщает она. Словно я сама этого не знаю.

— Что ты после этого делала? — интересуется Хай, сменяя тему.

— Ничего особенного. — Разговаривала с приведениями, убивала плохих парней. — Путешествовала, работала в паре мест, чтобы свести концы с концами. — Крала у своих жертв деньги. Попадала в сумасшедшие дома. — Просто плыла по течению. — Я улыбаюсь. — Увы, ничего достойного Нобелевской премии. — Пришло время внести предложение. — Думаю, я знаю, откуда надо начать поиски. — Я достаю фотографию мамы и Люка и двигаю её ближе к ним. — Судя по усыпальнице моей мамы, этот парень знал её лучше кого-либо. — И я добавляю, чтобы подсластить момент. — И мне ничего не известного о своём отце. — Я знаю достаточно, чтобы быть уверенной, что Люк — не мой отец, но всё равно позволяю им прийти к собственным выводам.

Джо не узнаёт его и смотрит на Хая.

— Люк Бергерон. Он не часто появляется на базе. Не женат, детей нет, всё время проводит на задании.

— Где? — спрашивает Джо, но никто не отвечает. — И как мы его найдём? — она откидывается на спинку стула и легко постукивает вилкой по тарелке.

Глаза Ури сужаются, а язык выглядывает из уголка рта, пока мальчик думает.

— Сержант должна знать, куда его направили.

— Не думаю, что мы можем позвонить в школу. Они сейчас либо сражаются, либо эвакуируются со всеми остальными. — Или мертвы, но этого Джо не добавляет. — Кроме того, если нам даже удастся с ней связаться, она просто отправит нас в Висконсин.

Хай: Этой информацией владеют все члены совета.

Джо: Но как нам с ними связаться?

Я: Неужели у них нет мобильных телефонов?

— Они им не нужны, они пользуются магией, — объясняет Хай. — Магией, которой у нас не будет, пока мы не станем Борцами.

— А родители когда-нибудь тебе звонят?

— Да, но только мне в комнату.

— На стационарный телефон? — И тут я понимаю, что ни разу не видела в руках Тамплиеров никаких электронных устройств, которые обычно есть каждого нормального подростка. — У вас нет мобильных телефонов? Серьёзно?

Хай отвечает:

— Обет бедности, помнишь?

— Что-то я не заметила, чтобы у тебя он был, — замечает Джо.

В моём случае всё дело не в обете, а в простой бедности. Да и звонить мне некому.

— И тогда как ты звонишь родителям? — интересуюсь я.

— Я не звоню, — отвечает Хай. — Иметь телефон для них слишком опасно. В случае чего я прошу Борцов сообщить моим родителям, что я хочу с ними связаться. Они перезванивают так быстро, как только могут.

Всё это время Ури кивает, а Джо смотрит в сторону. Для Джо, как и для меня, родители, а точнее их отсутствие, — большая тема.

— Значит, нам надо найти взрослого Тамплиера, который поможет нам связаться с Люком, — заключаю я.

Джо напоминает:

— Все, насколько я знаю, сейчас участвуют в битве, или к этому моменту эвакуировались, и нам их уже не найти. — Или они мертвы. Но она снова этого не произносит.

— Так что нам только остаётся связаться с Висконсином. Это единственное место, где мы точно найдём Тамплиеров, — удручённо подытоживает Ури.

— Дайте догадаюсь, у них нет телефона, — предполагаю я, и Джо отвечает.

— О, у них он есть. — Слава богу, свершилось чудо. — Но мы не знаем их номер, и не думаю, что его так просто можно найти в телефонном справочнике.

Я ударяюсь головой об стол.

Внезапно Ури оживает.

— Пойдите! — Все на него смотрят. — Сержант хранит список всех известных Маяков и теми, кто их охраняет. Прошлым летом я работал в её офисе. Нам не нужна она, нам лишь нужен этот список.

— Ури, блестяще! — редкий комплимент от Джо. Ури подпрыгивает от радости, качая при этом скамейку. — Если мы узнаем, кого охраняет Люк, нам станет известно, как его найти.

— Итак, где же этот список? — спрашиваю я, молясь, чтобы очевидный ответ оказался неверным.

— На компьютере Сержанта. Он защищён паролем, который я знаю, — победно улыбается он. Я не хочу портить момент, поэтому не говорю об очевидной проблеме.

Компьютер Сержанта находится в школе, ставшей сейчас зоной боевых действий.

Глава 13

Отчаянный, смертельный квест по поиску Священного Списка на месте сражения Добра и Зла, похоже, это работка для...

Кого-то другого.

К счастью, мне попались самоотверженные безумцы, для которых это не проблема. Более того, они не хотят, чтобы я шла вместе с ними. Я представляю слишком большую ценность. Разговор идёт как-то так:

Хай: Глупый план, в котором я рискую всем ради спасения планеты!

Джо: Резкий комментарий.

Я: Ложная попытка стать частью опасной миссии.

Ури: Менее глупый план, включающий двоих из нас.

Джо: Резкий комментарий. Почти разумный план, включающий нас с Хаем.

Хай: Чрезмерно заботливый ответ.

Джо: Ооочень резкий комментарий.

Хай: Неловкое замечание о ноге Джо.

Джо: Голова взрывается. Близка к убийству.

Я: Вмешательство, спасшее жизни, закончившее спор и заставившее всех согласиться с планом Джо.

И толпа неистовствует!

Может, насчёт последнего я слегка преувеличила. Но я действительно заставила их согласиться, что в плане Джо больше всего смысла. Большую часть своей юности они нарушали правила, тайно выбираясь из школы и проникая в неё обратно, к тому же, в случае нападения, двое всяко лучше одного. Будем надеяться, что когда через два часа они доберутся до школы, битва уже закончится. Главный вопрос — кто контролирует школу. А поскольку умереть хуже, чем оказаться под арестом, лучше бы это были тамплиеры.

Ури разочарован, что его не включили в план, но его (и моя) самооценка поднимается, когда Хай объясняет, что кто-то должен защищать бесценный груз.

К тому времени, как мы заканчиваем обсуждать план и покидаем ресторан, часы уже пробили одиннадцать часов. Я была уверена, что мы собираемся пообедать-и-смыться, что, судя по злобной, неприветливой официантке, доставило бы определённые неудобства, но к счастью, в каждом мешке с припасами оказываются деньги. Если б я была внимательнее, то поняла бы это, ещё когда мы покупали одежду. Нас с Ури прячут в дешёвом мотеле, давая важное задание — поспать. А вот это работка как раз для меня.

Мотель оказался просто ужасным, но мы были ограничены количеством мест, готовых сдать комнату подросткам. После открытия в пятидесятых годах была лишь вялая, неудачная попытка сделать ремонт и поменять отделку. Отклеивающиеся обои, заплесневевшая ванна. Две кровати спрятаны под розовыми цветочными облезлыми покрывалами. Телевизора нет. И этот запах... я не настолько жестокая, чтобы его описывать.

Хай и Джо заходят с нами, чтобы разобрать наши сумки. В них лежат сигнальные огни, фонарики, тёплые простыни (похожие на большие куски алюминиевой фольги, сохраняющие тепло тела в случае холода), верёвка, ножи, батарейки, карта гор, \$500 долларов и девятимиллиметровый пистолет. Может, для борьбы с демонами вещь и бесполезная, но они ведь не единственные, кого стоит опасаться.

Хай шарит у себя в карманах, и я время от времени чувствую не себе его взгляд. Он чем-то обеспокоен.

Джо надевает рюкзак и поворачивается к Хаю.

— Готов?

— А, да, одну минуту. — Он оглядывается. — Мне надо в уборную. — Хай совершенно не умеет врать. Он что-то задумал. — Ты можешь уже идти... Ури, заведёшь ей мотоцикл?

Мы остаёмся одни. Должно быть, я и есть причина его беспокойства.

Как только дверь закрывается, мои подозрения подтверждаются. Хай поворачивается ко мне, его голубые глаза становятся серьёзными, и он быстро произносит:

— Меда, я знаю, ты не такая беззащитная, как кажется.

Чёрт, может, *он* не такой глупый, как кажется. Должно быть, это из-за тех демонов, с которыми я расправилась в школе. Я напрягаюсь, готовясь прыгнуть и побежать, но продолжаю стоять неподвижно. За эту многозначительную паузу у меня в голове возникает целая паутина лжи, ловко сплетённая пауками, готовыми по первой необходимости выбросить её из моего рта.

Однако Хай меня удивляет.

— Присмотришь ради меня за Ури? Этот парень силен, но он всё ещё ребёнок. И ты не говори ему, что я попросил. — Его губы растягиваются в полуулыбке. — Иначе это заденет его чувства.

Нет, он и вправду глуп.

Снаружи рыча, заводится двигатель. Джо уже ждёт. Хай совершенно сбил меня с толку, так что я не расслабляюсь. Он знает, что я что-то скрываю, но при этом просит меня побыть нянькой?

— Почему?

— Потому что я тебе доверяю.

Ответ так меня озадачивает, что слова вылетают непроизвольно:

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Я лучше рискну ошибиться, доверившись тебе и умерев, чем ошибочно не поверить тебе и повернуться спиной к тому, кто нуждается в моей помощи.

Ему даже не пришлось это обдумывать.

Хай, может, и идиот, но у него какой-то героический идиотизм.

— Хай, — нетерпеливо кричит Джо снаружи. — Если б я знала, что ты будешь так долго возиться, я бы не тратила газ впустую!

А она — девчонка то, что надо.

— Так как, согласна? — спрашивает меня Хай.

— Конечно.

— Спасибо, — благодарит он, затем хватает рюкзак и прошмыгивает за дверь. Хай забирается на мотоцикл, садясь перед Джо, и они уезжают.

До школы ехать часа два, плюс где-то час уйдёт на то, чтобы проникнуть туда и выбраться обратно, и ещё два часа на обратный путь. Они покинули нас около полуночи, планируя вернуться к пяти утра.

Если к шести часам они не возвращаются, мы направляемся в Висконсин.

Мы по очереди принимаем душ. Ури купил каждому по паре спортивных штанов, так что я надеваю их и свежую чёрную футболку. Думаю, единственное женское нижнее бельё, которое он видел, принадлежало его маме, потому что нам с Джо он взял трусы-парашюты. Но я его не дразню — вероятно, на покупку женского нижнего белья ему потребовалось больше смелости, чем на то, чтобы выбраться из осаждённой демонами школы.

Последняя пара дней прошла в такой спешке, что мне удалось поспать всего несколько часов за последние сорок восемь. Я лежу на старой кровати, которую я должна была разделить с Джо, но сна так и нет. Вместо овец я считаю жуков, разница лишь в том, что последних даже не приходится выдумывать. Затем я разглядываю потёки на потолке, пытаюсь различить в них знакомые формы. Я слышу раздражённый вздох Ури. Он тоже не спит. Слишком яркие красные цифры часов слегка окрашивают всё кровью. 12.15. До ухода осталось пять часов сорок пять минут.

Я лежу до 12.45, а затем сдаюсь.

— Ури, ты спишь? — Я знаю, что нет.

— Нет.

— Хочешь подышать свежим воздухом?

Такое ощущение, что я кинула ребёнку спасательный круг.

— Да.

Мы надеваем толстовки и кроссовки, Ури берёт оружие, и мы выскальзываем наружу, закрывая за собой дверь. Мы всё ещё в горах, поэтому на улице холодно, и наше дыхание превращается в маленькие облачка пара. Ури сжимает руки в карманах, если бы он не сжимал в руках оружие, ему было бы гораздо теплее. Просто прелестно, с какой серьёзностью он играет свою роль телохранителя, словно важный щенок лабрадора, охраняющий волка.

Мотель «Горный вид» стоит возле порога реки и делит парковку с маленькой частной заправкой, закрытой в это время суток. Видимо, кто-то хотел сделать это место более привлекательным для туристов и построил детскую площадку. Она находится прямо возле обрыва, ведущего в реку, так что либо хозяину не достаёт ума, либо он терпеть не может детей. Площадка практически вся прогнила, но качели кажутся достаточно прочными, чтобы

на них присесть, правда, раскачиваться я всё равно не собираюсь, не хочу рисковать.

Я решаю заострить внимание на одной детали, которую все благополучно обходят стороной, и превратить её в шутку, чтобы развеселить Ури.

— Ставлю двадцать баксов, что Джо прикончит Хая, прежде чем у демонов появится такая возможность.

Это срабатывает, и на лице мальчика расплывается улыбка.

— Не, она его не убьёт.

Он садится на качели рядом со мной.

— Да, возможно, ты прав, — соглашаюсь я. — Тогда бы некому было её отвезти обратно.

Ури смеётся.

— Она бы в любом случае этого не сделала.

— А вот и нет. Совершенно уверена, она его ненавидит.

— Между ними нет ненависти, просто они сделали друг другу больно. — Не то, что я ожидала от тринадцатилетки. Я поднимаю брови. — Что? — защищается он. — Нельзя ненавидеть того, за кого готов умереть.

— Поведай же мне, Сенсей, как ты стал таким мудрым?

Он заливается румянцем.

— Мне объяснила это мама, когда я, эх... — Он опускает взгляд, и ему на лицо падают волосы. — Когда я на неё злился.

Ага, поняла. Хотя, ему не следовало бы так смущаться. Я вообще считаю, что ты вряд ли можешь считать себя подростком, не крикнув хоть раз своим родителям: «Я тебя ненавижу». Или как минимум что-то неприличное. Я сменяю тему.

— Итак, расскажи мне о маяках.

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, они святые?

Он поднимает голову и смотрит на меня.

— А *ты* святая?

— Ты думаешь, я — маяк?

Он тут же кивает.

— Да.

— Почему?

Он обдумывает ответ, его большие карие щенячьи глаза внимательно меня изучают.

— Ты — особенная.

— Откуда ты знаешь, может, я особенно плохая?

Замолчи, Меда.

— Я молился. Господь сказал, что ты хорошая.

— Прямо так и сказал?

— Ага.

Похоже, штаны горят не только у меня, но и у самого Бога.[9]

— Чтож, тогда могу с уверенностью сказать, что маяки не святые, — заключаю я, и Ури смеётся. Он начинает раскачиваться, но качели начинают так зловеще скрипеть, что он останавливается.

— Хотя, может, святые как раз являются маяками, — предполагает Ури. — А вот маяки могут быть кем угодно. Например, врач, лечащий рак, или приёмный родитель, растящий

много проблемных детей. Иногда мы наблюдаем за человеком всю его жизнь, а так и не узнаём о его предназначении.

— А может, они просто так и не выполняют своё предназначение.

— Возможно, — соглашается Ури. — Они — всего лишь люди, а все мы не совершенны. Думаю. Большинство маяков — хорошие люди, но никто из них не идеален. Возьмём Энштейна. Он был маяком, однако, придумал атомную бомбу.

— А твои родители следят за каким-нибудь маяком?

— Да.

— Скучаешь по ним? — Со своей мамой я провела всего тринадцать лет, но всё это время она была рядом. Может, мне даже больше повезло, чем я думала.

Ури смотрит на свои ботинки, ковыряющие грязь, его волосы упали вперёд, поэтому мне не видно его лица.

— Да. Но где-то до прошлого года всё было не так уж и плохо. Я видел их три месяца в году, одну неделю из шести.

— И тебе это не надоедает?

Он поднимает взгляд.

— Иногда. Но этого того стоит, чем-то приходится жертвовать. Кроме того, я проведу с ними целую вечность, как только закончится обучение.

А мы с мамой больше не встретимся. А если бы это и произошло, она, вероятно, не захотела бы меня видеть. Время сменить тему.

— Кого защищают твои родители?

— Учёного из одной фармацевтической компании.

— Над какой болезнью он работает?

— Над раком груди, но это не значит, что он обязательно найдёт лекарство. Возможно, он просто совершит открытие, которое приведёт к чему-то ещё. А может, его предназначение вообще с этим не связано, и он спасёт ребёнка из горящего здания.

— Значит, вы даже не знаете, что защищаете?

Он пожимает плечами.

— Разве не достаточно того, что они просто хорошие люди? В конце концов, мы не знаем, какое у *тебя* предназначение, — напоминает он. У меня в животе появляется неприятное ощущение. Должно быть, съела что-то жирное.

Краем глаза я замечаю движение. Я напрягаюсь, и Ури поступает так же, улавливая перемены в моём поведении. Но это не демон, это — приведение.

Прекрасно.

— Что это? — спрашивает он, засовывая руки в карманы.

— Ничего. Мне просто показалось, что я увидела какое-то движение. Вот и испугалась. Почему бы нам не вернуться внутрь? — тихо предлагаю я, отчасти, чтобы напугать его, и мы поступили по-моему, и отчасти, чтобы приведение нас не заметило.

В серебряной дымке проглядывается девочка семи лет, по крайней мере, когда-то ей было именно столько. Её волосы заплетены во множество крошечных косичек, и на ней надета длинная ночная рубашка, изгибающаяся вокруг колен словно кошка. Она движется расслабленно и отчуждённо, словно дитя, потерявшееся в собственном мире. Девочка несёт пасхальную корзинку в форме зайчика со свисающими ушами. Мы с Ури спрыгиваем с качели, и к несчастью, старое дерево издаёт громкий скрип. Я вздрагиваю, когда она оборачивается с тревогой и любопытством. Я мгновенно отворачиваюсь, притворяясь, что не

вижу её. Но это бессмысленно. Они и так всегда знают. Я тихо ругаюсь.

— Ну же, Ури, идём. — Мы снова обходим мотель. Девочка догоняет нас и начинает скакать вокруг на носочках. Я отказываюсь на неё смотреть. Она пытается прикоснуться к моим рукам, но я их одергиваю, пугая тем самым Ури. Он знает, что-то не так. Мы идём быстрее.

Мы проскальзываем в наш номер, и я захлопываю за нами дверь, закрывая её на замок. Не от девочки, конечно же, ведь это было бы бессмысленно. Она может проходить прямо через стены. Им не под силу только живые объекты, а так, их больше ничего не может остановить. Я сажусь на кровать, кладя руки в карманы. Она садится прямо рядом со мной и смотрит на мои оттопыренные карманы, словно кошка в ожидании мышки.

Призраки не могут говорить, по крайней мере, со мной, но они могут прикоснуться к кончикам твоих пальцев и показать картинки из своей жизни. Это как смотреть телевизор, который показывает только домашние видео, и пульт находится в руках у кого-то другого. Их любимое шоу — Моя ужасная смерть.

Потому что все призраки, которые когда-либо ко мне обращались, всегда оказываются жертвами насилия и всегда хотят, чтобы я за них отомстила.

И я всегда это делаю. Так я нахожу себе обед, да и на самом деле, мне просто не оставляют выбора. Привидение — неимоверно назойливые создания — вы не можете их где-нибудь закрыть, и не можете вечно держать руки в карманах. Но сейчас у меня нет времени. Ей просто надо найти кого-нибудь другого.

Я придвигается ближе, и я чувствую рядом с собой мягкий, сладостный аромат. Я отодвигаюсь. Она подползает ближе, я отстраняюсь. Ури наблюдает за происходящим.

— Неровная кровать, — объясняю я, но судя по его выражению лица, он на это не купился. — Девочка-призрак теряет терпение и прижимается к моему лицу, пытаюсь заставить меня посмотреть на неё. Я закрываю глаза и отстраняюсь как можно дальше.

— Ты в порядке? — интересуется Ури.

— Мне надо чихнуть.

Возможно, самое неправдоподобное объяснение, но с чего бы мне ещё ёрзать с закрытыми глазами, держа руки в карманах? Я вскакиваю и мчусь в ванную. Я закрываю дверь, и девочка следует за мной, проходя прямо через неё. Вот и хорошо, это мне от неё и надо.

Как и все призраки, она серебристо-серая, и назвать этот цвет чёрным было бы неправильно. Её большие глаза наполнены надеждой, прямо как я и боялась. Я — её единственный шанс для свершения правосудия.

— Убирайся, — шиплю я.

Её брови опускаются, а нижняя губа начинает дрожать. Она выглядит, как брошенный щенок. Затем она качает головой, радостно улыбается и подходит ближе. Полагаю, она не думает, что я в точности имела в виду то, что сказала.

— Я сказала, *убирайся*.

— Меда? Ты что-то сказала? — Это Ури, и он стоит прямо за дверью. Прекрасно.

— Нет, должно быть, просто тонкие стены.

Я начинаю махать руками, чтобы прогнать девчонку, и делаю ошибку, потому что она тут же тянется к ним. Я засовываю их обратно в карманы и начинаю на неё рычать.

— Меда?

Твою мать.

Я открываю дверь ванной, толкая её ногой, чтобы призрак не дотянулся до моих рук. За дверью стоит Ури.

— Мне просто... надо было побыть одной, — объясняю я.

Его лицо смягчается.

— Это нормально. Я тоже их боюсь.

Я открываю рот чтобы его поправить, но передумываю и прохожу мимо него, покидая ванную.

— Я пойду к автомату за газировкой. Тебе взять?

Он начинает идти за мной — прямо как телохранитель — но, полагая, моя просьба побыть наедине заставляет его передумать, и он останавливается.

— Конечно.

— Тебе какую?

— Апельсиновую.

— Сейчас вернусь.

Я пересекаю комнату, держа руки глубоко в карманах, пока дымчатая девочка следует за мной тенью. Как только я выхожу за дверь, Ури тут же подходит к окну. Направляясь к главному зданию, я оборачиваюсь и вижу, как он следит за мной из-за жалюзи. Я заворачиваю за угол, исчезая из его поля зрения, но вместо того чтобы пройти в вестибюль, захожу за здание. И резко разворачиваюсь к своему преследователю.

— Смотри, — серьёзно говорю я приведению. — Мне своих проблем достаточно. Я не могу просто так пойти и съесть твоих обидчиков. Иди и найди кого-нибудь другого.

Она не обращает внимания, смотря на мои спрятанные в карманы руки. Её большие глаза наполняются слезами.

Я сопротивляюсь. Словно я какая-нибудь кошка. Она — призрак, и всё, что я могу сделать — привести в движение воздух вокруг неё. Я ухожу, и как и ожидалось, она следует за мной.

Призраки.

Ури начнёт волноваться, если меня долго не будет.

— Хорошо, — соглашаюсь я, вытаскивая из карманов руки. Она тут же бросается к ним, но я успеваю их спрятать, прежде чем у неё появляется шанс прикоснуться к ним. — Сначала несколько правил. Я не могу отправиться на их поиски прямо сейчас

В её глазах опять появляется взгляд брошенного щенка.

Я продолжаю.

— Но я обещаю, что найду их, как только смогу. — Если я вообще останусь жива. Её нижняя губа снова начинает дрожать, а лучистые глаза наполняются слезами, сияющими от лунного света. — Это лучшее, что я могу предложить. Соглашайся или уходи.

Она ждёт, что я прогнусь, но я неизменно стою на своём словно камень.

— И не преследуй меня. Совсем не преследуй.

Она кивает, не встречаясь со мной взглядом. Я продолжаю держать руки в карманах и жду, пока она посмотрит мне в глаза, чтобы она поняла, что я сказала то, что действительно имею в виду. Она выглядит угрюмой, но при этом всё равно снова кивает. Я делаю глубокий вдох, прежде чем освободить руки из карманов. Я поднимаю их, словно прикасаясь к невидимому стеклу, стоящему между нами, являющемуся границей между жизнью и смертью. Она прикасается ко мне кончиками своих серебряных пальчиков, и я проваливаюсь в кроличью нору.

Последнее, что я вижу, прежде чем передо мной предстаёт мир её глазами, — лицо Ури, более бледное, чем у призрака в лунном свете.

Судя по моему хобби, можно подумать, что я получаю удовольствие от просмотра всего того, что мне показывают призраки, что это как смотреть вживую «Повелителя леса»[10]. Но нет, возможно, даже самым охотникам бы не понравилось смотреть передачу, снятую от лица оленя.

И эта маленькая девочка, словно оленёнок, была очень-очень наивна. Олень бы, по крайней мере, никогда не поверил, что охотник его любит. Но эта маленькая девочка и её убийца... Это ужасно.

И кроме того, у него уже была судимость.

Он получит то, что заслужил. И я за этим прослежу. По сравнению с тем, что его ждёт, то, что он сделал с Аннабель, кажется детским лепетом.

Я снова оказываюсь в своём теле, бьющемся в припадке. Я открываю глаза и тут же вижу паническое лицо Ури, склонившегося надо мной, и потолок, покрытый потёками воды.

— Меда? Меда? — надрывается его голос. Я моргаю.

— Ури, — глупо говорю я, плохо понимая, что происходит.

— Мне позвонить в больницу? — В его руке зажат телефон. Я наклоняю голову, изучая окружающее пространство. Мы вернулись в номер. Вероятно, меня дотащил Ури, что впечатляюще для такого маленького мальчика.

Больницу?

— Нет. — Я прочищаю горло. Оно охрипло от криков Аннабель. Я — это я, призрак ушёл. Мозг начинает медленно возвращаться к работе. Должно быть, Ури видел, как сначала я разговаривала сама с собой, а после и вовсе потеряла сознание. — Нет, Ури, я в порядке. — Я сажусь. Комната немного качается, но вскоре всё становится резким. — В порядке, — повторяю я.

Ури выглядит неубеждённым. Я пытаюсь найти какое-нибудь объяснение.

— У меня эпилепсия. Бывают припадки.

Его глаза сужаются.

— Нет, дело не в этом. Я видел, как ты с кем-то говорила.

— У меня галлюцинации? — Я не хотела, чтобы это прозвучало, как вопрос. Ури отрицательно качает головой. Когда всё уже перепробовано, придётся попробовать правду.

— Ты умеешь хранить секреты?

— Да.

— Я вижу мёртвых. — Он не смеётся. — Я не шучу. Я вижу призраков. Они мне кое-что рассказывают.

Ури вздёргивает подбородок от неожиданности.

— Кое-что? Что именно?

А он принял это лучше, чем я ожидала. Наверное, когда растёшь в семье охотников на демонов, твоё мировоззрение немного восприимчивее к такого рода изменениям, чем у обычного человека.

Я осторожно поднимаюсь, пока не оказываюсь в вертикальном положении, и опираюсь на спинку кровати.

— Как они погибли. Они хотят, чтобы я нашла их убийц.

Я трясую головой, пытаюсь развеять стоящий перед глазами туман, и Ури с беспокойством кладёт ладонь мне на руку.

— И что дальше?

Замучить их до смерти.

— Убедиться, что они больше никому не причинят боль. — Ури чувствует двусмысленность моего ответа, поэтому я перехожу к чистой лжи. — Сдать их в полицию, дать показания, что-то вроде этого. — Выпотрошить, утопить в раскаяние и крови.

Лицо Ури оживает.

— Вот оно, Меда! Вот твоё предназначение! Ловить злодеев! — Он останавливается, чтобы ещё раз всё обдумать. — Но зачем держать это в секрете? Надо рассказать Хаю и Джо.

Не знаю, почему я могу видеть демонов, но так как я ещё не встречала тамплиеров с такими же способностями, придётся признать, что это мне досталось от демонов. Мне нельзя идти на риск, Джо может догадаться, сложив всё вместе. Слишком уж она умная. — Потому что... — Ну же, думай! — Потому что призраки попросили меня никому не рассказывать.

— Но ты только что мне рассказала.

Тупица! Я не сдаюсь.

— Только после того, как ты меня поймал. Я не должна об этом никому говорить.

Ури это обдумывает, и стараюсь не задерживать дыхание.

— Но мы должны им сказать. Значит, мы знаем твоё предназначение, как маяка, а следовательно, нам не надо искать Люка.

Нет! Только этого не хватало!

— На самом деле, нет. То есть, Джо сказала, что я — единственный маяк, который в то же время является тамплиером. Тогда каковы шансы, что моя принадлежность к тамплиерам не относится к моей миссии маяка?

Он закидывает голову.

— А каковы шансы, что твоя способность видеть мёртвых не относится к твоей миссии маяка?

Твоя взяла. Умный маленький мерзавец.

— Возможно, относится и то, и другое, — предполагаю я.

Ури перекачивается на пятки и постукивает пальцем по подбородку. Волнующий вопрос — Меда.

— А другие тамплиеры видят призраков? — спрашиваю я.

— Не слышал о таком, — отвечает он, зачем останавливается, чтобы подумать. — Кажется, демоны могут.

Опасность!

Лицо его светлеет.

— Джо, возможно, сможет нам сказать.

— Мы не можем рассказать Джо. — Мы определённо не можем сказать Джо. — Призраки дали мне обещание. — Выглядит так, будто он всё никак не может решиться, и в какой-то степени, от этого он кажется ещё младше. — Как тебе такой вариант — думаю, нам всё ещё надо выяснить прошлое моей мамы, потому что она может быть как-то с этим связана. В любом случае, наши ближайшие планы от этого не меняются, а я пока узнаю, разрешат ли мне призраки нарушить обещание.

Ури хмурится, обдумывая моё предложение, а я вновь пытаюсь не показывать своим видом, насколько мне важно его решение. В конце концов, он кивает.

— Обещаешь?

— Обещаю, — соглашается он. И я расслабляюсь, откидываясь обратно на кровать.

— Можешь рассказать мне о приведениях? Если уж я всё равно о них знаю?

Не думаю, что это доставит какие-либо проблемы, поэтому решаю ему рассказать. Он падает на кровать, закидывая руки за голову.

На самом деле, мне не так уж и много известно. У приведений в основном одна цель — наказать убийцу. У них всегда с собой что-то вроде сумки, у Аннабель, например, была корзинка. Однажды, я спросила призрака, для чего это. На самом деле, я спрашивала многих, но ответил мне только один. Как я уже говорила, они ещё те собеседники. Так или иначе, он мне показал.

Если основной «фильм» больше всего похож на ужастик, то в корзинке как раз лежит то, что большинство предпочло бы показать на празднике, посвящённом их жизни. Дни рождения и Рождество, поездки на пляж, новые домашние питомцы, родители, дети. Но это нечто больше, нежели просто воспоминания. Воспоминания обладают свойством выцветать и выдыхаться. А здесь вы словно всё переживаете впервые.

— Зачем они их собирают? — интересуется Ури, поворачивая голову, чтобы посмотреть на меня.

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Возможно, они слишком рана показались на пороге Рая, и Святой Пётр не даёт им зайти. — Я вытягиваю руки, словно в попытке кого-то остановить. — Нет свободных мест. — Я пожимаю плечами и легко продолжаю. — Им надо чем-то заняться, чтобы скоротать время.

Ури не смеётся. Он снова начинает смотреть в потолок, и его лоб хмурится так, словно он пытается прочесть ответы среди замысловатых узоров. Затем его лицо расслабляется.

— Думаю, я знаю. Их кончина настолько ужасна, что сперва они должны освежить все хорошие воспоминания, чтобы стереть последнее, плохое. Ты бы хотела чтобы твоё последнее воспоминание было настолько хорошим, чтобы тебе даже не хотелось его забывать.

— Как смерть *вообще* может быть чем-то, что бы ты не хотел забыть? Всё то, что я видела... — По телу пробегает дрожь. — Я бы не хотела переживать это хотя бы единожды, а тем более, снова и снова.

— Ой, не знаю. Быть в окружении семьи на старости лет или совершить что-нибудь героическое, например, в сражении или спасая кого-нибудь. — Его голос становится мягким и немного метательным. — Или принести себя в жертву ради кого-то. Такое ты бы не хотел забывать никогда.

Как раз не соглашусь. Видно, что Ури ещё совсем мал.

Он снова сменяет тему.

— А любят ли они подглядывать за теми, кто моется в душе?

Может, даже слишком мал.

Я смеюсь.

— Полагаю, если захотят. Но призраки любопытных Варвар мне ещё не встречались. Как я уже говорила, у них на уме лишь одно. По крайней мере, у тех, что меня окружают.

— И много ли у тебя таких знакомств?

— Не много. Со временем они уходят. Я никогда с ними не встречаюсь, после того, как у... — э-э-э — ловлю их убийц.

— Как давно ты начала их видеть?

— Я видела их всегда. Но они не приставали ко мне с подобными просьбами, пока я не

стала старше.

— И скольким же ты помогла?

Я закрываю глаза. Перед глазами каруселью проносятся тела, отделённые от их душ, и на каждом из них висит бирка, чтобы мне проще было запомнить детали. Они не заслужили похорон даже в моих мыслях. Кроме одного.

Все совершаю ошибки.

— Так сколько?

Сотни.

— Возможно, несколько десятков.

— Вау.

Наш разговор продолжается, и вскоре мы начинаем придумывать разные игры, чтобы чем-то себя занять. К четырём утра нас снова одолевает голод. Автомат с едой сломан, так что вместо этого мы готовим и едим воображаемые блюда. Если один догадается, что пожелал другой, они получают то, что хотели. У меня совершенно не получается играть в подобные игры. Я угадывала гамбургер десять минут подряд. В итоге, Ури идёт мне на встречу и «готовит» гамбургер, который я назвала татарским бифштексом. У него игра идёт хорошо. Думаю, он жульничает.

— Вишнёвый юбилей! — победно кричит он, вскакивая с кровати.

— Убирайся из моей головы!

Часы приближаются к пяти, и наша игра замедляется и сходит на нет. Гурманские блюда превращаются в фаст-фуд, и в конечном счёте мы замолкаем. Хай и Джо должны вернуться в любую минуту — если всё прошло, как надо.

Ури тщательно выписывает узоры на спинке кровати, и я борюсь с желанием его остановить. Есть вещи, которые повторять не стоит. Из крана монотонно капает вода; минутная стрелка сводит с ума. Я открываю окно, и в комнату проникают звуки ночи. Не обращать внимания на очевидное становится всё сложнее.

5 часов переходят в 5.30. Ури закрывается в ванной.

5.30 переходят в 5.45, и Ури выходит. Он старается спрятать лицо за волосами, но я точно могу сказать, что у него красные глаза. Согласно плану, мы уедем без них в 6, однако, ни один из нас не начинает собираться. Ури открывает окно шире, и в комнате становится холодно, но я всё равно его не закрываю. Пение утренних птичек и шум шоссе режут слух.

И вдруг, до нас начинает доноситься рёв мотоцикла. Я толкаю Ури к двери, правда, не слишком сильно. Я борюсь с замками и открываю дверь. Джо слезит с мотоцикла, и Хай снимает шлем. Я шумно выдыхаю, надо же, я и не подозревала, что задерживала дыхание. Они в порядке, они целы.

Пока Джо не набрасывается на Хая.

Глава 14

Осмелюсь предположить, что всё могло сложиться лучше. Но так как Хай вернулся живым, похоже, я задолжала Ури двадцать баксов. Хотя с другой стороны, думаю, наш спор не окончен, пока они не вернулись в номер отеля. И судя по убийственному блеску в глазах Джо, у меня всё ещё есть шанс на победу.

К сожалению, она больше не бросается на него с кулаками, и вместо этого наносит быстрый и яростный словесный удар.

— Просто невероятно, как можно так глупо рисковать, — нападает Джо.

— Я спас тебе жизнь! — защищается Хай. Он слез с мотоцикла и теперь держится за нос, уже принявший привычную форму. Быстрое исцеление тамплиеров — неплохо. Без насилия их перепалка понизилась до теннисного матча.

— А вот и нет! — Джо посылает обратно мяч на поле Хая.

— Спас! Они собирались отрубить тебе голову! — Хай. 15:0.

— Нет! Они собирались *попытаться* это сделать, но у меня всё было под контролем. — 15:15. — И «спасая» меня, ты подставил свою спину под удар. Не будь меня там, ты бы уже был мёртв!

Ничего себе! 15:30.

— Я уже дважды спасла тебе жизнь, — продолжает она.

Джо не права. На самом деле, трижды — я бы убила Хая, если бы она не появилась в ту ночь, когда мы встретились. Правда, не думаю, что об этом стоит упоминать.

Всё это, конечно, очень занимательно, но совершенно не информативно.

— Тайм-аут! — кричу я, показывая руками «Т». Они смотрят на меня, не моргая. — Ребята, вы что-то выяснили?

— Конечно, — отвечает Хай.

Я отступаю.

— Продолжайте. — Я шучу, а они всё равно продолжают. Для такого свирепого матча, как этот, нужен попкорн. Я представляю, что у меня он есть, и жую его, пока представление продолжается.

— Ты слишком медленно двигаешься. Тебе бы не удалось выбраться оттуда вовремя. — Хай наносит удар слева. 30:30.

— Что ж, в следующий раз обо мне не волнуйся. Ты даже о себе позаботиться не можешь! — Джо со злостью бьёт в ответ. 30:40.

Ури закрывает дверь, садится ко мне на бордюр и с большими глазами наблюдает за битвой. Он улавливает движение моей руки. Он кивает и произносит губами: «попкорн»? Говорю вам, этот малый большой специалист в этой игре. Я киваю в ответ и предлагаю ему своё воображаемое ведёрко с попкорном. Он берёт горстку.

— Слушай, ты должна посмотреть правде в глаза, не надо притворяться, что твоя травма ничего не меняет... — Хай. 40:40.

— Я и смотрю! Она ничего не значит! — На смену гневу приходит серьёзность. — Послушай, Хай, неужели ты не можешь понять? Я не хочу жить, если мне не суждено стоять на своих двух.

— Значит, ты просто надеешься, что я дам тебе умереть? — Хай перекачивается обратно на пятки; он определённо ничего не понимает, но мне всё ясно. Тот, кто живёт с какими-то дефектами, думает, что может их преодолеть. И что касается Джо, то она, возможно, смогла бы это сделать — если даже он действительно сохранил ей сегодня жизнь, она всё же спасла его трижды.

— Если до этого дойдёт, то да, но этого не случится. — Жёстко произносит она, подразумевая именно то, что сказала. — Я могу о себе позаботиться.

Хай проигрывает и начинает махать руками, как сумасшедший.

— Ты же должна соображать! Это *глупейшая*...

Джо становится красной как свекла. Оправдания закончились, и ею полностью овладел гнев. Следующие слова она скрежещет сквозь зубы:

— У тебя сказочная жизнь, ты — принц Горного Парка, золотой мальчик, в то время как я — всего лишь калека. — Игра. — Ты понятия не имеешь, какого это потерять семью, будущее, *ногу*. — Сет. — Ты никогда никого и ничего не терял! — И матч. Хай бледнеет.

Оба тяжело дышат, ничего не говоря, и тишина становится всё напряжённей, вместе с тем как Хай пытается подобрать слова. Когда он всё же их находит, они оказываются мягкими и короткими. Мне едва ли хватает жизненного опыта, чтобы понять смысл.

— Ты не права. Я *потерял*.

Всё же не думаю, что он говорит о шансе выиграть матч.

Джо отшатывается на несколько шагов назад, как если бы ей дали пощёчину, затем разворачивается и убегает. Вероятно, в конце концов Хай выиграл.

Парень роняет голову на руки и обессилено хватается за волосы. Он поворачивается ко мне.

— Будь добра, пойдёшь за ней. — Надеюсь, это шутка, однако, он не отводит взгляд. Я оставляю Ури свой воображаемый попкорн — мне надо освободить руки для самообороны. Следуя за сердитым бурчанием, я иду к краю парковки, а затем в лес. Джо топчет среди деревьев, распугивая белок.

— Мужчины!

— Ээ... да... мужчины! — сочувствую я.

— Мне не надо, чтобы он со мной нянчился. Что он о себе возомнил?

Надеюсь, что риторический вопрос. Она пинает дерево. Возможно, безопаснее всего согласиться.

— Мм... да.

— Какой *идиот*. Он чуть было не погиб!

— Да, идиот.

Она поворачивается ко мне с круглыми глазами. Её вранья-метр, должно быть, предупредил о моей неискренности, и теперь мне грозит опасность оказаться на месте этого дерева и стать её боксёрской грушей.

Я защищаюсь.

— Не надо так на *меня* смотреть. Я бы точно позволила тебе умереть.

Если бы на ответ было больше времени, я бы сформулировала его лучше.

На минуту она замирает, затем фыркает и вскоре уже вовсе смеётся. Она всё смеётся и смеётся, падая на свою деревянную жертву. В итоге она переводит дыхание и произносит:

— Спасибо, Меда.

— Пожалуйста, — отвечаю я бесстрастно. — Сказала то, что думаю.

У неё снова портится настроение. Она оставляет в покое дерево и садится под ним. Не зная, что делать, я опускаюсь рядом с ней.

— Полагаю, я должна извиниться перед Хаем, — не с того ни с сего говорит она. — Это не его вина. Конечно, он виноват в том, что чуть не погиб, но не в остальном. Не в том, что случилось с моей семьёй и ногой. — Она начинает рвать листок, и мне хочется ей сказать, что *он* тоже не виноват, но прикусываю язык. К всеобщему счастью, она отбрасывает его в сторону. — Просто иногда я сильно выхожу из себя. Я никогда не стану борцом, никогда не выйду замуж, никогда ничего не сделаю.

Не вижу связи. Больная нога — не такая уж и большая проблема. Но прервать её наполненный горечью монолог будет невежливо, а главное — опасно.

— Но на кого я злюсь? На демонов? Они постоянно пытаются уничтожить человечество

и, если это вообще возможно, Небеса. Причин для гнева достаточно и без моей ноги. А остальные студенты, борцы, как они ко мне относятся? Они не воспринимают меня всерьёз, для них я — ущербная. Ко мне они очень добры и полны жалости. — Ах, теперь понятно, почему она так ужасно со всеми общается.

Ещё один листик становится её жертвой, и она продолжает.

— А Бог? Я посвятила свою жизнь службе Ему, всё идёт согласно Его плану. Если Он решил, что я буду лучше Ему служить, будучи калекой, кто я такая, чтобы говорить, что всё должно быть иначе? — Она поднимает взгляд и смотрит мне в глаза. Хорошо, она всё ещё помнит, что я здесь. — Я скажу тебе, на кого мне остаётся злиться. На себя. Я ненавижу себя за свои чувства, за невозможность принять их. Но когда ты ненавидишь себя за ненависть к себе самой — как вообще с этим справиться?

Она смотрит на меня так, словно у меня есть ответ. И вроде бы, у меня он действительно есть. Кроме того, я почти эксперт в ненависти к самой себе, и в сравнении со мной её ненависть просто ничтожна. Она ненавидит себя за расстройство по поводу разрушенных мечтаний? Было бы странно, если бы она с радостью приняла такую судьбу.

Так что я даю ей свой мудрый совет:

— Прекращай ныть.

От неожиданности Джо отодвигается. С ней всё время нянчатся и ходят вокруг неё на цыпочках. Я же совсем не такая.

— Какая трогательная вечеринка *упоения жалостью*.

Лицо Джо становится угрожающе фиолетового цвета, и она вскакивает на ноги.

— Вечеринка *упоения жалостью*? Уж прости, если мои проблемы не...

Я прерываю её и встаю. Она неправильно называет ненависть к самой себе.

— Да, попросить прощения будет не лишним. Ты злишься на себя за то, что ты злишься на то, что у тебя отняли все твои мечты? Серьёзно?

— А что, ты думаешь, я должна делать? Радоваться тому, что моя жизнь разрушена?

— Нет, ты не слушаешь. Меня не волнует, что ты злишься из-за своей разрушенной жизни. Ты бы была полной дурой, если бы этого не делала. Чёрт возьми, да ты мне даже не нравишься, а *меня* всё равно это злит. Я всего лишь говорю, что злиться на себя за то, что ты злишься — смешно и глупо.

— Но... — лопочет она.

— Вместо того, чтобы стучать ногами и огрызаться на каждого, направь свою злость на что-то более продуктивное. — На самом деле, я надеюсь, что она не прислушается к моему совету. Наблюдать за этим довольно увлекательно, но только когда ты сам не принимаешь в этом участия. — Например, на демонов.

— Мне никто не позволит, — сердито, но достаточно нерешительно отвечает Джо.

— Да. Я заметила. Последние два дня никто не разрешал тебе этого делать. — Мои слова заслуживают от неё лёгкую улыбку. — Хочешь бороться с демонами? Перестать ныть и начинать что-то делать.

Она замирает, смотря на меня так, словно видит в первый раз.

— Ой, — в итоге произносит она.

— Да, что ж, тебе надо было это услышать. Тебе это на пользу.

— От чистого сердца?

— Да. С добрыми намерениями.

Мы обе вспоминаем тот последний раз, когда мы говорили о добрых намерениях — и

Джо приставила нож к моему горлу — и улыбаемся.

— Спасибо, доктор. — Она делает глубокий вдох и меняет тему. — Но ты — та ещё врунья. — Она делает паузу. Я — врунья, но мне интересно, что именно она имеет в виду. — *На самом деле, я тебе нравлюсь.*

На удивление, может быть, она и права.

Прежде чем мне удаётся придумать ответ, Джо сменяет тему.

— Как только всё вернётся на свои места, мне станет тяжелее бороться с демонами.

— Вернётся всё на свои места? Здесь?

— Они никогда не позволят мне получить полный статус борца. Я не буду выходить на задания. Из-за моей ноги я ущербна. — Её голос становится совсем тихим. — Думаю, Хай действительно спас мне жизнь.

— И что? А ты спасла его дважды. — Трижды. — Получается, что ты могла погибнуть. Если тебя это устраивает, разве они могут что-то на это сказать?

— Традиционно борцы сражаются по двое. — Её рот искривляется. — Точнее в парах.

Разве это не одно и то же? У меня нет возможности спросить, так как она продолжает.

— У меня никогда не будет партнёра. Им смог бы стать лишь какой-нибудь глупец.

Я указываю на очевидное:

— Хай достаточно глуп.

— Я бы не смогла взять на себя ответственность за смерть своего партнёра. Кроме того, Хай — не глупый, а... наивный.

— Разве есть разница?

— Наивность со временем проходит, а вот глупость неизлечима.

Я смеюсь.

— Что губительно для борца.

— Определённо.

Я кошусь на неё.

— В тебе совсем не осталось наивности.

— Полагаю, демоны сожрали её вместе с моей ногой, — беспечно говорит она. Затем следует долгая, полная размышлений пауза. — И моих родителей.

Внезапно я впервые ясно понимаю, почему мама позволяла мне убивать только плохих людей. Я вспоминаю нашу ссору. Я была голодна и нетерпелива. Hangry.

— Все умирают, — говорила я. — Разве важно, умер ты в автомобильной катастрофе, из-за забитой артерии или от моих рук?

— Меда! — Мама слишком сильно боялась не справиться со мной.

— Бог убивает без разбора. А я почему не могу? — Такой наглости могут набраться только подростки.

Она тут же замолкает в ответ на моё богохульство, и её следующие слова звучат уже в таком тоне, который я прежде не слышала. От воспоминаний мурашки бегут по коже.

— У Бога на то свои причины. Праведные. — Её карие глаза опускаются на один уровень со мной. — Такие будут и у тебя.

Я сделала так, как она сказала — с одним серьёзным исключением — потому что поступи я иначе, она бы расстроилась. В общем-то, я понимала, что это неправильно. Хорошие люди так не поступают, не поступала так и я. Когда стало очевидно, что я не отношусь, на самом деле, к хорошим людям, я всё равно продолжила делать так, как учила меня мама — отчасти из-за уважения к ней, но в основном, потому что так было проще, и

это уже вошло в привычку. Когда покойники показывают тебе своих убийц, это вообще перестаёт быть проблемой. Благодаря человеческой природе, я никогда не буду голодать.

Но только теперь я действительно поняла то, что неосознанно запомнила ещё давно. Это как с формулой $E=mc^2$ — её знает каждый взрослый, но по-настоящему понимает лишь учёный. Всё это время я становилась учёным в области человеческой природы.

Успокоившись, я вспоминаю о Джо и оборачиваюсь к ней.

— Ты всё же умнее Хая.

Она фыркает.

— Я два года была привязана к кровати и только и делала, что училась. А Хай... — Она подбирает слово, — ...добрый.

— И что это значит? А ты разве нет?

— Мы не похожи. Он доверяет людям.

Мне кажется, что это скорее показатель глупости, нежели доброты, но я решаю промолчать.

— Он жертвует собой ради того, во что верит. Он — храбрый.

— И ты храбрая.

— Нет. — Она сдержанно улыбается. — Во мне кипит злость, и я нахожусь на грани самоубийства. Со стороны это похоже на храбрость, но в действительности это совсем другое.

— Хай тебя бросил. Значит, не такой уж он и хороший.

Она удивлена.

— Но это не так.

— Ури сказал, что вы были лучшими друзьями.

— Ури сказал тебе, что Хай меня бросил?

— Да... — В действительности, он ничего такого не говорил. — Нет, на самом деле, не говорил. Значит, Хай тебя не бросал?

— Нет. — Пауза. — Я его бросила.

Так, теперь я вообще ничего не понимаю, ведь даже слепому понятно, что она к нему не безразлична.

Она опускает взгляд, и каштановая завеса из волос падает ей на лицо.

— Меда, традиционно борцы сражаются парами.

Парами, а не по двое. Ох. Теперь я вижу разницу.

— Поэтому оба родителя находятся на задании в одно и то же время, — продолжает она. — Кто бы ни был моим мужем, он получит либо работу в школе, либо слабого, одноногого партнёра. Ни один из вариантов не кажется справедливым по отношению к нему.

Вау. Действительно плохо.

— Но ты же собираешься бороться с демонами...

— Хай уже чуть было не погиб сегодня из-за моей чрезмерной медлительности.

— Но... — начинаю я, но Джо качает головой. Она не хочет этого слышать. И на то есть причина. Ей будет невероятно сложно получить разрешение на участие в битве. И из-за своей ноги она действительно слабее, скажем, даже той пустышки Рейчел.

— Кроме того. — Джо смотрит на меня исподлобья. — Я думала, вы с Хаем... — Она многозначительно замолкает.

Что? Ах, да, тот поцелуй.

— Нет, я просто хотела тебя позлить.

У неё кривится рот.

— Я поняла. — Она внимательно меня рассматривает. — Но... ты уверена?

Любовь действительно слепа.

— Да. — Я самодовольно улыбаюсь. — Я могла бы найти себе кого-то получше.

Она ударяет меня, но лишь в полсилы.

— Ты мне больше нравишься, чем Рейчел, — говорит она, и я могу сказать, что она испытывает облегчение.

— Ну, конечно.

Думаю, Джо совершает ошибку. Мне кажется, что решать должен Хай, ведь это ему рисковать своей жизнью. Но мне понятно её нежелание брать на себя ответственность за смерть того, кого она любит. Она и представить не может, как я её понимаю.

Глава 15

Мы устало тащимся обратно в номер мотеля и проскальзываем внутрь. При виде нас, Хай тут же встаёт с кровати.

— Джо... — начинает он, но она уклоняется от его протянутой руки, как от раскалённого железа. Хай опускает руку, и с болью в глазах смотрит на то, как Джо гордо уходит в ванну. Я захожу следом, прежде чем ей удаётся закрыть дверь.

— Думала, ты собиралась извиниться, — шепчу я.

Она выдавливая зубную пасту на щётку, не встречаясь со мной взглядом.

— Я сказала, что должна перед ним извиниться, но никто не говорил, что я это сделаю. — Затем её плечи опускаются, и она опирается на раковину. Зубная щётка близка к тому, чтобы выпасть из руки. Если она коснётся пола, нам придётся искать её с фонариком. В итоге, Джо делает глубокий вдох и заставляет себя выпрямиться. Я наблюдаю, как позвонки, подобно игровым кубикам, постепенно выстраиваются в прямую линию. Её ореховые глаза встречаются со мной в зеркале, и я не могу описать то, что в них вижу. Во мне недостаточно человечности, чтобы понять. — Меда, так будет лучше.

В этом я не уверена, но и поспорить не могу, пока она так на меня смотрит. Джо не отводит глаз от зеркала, и я оставляю её одну, мягко закрывая за собой дверь. При виде Хая, я всё больше неуверенна, что она поступает правильно. Стиснув зубы, он разбрасывает по комнате вещи. Его пламенная ярость и её ледяное бесстрашие. Он пинает ножку кровати, затем закрывает глаза и глубоко дышит. Мы с Ури переглядываемся, понимая, что мы оказались между двух разбушевавшихся бурь.

Как неудобно. Моей команде надо собраться с силами.

В итоге, Хай явно берёт себя в руки, и Джо выходит из ванной. Она тиха и спокойна, словно ничего и не случилось — словно покрытый льдом вулкан.

— Надо обсудить наш следующий шаг, — холодно говорит она.

— Ладно, — огрызается Хай. Ненавижу это слово.

Джо поворачивается ко мне.

— Люк охраняет маяк по имени Эхо Грир. — Судя по взгляду, у неё плохие новости. Я жду, когда она их озвучит. — К сожалению, в целях безопасности, в базе не содержится информация о её точном расположении, так что нам известен лишь город.

И всё же, найти его будет легко. Сколько найдётся родителей, ненавидящих своего

ребёнка настолько, чтобы назвать его «Эхо»? Джо неловко переглядывается с Хаем. Ага, значит, это ещё не всё.

Я смотрю на Хая, и он подтверждает мои догадки.

— Он в Вашингтоне.

В главном логове демонов. Просто невероятно. У меня отвисает челюсть.

— С другой стороны, это последнее место, где демоны будут тебя искать, — предполагает Хай, и я смотрю на него так, словно он упал с другой планеты.

— Ах, Меда, всё не так уж и плохо, — успокаивает Джо. — Мы найдём его, пообщаемся и уйдём. Это большой город, и демоны действительно не будут тебя там искать.

Нет, вы правы. Слоняться по главному логову демонов — *прекрасная* идея.

— Или ты предпочтёшь не идти? — Этой ночью Джо нетерпелива.

— У меня идея, — вдруг объявляет Хай. — Почему бы всем вам не остаться здесь, пока я съезжу в Вашингтон.

Вряд ли. Мне надо поговорить с Люком, неизвестно, какие он может хранить секреты. Я открываю рот, чтобы ответить. Джо прерывает меня, её лицо пылает. Вулкан закипает, прорываясь через лёд.

— Почему бы всем *вам* не остаться здесь, пока я съезжу в Вашингтон? — Она отвечает ему пощёчину, и челюсть Хая снова напрягается. Они пристально смотрят друг на друга, сильно сжав кулаки.

— Дети! — Вмешиваюсь я. — Перестаньте. Едут все. С Люком должна поговорить именно я.

Хай разжимает кулаки и поворачивается ко мне.

— Что ж, если мы все направляемся в логово демонов, думаю, хорошо, что я прихватил секретное оружие. — В его голосе слышен вызов. Он знает, что бы он сейчас нам не показал, это непременно разозлит Джо, а он этого и ждёт.

— Правда? — пищит Ури.

— Ага. — Хай неохотно опускается на колени и достаёт из-под кровати что-то завернутое в толстовку. — Как я сказал, я ходил за дополнительными припасами. — Он разворачивает толстовку, чтобы показать, что внутри... Я скрещиваю пальцы, надеясь, что там гранатомёт.

— Старая книга? — спрашиваю я.

— Ты украл *гримуар*? *Ты в своём уме?* — Это, конечно, Джо.

— Нет.

— Он должен быть у тех, кто эвакуировался.

— У *них* все остальные гримуары, у *них* борцы, у *них* остальные выпускники. А *нам* надо охранять маяк, за которым охотится вся преисподняя.

На самом деле, Хай говорит здравые вещи.

— Да, но *мы* не можем защитить гримуар. Если он попадёт в руки демонов... — Её лицо выражает весь ужас возможных последствий. — Кроме того, — огрызается она. — Могу поспорить, ты даже не умеешь его читать.

— Нет, — просто отвечает Хай, и у Джо открывается рот. Возможно, чтобы закричать. — Но могу поспорить, что ты умеешь.

Она закашливается.

— Ты же брала продвинутый курс по древним языкам, так?

Джо краснеет.

— Э-э, да, но...

— Но что? Ты можешь прочесть или нет? — С вызовом спрашивает Хай.

Она задирает подбородок.

— Могу.

— Отлично. — Он натянуто улыбается.

Я прочищаю горло.

— Так что мы будем делать? В чём заключается наше секретное оружие?

Хай поворачивается ко мне.

— В этом гримуаре содержится церемония Наследия.

Я всё ещё не понимаю. Но судя по выражению Джо, ей всё ясно.

— Меда, — медленно произносит она. — Ты — наша секретное оружие.

— Что это значит?

— Ты — маяк и тамплиер, — говорит она серьёзно. — Я никогда не слышала о таких как ты. Никогда. Мы уже решили, что между ними есть какая-то связь, так?

Я киваю, и Хай решает объяснить.

— Не значит ли это, что тебе предназначается какое-то особое Наследие? Что-то для изменения мира в лучшую сторону? Что если оно будет, как убивающий демонов свет, который получил Зэки?

— А Зэки — маяк? — Не то чтобы это имеет какое-то значение, я ведь не маяк.

— Нет, — продолжает Хай. — Следовательно, твоё Наследие должно быть сильнее, чем у Зэки.

Рядом со мной, Ури вздыхает с таким трепетом, как если бы он увидел фейерверк.

— Откуда вам знать, может, мне предначертано вылечить рак, и мои тамплиерские способности совершенно обыкновенны. — Я лгу, но в то же время обдумываю их гипотезу. Я — не маяк, но почему бы мне не принять Наследие? Разве мне повредит пара способностей для борьбы с демонами? Особенно в придачу к итак прекрасным демоническим способностям?

— Мы не знаем, — отвечает Джо. — Но что мы теряем? Было бы не лишним иметь ещё одного борца в наших рядах. Тем более того, кого демоны никак не ожидают.

Она права, да и как уже сказал Хай, меня ищет вся преисподняя. Дополнительные способности могут пригодиться.

— Хорошо, давайте проведём церемонию.

— Что ж, мы не можем это сделать *прямо сейчас*, — . — Сперва мне надо изучить заклинание.

— Тогда когда?

— Надеюсь, прежде чем мы доберёмся до Вашингтона?

— Надеюсь?

Ей так неловко, что она замолкает, но я продолжаю на неё смотреть, выжидая, когда она объяснит, в чём дело.

— Это не похоже на обычные защитные заклинания, На самом деле, я... э-э... прежде не пользовалась магией.

Прекрасно. Просто прекрасно.

— Нам надо поспать, прежде чем что-то делать, — предлагает Хай.

При упоминании сна, моё тело осознаёт, как сильно оно устало. Сегодня нас всех будут преследовать кошмары.

Когда я просыпаюсь, в комнате уже никого нет, и только Ури, сжимая подушку, лежит с открытым ртом на другой кровати. Не удивительно, ярость переполняет Джо даже во сне — мне едва ли удалось поспать в перерывах между её брыканиями.

На часах 1:52, и судя по скользящему по занавескам солнцу, после полудня. Я, словно в тумане, спотыкаясь, добираюсь до двери в поисках остальных, и солнечные лучи ослепляют меня. Как только ко мне возвращается зрение, я замечаю Джо, сидящую на цементном полу. Прислонившись к кирпичной стене мотеля, она склоняется над раскрытым гримуаром. Рядом с ней на земле лежат блокнот и ручка. Я подхожу ближе, но она даже не поднимает взгляда.

— Хай пошёл за едой. Мы выезжаем, как только он вернётся. Тебе бы надо разбудить Ури.

И тебе доброе утро.

Я возвращаюсь внутрь, чтобы выполнить все утренние процедуры и разбудить Ури. Грохот мотоцикла оповещает о возвращении Хая. Только бы он не взял опять еду из «Сахарного бургера». В Великобритании и на северо-востоке, где я провела с мамой большую часть жизни, таких магазинов не было, но а если и было, то совсем немного. Подозреваю, что Юг посылает на север всю свинину в качестве наказания за Гражданскую войну. Это всего лишь теория, над которой я работаю.

После завтрака мы собираем вещи и отправляемся в путь. Джо садится к Хаю без особого желания. Похоже, со змеей она и то чувствовала бы себя комфортнее, чем с Хаем, зато спина Хая лучше защищает от ветра, чем Ури. Спрашивается, зачем ей нужен ветролом? Чтобы читать на заднем сидении мотоцикла. К счастью, это отвлечёт внимание остальных автомобилистов от моего подозрительно маленького водителя. Ури получает единственный шлем с козырьком, но так как сам он не выше полутора метров и весит не более пятидесяти килограмм, не думаю, что его маскировка пройдет внимательный осмотр.

Сперва мы останавливаемся, чтобы поужинать, и в следующий раз, уже когда въезжаем в Вашингтон около 11 вечера. Мы останавливаемся у ресторана, и я не могу поверить своим глазам.

— Сахарный бургер? Опять? — Не скажу, что мне не нравится, но мы едим там каждый раз. Хай слезает с мотоцикла и протягивает руку Джо, чтобы помочь ей удержать равновесие. Однако она не обращает внимания на его жест, правда, никто и не удивлён. Тогда хай поджимает губы и резкими движениями снимает шлем.

— Его основатель — маяк, — отвечает мне Ури.

— Серьёзно? — Я и подумать не могла, что владелец сети фаст-фуда может быть маяком, но опять же, он повлиял на мою жизнь значительно больше чем, скажем, Ганди.

Ури отвечает совершенно искренне.

— Как их еда может быть *не* священная?

Ещё один прекрасный аргумент. У меня начинают течь слюни.

Хай делает заказ. А мы тем временем идём в туалет и слоняемся по вестибюлю, где нам попадается на глаза небольшой автомат с игрушками. Ури достаёт немного мелочи, и в итоге мы раскошеливаемся на дешёвые пятидесяти центовые игрушки, пока ждём Хая. Ури становится гордым обладателем временной татуировки с пухлым маленьким ангелочком.

— Брак, — жалуется он, но всё равно прилепляет на плечо.

Я открываю своё пластиковое яйцо, и внутри нахожу металлическое сердечко.

Господин Волшебник услышал мою молитву! Но что с ним такое?

— Оно сломано. — Катись ко всем чертям, Волшебник!

Джо заглядывает мне через плечо и выдёргивает его из моих рук.

— Нет, не сломано. Ты разве никогда такое не видела? — Она возится с тонкой, дешёвой, металлической цепочкой, и разделяет две сверкающих змейки на две подвески. На каждой висит по половинке сердечка, расколотые ровно напополам. — Смотри, *лучший друг*.

Она протягивает их мне, и я вижу, что на каждой половинке написано по слову. Прекрасно, значит, у меня теперь целых две поломанных подвески.

Она смеётся при виде моего выражения лица.

— Ты берёшь одну половинку, а твой лучший друг берёт вторую. — Она указывает на обе подвески. — Ты возьмёшь «лучший» или «друг»?

— *Ты* мой лучший друг? — Я в ужасе.

Она поднимет брови.

— Ой, извини, у тебя есть кто-то другой на примете?

Нет.

— Подожди, я *твой* лучший друг? — Интересное обвинение.

Она фыркает.

— Думаю, ты — мой единственный друг. Не знаю, заметила ли ты, но... — её голос переходит на шёпот. Можно подумать, она собирается поведать мне большую тайну. А я люблю тайны. — Некоторые считаю, что со мной тяжело поладить.

Что ж, это совсем не тайна.

— Нет, что ты. Не заметила. — У меня становятся большие, невинные глаза.

Она смеётся. Тяжело не питать симпатии к человеку, который так легко говорит о своих недостатках.

— А какую половинку хочешь ты? — интересуюсь я, размахивая двумя железными символами дружбы между демоном и охотником на демонов.

— Конечно, вот эту. — Она берёт ту, на которой написано «лучший», оставляя вторую мне. — Думаю, она характеризует меня лучше всего, — объясняет она надменно.

Я провожу пальцами по выцарапанным буквам, прежде чем обернуть цепочку вокруг шеи. *Друг*. В любом случае, мне хотелось именно эту часть.

Ресторан уже закрывается, поэтому нам надо поесть где-то в другом месте. Для нас это не проблема — нам как раз надо обсудить наши планы, а пустой ресторан — не лучшее место для тайных разговоров. Мы перемещаемся на парковку Вейл-Марта и жуём свои сэндвичи под фонарным столбом, как какие-то беспризорники.

— Как продвигаются дела с заклинанием? — интересуюсь я у Джо.

Она вздыхает, и ещё до того, как она отвечает, становится ясно, что «ничего хорошего».

— Заклинание достаточно сложное... — Она волнуется. Джо никогда не волнуется. — И может оказаться довольно опасным, если я прочту что-то не так.

Мой сэндвич останавливается на полпути ко рту.

— Насколько опасно?

— Это одно из самых важных наших заклинаний. Последние пятьдесят лет этот ритуал проводит борец Пучард, и кажется, что всё очень просто, но... всё совсем не так. Я даже не уверена, сможем ли мы вообще провести церемонию.

Что ж, теперь понятно, почему она оторвала вой нос от книжки — она просто сдалась.

Она продолжает, но уже неуверенность в её тоне вытесняется деловитостью. Она переводит взгляд на Хая и Ури.

— Думаю, сейчас нам надо найти Люка, а заклинание отложить до того, как вернёмся в школу. — Одна проблемка — из всего, что мы знаем, школы больше нет. — Или куда мы там собрались, но главное — это сделает борец.

Хай пожимает плечами, его рот забит едой, а Ури вообще, кажется, не слушал. Он скачет вокруг на одной ноге — играя сам с собой в классики? В любом случае, не кажется, что он возражает против плана Джо.

Значит, всё зависит от меня. Я не вернусь с ними к тамплиерам, так что, если мне нужны силы для борьбы с ордами демонов, надо чтобы Джо прочла заклинание.

— Так насколько это опасно? Я могу умереть? Или мне просто будет больно?

Она обдумывает ответ и качает головой туда-сюда.

— Ни разу не слышала, чтобы кто-то умер от неправильно прочитано заклинания, но насколько я знаю, его всегда читали без ошибок. А если такое и было, то об этом бы написали в учебнике истории, которого, к сожалению, у меня с собой нет.

— А как много тебе осталось перевести? — спрашивает Хай за меня.

Она чопорно отвечает, даже не удостоивая его взглядом. Им определённо надо помириться.

— Осталось не слишком много. Уже переведено где-то три четверти. Но оставшаяся часть написана на плохой смеси средневекового французского и латинского. Мне нужен словарь, чтобы закончить перевод. Очень редкий словарь.

Тупик. Похоже, затею придётся отложить.

— Хорошо, а как мы будем искать Люка, а точнее, Эхо Грир? — спрашиваю я.

— Через Google, — отвечает Ури. — Обычно маяки делают что-то такое, о чём пишут в новостях — о SEO, учёных, студентах-выпускниках.

— Но у нас нет компьютера, — замечает Джо.

— Мы могли бы его купить, — предлагает Хай.

— Я не хочу растратить все наши деньги. Мы не знаем, как долго нам придётся жить на наши сбережения. Так что, нам нужен другой вариант...

— Можно было бы украсть компьютер, — предлагает Хай.

— Серьёзно? Мы что, станем грабителями?

Меня озаряет.

— Нет. Нам нужен компьютер с доступом в интернет и словарь. Я знаю, где можно достать и то. И другое одновременно. — Все поворачиваются ко мне. — В библиотеке. И это совершенно бесплатно. — Я жду аплодисментов.

— Но сейчас ночь, — без особого энтузиазма отвечает Джо.

Мне не кажется это преградой.

— Тем лучше, нет очередей, — говорю я. — И небольшой взлом уж точно лучше ограбления, ведь так? — Да, люди, мне приходится иметь дело со слишком хорошими ребятами.

— Хорошо, — с трудом соглашается Джо. — Как мы найдём библиотеку?

— При чём ту, в которой есть словарь средневекового французского, — добавляет Хай.

— Легко, — отвечаю я. — Университетская библиотека. Я знаю, как минимум, два места в Вашингтоне — Американский университет и Джорджтаун. К тому же, там и без нас полно подростков, похожих на беспризорников.

Все поражены моим блистательным умом.

На самом деле, я провела много времени в библиотеках. Для того, кто ведёт бездомный, бродячий образ жизни, такое место может показаться домом. Мне также нравится пробираться в библиотеки, чтобы поспать — здесь есть что почитать и удобные диваны.

Определившись с планом, мы неохотно забираемся обратно на мотоциклы. Уже стемнело, и Джо перестала изучать гримуар, поэтому она садится на мотоцикл к Ури. Они выработали систему, в которой Ури — ноги, а она — водитель с правами. Сейчас кажется очень странным волноваться о такой проблеме, как полиция.

Подъезжая к Американскому университету, нам очень удачно попадается указатель к Уэслейской семинарии. В семинарии обязательно должен быть доступ к словарю, который нужен Джо — в конце концов, она переводит, религиозную книгу — и в маленькой семинарии охранная система должна быть значительно проще, чем в таком месте, как Джорджтаун. Мы следуем зелёным указателям.

Семинария является (или являлась) частью Американского университета и теснится на углу его кампуса. Вполне возможно, что у этого здания и школы тамплиеров, один архитектор — цементно-кирпичная коробка с узкими окнами. В здании тишина; в два часа ночи, в холодный мартовский понедельник в этой части кампуса совершенно нет жизни. Наши мотоциклы создают непозволительно много шума, поэтому мы проезжаем мимо здания и паркуемся в нескольких кварталах от места предполагаемого преступления.

Чаще всего, никто не ставит сигнализацию на окна, до которых не может достать обычный человек, что хорошо для тех из нас, кто не попадает под эту категорию. Но это хорошо даже для тех, кто притворяется обычным человеком, но при этом окружён теми, кто уж точно не могут назвать себя обычными. Хай забирается на ближайшее дерево, надевая шлем Ури, прячет руки в кожаную куртку и прыгает десять метров прямо в окно второго этажа, разбивая его шлемом. Тем временем, остальные прячутся в кустах, но когда на месте преступления не появляется ни охрана, ни полиция, мы забираемся по скинутой нам верёвке. Я притворяюсь, что мне тяжело и поэтому чувствую себя очень глупо. И, на удивление, виноватой.

На втором этаже располагается длинная прямоугольная комната, наполненная столами, полками с книгами и небольшими аудиториями для занятий. Вдоль одной стены выстроились в ряд стеклянные кабинеты, на двери одного из которых написано «Техническое обслуживание», возможно, там находятся офисы. Мы спускаемся на этаж ниже, на котором находится стойка и регистрации и то, что нам как раз нужно — множество компьютеров.

Джо достаёт каталог, находит необходимые словари и направляется на второй этаж. Она сообщает, что ей нужен свет, и она идёт искать кабинет без окон. А тем временем Ури, Хай и я пытаемся вывести у Google какую-нибудь информацию об Эхо Грир.

Поначалу наши поиски оказываются безрезультатны. К счастью, я привыкла искать людей. Что-то призраки показывают чересчур точно, а что-то очень неопределённо, и это не может не раздражать — особенно, когда они не сообщают точное местонахождение их убийцы. Библиотека имеет доступ к архивам некоторых газет, и я приступаю к поиску информации в местных газетах. Спустя двадцать минут, я нахожу то, что искала, в местной газете двухлетней давности, под названием *Городок*. Оказывается, что Эхо — девочка. На самом деле, никому не стоило давать такое имя.

Приют святой Альбины ищет беглянку.

Местный приют святой Альбины сообщает, что их двенадцатилетняя воспитанница Эхо

Грир исчезла в среду, поздно ночью. Грир уже предпринимала попытки к бегству, поэтому её опекуны не допускают, что здесь имеет место хищение. Девочка страдает шизофренией и синдромом Тоуретта, и ей необходимо лечение и постоянный надзор. Если увидели эту девочку, звоните 911. Не пытайтесь к ней призваться.

Рядом со статьёй расположено школьное фото, больше похожее на любительский снимок. Со страницы на меня смотрит девочка предпубертатного возраста с сальными волосами и в чёрной толстовке.

Отлично. Мы ищем психически больную беглянку. Она может быть где угодно. По сути, единственное, что мы знаем, так это то, что она не в приюте святой Альбины.

Я показываю находку Хаю и Ури, но они переживают не так сильно.

— Она должна быть в Вашингтоне, — объясняет Хай. — Помните, к ней отправили Люка, а у него был доступ к карте маяков. Если директор написал, что он в Вашингтоне, то он действительно там.

Теперь, когда мы обладаем немного большим количеством информации, мы начинаем изучать приют святой Альбины. Возможно, её поймали и вернули обратно. Интересно, что после исчезновения девочки, приют неоднократно появлялся в новостях. Сначала бывшие сотрудники незаконно присвоили себе кругленькую сумму, затем одного из работников поймали за снятием фильмов и жёстком обращении с детьми. В общем, мерзкое местечко. После скандала, приют был закрыт — ещё один тупик, что значит, мы не можем туда пойти и задать вопросы.

Исчерпав все варианты, мы с Хаем решаем проверить Джо. Ури остаётся искать дальше. Джо закрылась в одном из задних офисов с кучей словарей, разложенных вокруг неё.

— Как успехи? — спрашивает Хай, и Джо поднимает руку, чтобы мы подождали. Она что-то записывает и поднимает на меня взгляд — не на Хая.

— Думаю, я почти закончила... но всё же я не думаю, что нам стоит проводить церемонию.

— Почему нет? — интересуюсь я.

— Это не просто быстрый фокус-покус, это очень серьёзная магия. И... — в итоге она смотрит на Хая, — ...помнишь, сколько клятв мы давали в ночь церемонии?

Хай думает.

— Да, кровные клятвы посвятить наши жизни Ордеру и так далее. И что?

Минуточку, что?

— Дело в том, что они не являются частью церемонии. То есть, они к ней относятся, но только в заклинании их нет. Они написаны отдельно. — Она смотрит на Хая, ожидая, когда он поймёт.

— И?

— У меня их нет, — расстроено говорит она.

— И что?

Я-то знаю «что», и это меня радует. Никаких кровных клятв маленькому монстру приносить не надо.

Джо сдаётся и закатывает глаза.

— Получается, мы собираемся дать силы борца тому, у кого нет чувства долга перед Ордером. Ты это понял, гений?

А ещё говорила, что лучшие друзья. Секунд пять я сама невинность, что довольно трудно, ведь я знаю, что она права. Поэтому я просто притворяюсь, что обижена. Но это

вообще ничто по сравнению с реакцией Хая.

Он взрывается.

— Джо, знаешь, что? Может, я и не «гений», но и уж точно не слабоумный. — Он подходит к ней ближе, и она спешно встаёт, полагая, чтобы быть одного с ним роста. — Но знаешь что? Я бы предпочёл рискнуть и хоть раз кому-то поверить, чем носиться вокруг, говоря всем, какие они подлые. — Он медленно отстраняется от её лица. — Я отправился с тобой на это задание только потому, что когда-то ты была лучшим в мире другом, поэтому я продолжал надеяться, что однажды ты перестанешь быть такой двойственной стервой и станешь той, кем когда-то была. — Он машет руками, и у него вырывается горький смешок. — Такое ощущение, что даже будь у тебя достаточно времени, ты бы всё равно не провела церемонию. Но я не собираюсь просто так здесь стоять, пока ты обращаешься с Медой так, словно она какое-то исчадие Ада. Кажется, ты скорее дашь ей умереть, чем ей поверишь.

Джо бледнеет, но Хай ещё не закончил.

— Ты не заслуживаешь быть борцом — и это не потому что у тебя нет ног, а потому что у тебя сердца.

Это ранит Джо. Она смотрит на меня, и я отвожу взгляд. А она ведь права, что мне не доверяет. Я не заслуживаю доверия, я же дьявол. Я — подлая, а Хай разнёс её в пух и прах ради меня. Это я — исчадие Ада.

Сбросив пыль, Хай, кажется, чувствует такую же вину, как я. Если её боль вызывает во мне такие чувства, то что уж говорить о нём. Его голос смягчается.

— Джо...

Она съёживается при звуке его голоса, машет головой и уносится прочь.

Хай закрывает лицо руками и издаёт расстроенный звук. Он бьёт по столу, а затем смахивает всё с него на пол. Думаю, это что-то вроде мужских слёз.

Я люблю пытки не меньше любого демона, но это уже переходит все границы. Джо только и делает, что причиняет боль человеку, которого любит, пытаясь не сделать ему больно, в то время как совершенно сбитый столку Хай крутится вокруг, снова и снова принимая на себя удары от Джо, при этом не понимая, почему его лучший друг постоянно его отталкивает. Наверное, ему кажется, что её просто подменили. Она ходит и разговаривает, но это не Джо. Не его Джо. Но он не может её оставить. Они связаны, и чем больше один старается высвободиться, тем больше другому.

Похоже, сейчас я нарушу все статьи кодекса лучших подруг, но судя по тому, что я видела по телевизору, его вообще мало кто соблюдает. Кроме того, на этот раз у меня благие намерения: этим двоим надо разобраться в своих чувствах.

— Хай, — говорю я, и жду, когда он обратит на меня внимание. Он оставляет стол в покое, и тяжело на него опирается. Затем поворачивается и смотрит на меня. Я делаю глубокий вдох. — Джо тебя любит.

Думаю, ударь я его безбольной битой, он бы среагировал куда спокойнее. При других обстоятельствах, выражение его лица показалось бы мне очень забавным. На самом деле, оно и сейчас забавное — вытаращенные глаза, распахнутый от изумления рот и кожа бурого цвета.

— Иди, поцелуй её и помирись.

Его мозг снова начинает работать.

— Что?

— Поцелуй её.

— С чего бы... То есть... Это не... — Он пробегает рукой по волосам, взъерошивая их.

— Прости, я что, неясно выразилась?

— Э-э, но...

— Поцелуй. Её.

— Ты в своём уме? — Его лицо искажается от боли, как если бы я ткнула его палкой. —

Она меня ненавидит.

Ого. Серьёзно. Я вздыхаю — похоже, придётся ему объяснить.

— Джо тебя любит. Хотя сама она этого не хочет из-за всей этой традиции с борьбой в парах. Она думает, что ты не захочешь сражаться с ней плечом к плечу... из-за её слабости. — Я постукиваю ногой.

А Хай просто стоит. Извилины его мозга работают из последних сил. Пытается обработать информацию. «Система не отвечает» светится у него на лбу.

Может, попробовать латынь? «Оцелуй-пэй её-эй.» Ладно, я знаю только пороссячью латынь.[11]

— Но...

Может, мне спеть? *Ты же знаешь, что хочешь её поцеловать* — тпру-тпру! А-ля Русалочка.

— А-а-а! — Он вскидывает руки и топчет прочь. И всё бы хорошо, но в тот же момент Джо с грохотом проносится в прямо противоположном направлении. Ах, ну, что же я ещё могу сделать.

Джо возвращается через несколько минут с красными глазами и поникшей головой. Мне становится не по себе.

— Джо... — Даже не знаю, что я собиралась сказать, но это не важно, так как продолжить мне не дают.

— Нет, Меда, он прав. — Её пальцы теребят половинку подвески. — Я, правда, тебе доверяю. — Джо смотрит мне в глаза, и я через силу не отвожу взгляд. Она приподнимает подбородок. — Давай проведём обряд.

Проведём. Потому что мне надо защитить себя от демонов.

Однако признаться ей в этом я не могу.

Я делала вещи куда хуже, говорю я себе. В сравнении с ними, это — ничто. Но прямо сейчас мне так совсем не кажется.

Хай возвращается, ведя за собой Ури, пока я расчищаю место на полу. Я рассказываю им о решении Джо, так как сама она отказывается даже смотреть в сторону Хая, что уж говорить о том, чтобы поговорить с ним. Хай же наоборот не сводит с неё глаз. Он — учёный, ищущий доказательство для подтверждения безумной, способной изменить мир гипотезы. Как минимум, его мир. Ури замечает, что происходит что-то важное, и всё переводит взгляд с Хая на Джо и обратно. Затем поворачивается ко мне, и его брови оказываются почти у кромки волос.

Чудесно, все будут думать неизвестно о чём, пока меня будут закидывать смертельно опасными заклинаниями.

Мы заканчиваем расчищать пол, и Джо показывает мне лечь на пол. Следующие пятнадцать минут она портит ковёр магическими символами.

— Это для защиты. Если что-то пойдёт не так... это может уберечь тебя от смерти.

Прекрасно.

Покончив с этим, Джо садится рядом со мной на колени. Она облизывает губы и тяжело

глотает.

— Заклинание состоит из шести частей, первые четыре сложнее всего, предупреждаю, будет жечь. Ты должна продержаться как можно дольше — если мы потеряем телесный контакт, мне придётся начинать часть с начала. Хорошая новость — каждая часть вдвое меньше и менее болезненна предыдущей. На последнюю отводится всего пятнадцать секунд, и боли практически не чувствуется, но первая... — Она замирает с дрожью.

Можно посчитать. Шесть частей, самая короткая — пятнадцать секунд, значит, самая длинная — восемь минут, к которым прибавляются агонии. Должно быть, по моему лицу стало видно, что я об этом думаю, потому что вскоре Джо неловко похлопывает меня по плечу. Если она пыталась меня напугать, то у неё это получилось.

— В любом случае, вне зависимости от того, как тебе больно, не дёргайся, иначе нам придётся начать сначала. — Она разминает пальцы. Никогда не видела её такой нервной.

Я киваю, показывая, что поняла. Ей надо успокоиться, иначе мне будет плохо.

— Всё идёт как надо, — подбадриваю я.

— Верно, — соглашается она, но звучит это неубедительно.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Эй, доктор, любая операция — вещь сложная, но у тебя всё получится. — Я возвращаюсь к нашему разговору о намерениях, давая ей понять, что я ей доверяю.

Джо слабо улыбается, но улыбка исчезает с её лица, как только она опускается рядом со мной на колени. Она пробегает глазами по записям в последний раз. Затем достаёт из-под куртки нож и делает быстрые, глубокие надрезы на своей ладони. Я чувствую запах крови, когда она измазывает ею свои руки.

Её губы напрягаются, когда она встречается со мной взглядом.

— Если в конце концов тебя это убьёт, это произойдёт чисто случайно, обещаю.

Наверное, я выгляжу слишком напуганной, потому что уголок её рта приподнимается, и она меня поддразнивает:

— Ну... и я тебя предупреждала.

После такого многообещающего замечания, она прижимает руки к моей груди, и меня накрывает жар.

Глава 16

Горящая кожа обтянула тело, а кости превратились в раскаленное железо. Кровь кипит. Пронзительные вопли душат меня, подобно рвоте. А мой рот всё продолжает открываться, не замолкая ни на секунду.

Я не отвожу взгляда от Джо. Её спокойное лицо склонилось надо мной, говоря мне без слов, что, на самом деле, я не горю. Я напрягаюсь изо всех сил, отчаянно стараясь оставаться неподвижной, но судороги продолжают сотрясать тело. И лишь страх перед повторением мучительной процедуры помогает мне выдержать нечеловеческий жар этих маленьких ручек.

И тут, мне начинает казаться, что моё тело может этого не пережить. Возможно, моя демоническая сущность не позволяется провести церемонию, и прямо сейчас я умираю, лежа в агонии и стараясь не изо всех сил не двигаться, пока меня жарят заживо.

Правда, сейчас уже поздно об этом думать.

С этой мыслью я переключаюсь на более приятные моменты. Я пробегаюсь по

любимым картинам, плыву в синем водовороте *Звёздной ночи*, кружусь в цветочных лепестках Джорджии О'Киф.

Я избегаю красного.

Время ползёт. Я провожу месяц в *Постоянстве памяти* Дали, играя с плавлеными часами, и год в *Ирисах* Ван Гога. Я танцую в *Гернике* Пикассо. И избегаю *Крика*.

И вдруг, огонь затухает так же быстро, как загорелся. Я открываю глаза и вижу обеспокоенное лицо Джо.

— Первая часть закончена. Как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — бормочу я. Никогда в жизни не чувствовала себя хуже, чем сейчас. И она это знает, поэтому улыбается.

— Настало время второй части. — Она тянется ко мне, и я ели сдерживаю крик. При виде моего лица она останавливается. — Четыре минуты. Не больше. Вдвое короче и вдвое меньше боли.

Я продолжаю нервно глотать воздух. Моё тело ни в какую не хочет второй части. Я заставляю себя дышать медленнее. Самая сложная часть закончилась, с каждым разом будет легче. И вне зависимости от того, что произойдёт, мне не придётся повторять первую часть. Самое сложное позади.

Я смотрю на флуоресцентные лампы, спрятанные в потолке. Ещё один вздох, и мы переходим ко второй части. Джо тянется ко мне, и я съёживаюсь.

Хорошо, ещё два вдоха.

Нет, три.

— Меда, пора. — Похоже, сопереживания ей хватило ненадолго. Я напряжённо киваю, но как только Джо наклоняется ко мне, лампы, на которые я так усердно цеплялась взглядом, затухают, и мы погружаемся во мрак.

— Что происходит? — спрашиваю я дрожащим голосом и заставляю себя приподняться.

— Не знаю, — тревожно шепчет Джо, всматриваясь в темноту коридора. Хай уже во все оружие и готов идти в разведку. Ури следует за ним, идя по коридору к комнате с окном.

— Везде отключили электричество, — сообщает Хай.

Ури отворачивается от окна и смотрит на нас. В свете луны показывается его бледное лицо, искажённое ужасом.

— Они нас нашли. Думаю... — его голос ломается. — Думаю, мы окружены.

Мы с Джо в панике подскакиваем, и я отодвигаю боль на задний план. Джо хватается гримуар со стола, и мы все бежим в библиотеку. Не произнося ни слова, мы мчимся по проходам, петляя между книжными шкафами, стоящими вдоль окон. Как такое возможно? Как они могли нас найти?

Не знаю как, но у них это получилось. Судя по тому, что я вижу, чёрные костюмы окружили здание в два, а то и в три ряда. Неподвижные чёрные фигуры безмолвно стоят в чёрной ночи. Я начинаю чувствовать приток энергии, который не замечала, пока лежала, горя в агонии. На этот раз демонов меньше, но если здание полностью окружено... их должно быть около сотни. Я подбегаю к другому окну, а их там ещё больше. Я нахожу взглядом Джо и Хая и качаю головой — выход перекрыт. Они повторяют моё движение. Мы окружены.

— Меда, — распевает голос, доносящийся из множества глоток. Он низок и мягок. И проскальзывает через разбитое окно. — Выходи, выходи, где бы ты не была.

Я отскакиваю от окна. Хай, Джо и Ури делают то же самое, обступая меня со всех

сторон.

— Что будем делать? — шепчу я.

— Меда, выходи, или мы придём за тобой.

Хай отвечает:

— Мы с Ури их задержим...

— Ты ожидаешь, что я просто убегу... — начинает Джо, но Хай её обрывает.

— Нет, я не хочу, чтобы ты убегала. Я хочу, чтобы ты завершила церемонию. — Затем он обращается ко мне. — Будем надеяться, твои способности помогут нам в битве, в противном случае нам конец. — Хай смотрит в глаза Джо, взвешивая её реакцию. — Затем вы вернётесь к нам, и мы будем биться плечом к плечу.

Его слова поражают Джо, и её глаза расширяются от счастья, ведь для неё они наполнены особым смыслом. — Правда? — шепчет она с надеждой, почти не веря в происходящее.

Он сжимает её руку.

— Правда.

— Меееееееда, — сладко поют демоны. Джо хватает меня за руку и тянет меня обратно в тёмную комнату.

— Постараюсь оставить тебе парочку, — кричит вслед Хай.

Джо с грохотом захлопывает за нами дверь, запирая её на замок. До нас доносится звон бьющегося стекла, и Джо толкает меня обратно в круг. Она неловко забирается на стол и прячет гримуар за перекрытием, а затем почти прыгает и почти падает рядом со мной.

Времени на то, чтобы перевести дыхание, нет, и меня тут же накрывает пламя.

И хоть боль уменьшилась вдвое, ощущения всё равно ужасны. На этот раз мне не удаётся спрятаться среди любимых картин. Мне надо знать, что происходит. Я держу глаза открытыми и изо всех сил стараюсь не шевелиться, но это как держать руку на раскалённом утюге. Это возможно — всё, что могу сказать. Возможно.

Из главного зала слышны борьба, ворчание, крики, снова бьющееся стекло, грохот мебели. Доносится детский крик Ури, и глаза Джо распахиваются, а песня прерывается. Она практически встаёт, будто собираясь бежать, но я хватаю её за руки, прежде чем мы теряем контакт. Её взгляд возвращается ко мне, и я вижу, что глаза её горят подобно моей коже.

На поле боя становится громче, в то время как боль спадает. Мы переходим к следующей части — две минуты. Для сравнения, по ощущениям, это как сильнейший солнечный ожог, который я только могу представить. Тупая, пульсирующая боль. Теперь мало что может отвлечь меня от происходящего в соседней комнате. Демоны уже в коридоре, но ещё не у нашей двери. Значит, должен быть жив хотя бы Хай, ведь кто-то продолжает их удерживать. А вот что с Ури, совершенно неясно.

Хай кричит нам поторопиться, но две минуты — это две минуты. Я слышу, как Хай раздаёт приказы, причём не нам.

Ури ещё жив.

Боль снова падает — эта часть длится всего минуту. Речь Джо обретает новый ритм, в ней почти чувствуется восторг. Я хватаю её за запястья. Тела бьются о стены снаружи двери, и рядом с моей головой падает картина.

Ещё два удара, удушающий вопль, короткий удар. Человеческий крик. Мы узнаём его моментально, хотя я думала, что мне когда-нибудь доведётся его услышать.

Хай.

Я вижу в глазах Джо то, что не забуду никогда.

Радостные возгласы демонов раздаются эхом в коридоре, и какое-то тело врежется в запертую дверь. По лицу Джо бегут слёзы и с шипением падают мне на кожу, но она не останавливается. Мы переходим к следующей части, длительностью в тридцать секунд, затем ещё пятнадцать и всё. Слова быстро слетают с её губ. Дверь разлетается на части, и мы разрываем зрительный контакт, чтобы посмотреть, что происходит, но Джо продолжает петь. Боль утихает. Пятнадцать секунд — это всё, что осталось. В комнату входит коренастый, темноволосый мужчина средних лет. Джо надо встать, чтобы себя защитить, но она этого не делает. Она остаётся на полу, рядом со мной, завершая заклинание. Её пальцы вцепились ко мне в кожу. Осталось всего несколько секунд.

Он ухмыляется и потирает руки, затем шипит и прыгает на нас. Джо ждёт до последнего, но ей всё же приходится разорвать контакт, не закончив церемонию. Она ныряет под стол, а я перекатываюсь к двери, и демон перепрыгивает через меня. Он движется к Джо, и я прыгаю на него сзади. Я тяну его назад за волосы, пока моя подруга разделяется с ним. Я отбрасываю тело, и Джо даёт мне нож. Несмотря на дрожь отвращения, я хватаю его.

Демоны вылетают из двери, словно осы из улья. Маленькая комната — наше главное преимущество, потому что они не могут атаковать нас сразу. Мы с Джо встали плечом к плечу, образуя прямой угол и держа между нами и дверью стол.

Нам удаётся справиться ещё с двумя, но на этом поток нечисти не заканчивается. Один из них перепрыгивает через стол, и я поворачиваюсь к нему. Он налетает на мой нож, но сила удара отбрасывает меня назад, и я с силой врезаюсь в книжный шкаф. Я сбрасываю его с себя, и в комнату залетает следующий — теперь на Джо, которая и так старается удержать двух, пытающихся прорваться вокруг стола. Я мчусь к нему, ударяю со всего размаху и возвращаюсь к Джо. Ещё один перепрыгивает через стол и набрасывается на меня и откидывает в сторону. Демон замахивается, но я отклоняюсь. Я поворачиваюсь на крик Джо и вижу, что она упала. Я бросаюсь на её нападающего и всаживаю нож ему в спину.

Но в результате, моя спина сама остаётся без защиты.

Неимоверная тяжесть бьёт меня по основанию позвоночника, и от этого давления у меня подкашиваются ноги. Я падаю на Джо так, что между нами оказывается мёртвый демон, и на короткое мгновение наши глаза встречаются, прежде чем меня отрывают от неё и швыряют в книжный шкаф. Мир погружается во тьму, пока расплывчатые фигуры в неистовом водопаде перелетают через стол в комнату, перекрывая свет, перекрывая всё что можно. Я пытаюсь вырваться, но меня крепко держат сильные руки.

Демоны ликуют и весело переговариваются, пока меня несут в потоке, поднимая над головами. Я выкручиваюсь и брыкаюсь, пытаюсь разыскать Джо.

Прошу, оставьте её в живых, прошу, оставьте её в живых.

До моих ушей доходит сладчайший звук — ругательства, способные заставить покраснеть любого. Джо жива. Я поворачиваюсь и вижу, что её несут так же, как меня.

В узком коридоре образуется давка, Джо тут же протягивает мне руку, и я сразу освобождаю свою, чтобы схватить её. Но только нам удаётся соприкоснуться пальцами и начать читать заклинание, как нас мгновенно разделяют.

Пронзительно гогоча, демоны с шумом швыряют меня на пол, и воздух со свистом вылетает из моих лёгких. Последнее что я вижу — блестящая туфля готовая нанести удар. Голова взрывается от боли, и всё становится красным.

Затем чёрным. Блестяще-чёрным, как носок туфли.

Глава 17

Я поднимаю тяжёлые, слипшиеся веки. Я не умерла. Грубо заведённые за спину руки заставляют меня раскачиваться как на волнах. Дрожащее сияние свеч озаряет потолок, покрашенный в серый, красный и кремовый цвета. Корчащиеся нагие тела, монстры, пламя, буря и кровь. Даже не знаю, что там изображено: оргия или ад. Стены гладкие и чёрные.

Я наклоняю голову. Вокруг меня пляшет два десятка непонятных существ, совершенно не похожих на моих похитителей. Они молоды и необычайно прекрасны. Пластично танцующие создания в стильных костюмах и платьях. Все в чёрном, сером и красном цветах. Ничего не понимаю.

— Что происходит? — пытаюсь спросить я, но слова звучат совсем нечётко. К счастью, стоящей рядом со мной женщине удаётся их разобрать.

— О-о-о, ты нас не узнаёшь? — распевает элегантно дьявольское создание. Её голос с гулом проносится по моему телу. — То, что ты видела, — маскировка. — Её алые губы изгибаются в улыбке. — Человеку средних лет, одетому в костюм, проще всего раствориться в толпе. Армия демонов становится похожей на собрание офисных сотрудников. — Она смеётся, и от её сильного голоса по моему телу пробегают мурашки. — Теперь ты видишь наше настоящее обличье. — Она кружится, демонстрируя своё прекрасное тело, едва прикрытое одеждой. — Очевидно же, что такая внешность не приводит ни к чему хорошему.

— Где мы? — Мой голос становится немного чётче.

— На пути к зи-Хило. — И снова эта озорная, сладострастная улыбка. — У него на тебя планы, — поёт она и ударяет меня по лицу так, что длинные ногти царапают мне кожу.

— Где мои друзья?

— А теперь ш-ш-ш-ш-ш-ш. — Она поднимает руку и раскрывает ладонь. Затем прижимает к ней губы и посылает мне поцелуй. Что бы там ни было у неё в руке, после того как оно распыляется по моему лицу, я проваливаюсь обратно во тьму. — Спокойной ночи!

Первое, что я чувствую, — это холод. Холод, пронизывающий до боли в костях. Я лежу на льдине. Пытаюсь пошевелиться, пытаюсь открыть глаза, но ничего не выходит. Меня заковали в лёд. Учащаются дыхание и сердцебиение, адреналин подскакивает.

Глаза резко открываются. Вокруг полная темнота. Я смотрю по сторонам и понимаю, что лёд был лишь у меня в голове, но, несмотря на это, мне всё ещё холодно. Я приподнимаюсь и замечаю, что не чувствую ничего кроме холода и изнеможения, что уж говорить о какой-то супер-силе. Как раз наоборот, я слабее, чем когда-либо. И ещё я очень голодна, такое ощущение, что меня грызёт изнутри крыса. Но как такое возможно? Должны были пройти недели, чтобы я дошла до такого состояния. Как долго я находилась без сознания?

Глаза начинают привыкать, но мне кажется, лучше бы они этого не делали, так как то, что я вижу, не выглядит многообещающе. Чёрный пол, чёрный потолок, чёрная решётка — клетка. Я встаю на ноги, но спотыкаюсь.

Пол выложен из чёрного стекла, но плитка не квадратная, все детали какие-то... не такие. Похоже ни на квадраты, ни какие-либо другие геометрические фигуры, у них просто кривые, причудливые углы. Плитка так отполирована, что походит на чёрное зеркало, из

которого на меня смотрит запертая Меда. Точно также оформлена единственная стена и потолок. А вместо остальных стен — решётки. Снаружи хаотично расставлено много тюремных камер причудливой формы со стенами, стоящими не под прямым углом. Потолки по высоте тоже разные, у меня он низкий, а где-то многоярусный. В одной камере вообще всего в полметра. С таким потолком можно только лежать. Темница озаряется лишь конусообразными канделябрами, отбрасывающими на потолок синеватый свет. Пещера пляшущих теней и тусклых зеркал.

Краем глаза я ловлю какое-то движение и оглядываюсь, но там никого нет. Оборачиваясь, я вижу ещё одно, но это лишь рефлексия моего отражения. Я не шевелюсь, и вокруг ничего не двигается.

Ури, Хай, Джо. Они могут быть где-то здесь. Если они ещё живы. Я мчусь к решётке.

— На твоём месте я бы этого не делал, — сквозь чёрные тени грохочет голос.

Я оборачиваюсь, но никого не вижу.

— Кто здесь? — спрашиваю я.

— Тебе обязательно быть такой громкой? — спрашивает он с дрожью в голосе. Я замечаю акцент, но никак не могу определить его происхождение. Я нахожу его обладателя в темноте. Его клетка странным образом охватывает бесформенный угол, и я вижу, что он сидит в самой темноте, прислонившись к стене, согнув ноги и положив руки на колени. Его голова запрокинута, но мне не удаётся различить черты его лица. Мне видна лишь человеческая тень.

Ещё один узник, с которым меня разделяет решётка. Никакой угрозы. Я оборачиваюсь в поисках своих друзей и тяну руки, чтобы проверить ограждение.

— Говорю же, ты делаешь ошибку, — предупреждает он почти с насмешкой.

— Тебе-то какое дело? — спрашиваю я, но при этом мои руки не решаются схватиться за решётку. Оснастить тюрьму всякими сюрпризами как раз в духе демонов. Я поворачиваюсь к нему.

— О, обычно, как второму сыну тьмы, боль незнакомцев доставляет мне удовольствие, но прямо сейчас я пытаюсь в тишине насладиться своими собственными страданиями. — Его дразнящий тон говорит мне, что ничем подобным он не занимается.

Но всё же, я убираю руки от решётки. Лучше не рисковать.

— Как долго я была без сознания?

— Около часа.

— Где мои друзья? — допытываюсь я.

— Неужели я похож на твоего экскурсовода? — Я слышу в его голосе улыбку. Его глаза распахиваются, и сквозь тень, подающую ему на лицо, мелькает слабая белая вспышка. — Потому что я им не являюсь.

Мне бы хотелось хорошенько его ударить, но мне не следует его пугать. Я поворачиваюсь к нему спиной и бросаю взгляд в непроглядную тьму, затянутую решёткой. Стараясь не смотреть не слепящие глаза канделябры, я ищу среди теней своих друзей.

— Джо, — в темноте шикаю я. — Хай, Ури. — Ответа нет. Я шепчу снова, на этот раз громче. Ответа всё нет. Пошло всё к чёрту! Я открываю рот, чтобы закричать.

— Прошу, не надо.

— Почему нет?

— Я хочу пострадать в тишине. Помнишь?

— Неужели я похожа на того, кого это волнует? — говорю я, подражая ему. — Потому

что это не так.

— Придут охранники. И не очень-то обрадуются. — И хотя это предупреждение, по его тону видно, что ему нет до этого дела.

— Ах, ну тогда, ты должен знать, что у меня нет цели — нести людям радость.

Я вижу блеск его зубов. Он улыбается.

— А я уж было подумал.

— Просто скажи, где мои друзья, и мне не придётся кричать, — предлагаю я.

— Наш вид всегда славился умением вести переговоры. — Он поднимается на ноги, променяв страдания в тишине на мою очаровательную компанию. Он двигается напряжённо, словно готовясь наброситься в любой момент. Мой упрямый экскурсовод примерно моего возраста, может, судя по его щетине, где-то на год старше. Ему идёт образ плохого парня, и можно точно сказать, что он горяч, правда, сейчас совсем не время об этом думать. Надвигающаяся смерть заставляет сменить приоритеты.

Мягкая кожа, спутанные длинноватые волосы, полные губы, девически-длинные ресницы, чёрные глаза, чёрная футболка, чёрные джинсы, заправленные в чёрные военные ботинки. Не удивительно, что я не могла его найти в темноте. Судя по кровавому порезу на губе и опухшему левому глазу, его не так давно избили. В уголке его рта играет озорная ухмылка, а глаза горят даже в этой адской бездне, говоря о том, что он вряд ли к чему-нибудь относится серьёзно.

Вдруг до меня доходит смысл его слов. *Наш вид.*

Я отступаю и сердито замечаю:

— Ты — демон!

Неповреждённая часть рта расплывается в лёгкой улыбке, похоже, его несколько не задело моё обвинение. С чего бы это? Я в ловушке.

— Полукровка, — пресыщено поправляет он. — Так что, да, я такой же демон, как и ты.

Полукровка. Впервые встречаю себе подобного. На ум приходит масса вопросов, но я отодвигаю их подальше. Сейчас действительно не время.

Улыбка парня становится немного шире.

— Может, больше тебя, ведь, по правде говоря, я уже побывал на стороне демонов. — Он улыбается ещё шире и вздрагивает от боли. Я чувствую кровь. — И я уж точно не опшиваюсь с тамплиерами.

У меня округляются глаза.

— Откуда ты знаешь, что я дружу с тамплиерами?

— Потому что я работаю под прикрытием, и у меня есть тщательно продуманный план, как обмануть тебя. — Я смотрю на него во все глаза, и он поднимает руки. — Расслабься. Мне это известно, потому что они в камерах для борцов. — Он показывает направление, и я поворачиваюсь, чтобы проследить взглядом за его рукой. — Когда их привели, они были в сознании, но затем они разозлили охрану. И теперь они без сознания.

— Сколько их? — спрашиваю я, всматриваясь в темноту. — Сколько человек сюда привели? — Моё сердце начинает биться быстрее от страха перед тем, что я увижу или *не* увижу.

— Трое, — отвечает он. Я снова могу дышать.

В итоге, в шести метрах отсюда, мне удаётся различить какую-то неровную кучу. Я не могу быть полностью уверена, что это они, но пока они без сознания, кричать нет смысла.

— Уверен, что это они?

— Тебе придётся поверить.

Я пропускаю его слова мимо ушей.

— Ты уверен?

— Два парня и одна девчонка. — Он морщится. — Очень громкая девчонка.

Это они. Мне так тяжело дышать, что приходится запрокинуть голову.

Теперь, когда мой главный страх был унят, я могу уделить больше внимания парню. На данный момент, в моём распоряжении не так-то много оружия, да и найти его здесь будет очень сложно. Как минимум, мой новый знакомый мог бы стать ещё одним телом, которое можно бросить медведям. И если бы пришлось выбирать между ним и Джо, я бы скорее остановила свой выбор на нём из-за его атлетического телосложения.

— Так что же ты здесь делаешь? Ты не привык к образу хорошего парня, не так ли? — Делаю паузу. — Уже слишком хорошо вжился в роль?

Он фыркает.

— Боюсь, мне едва ли это удалось. Судя по тому, что они придут, из меня плохой актёр.

— Тогда в чём дело?

— Почему я должен отвечать? — Он подходит максимально близко, но к ограде всё же не прикасается.

— Потому что, если ты этого не сделаешь, я буду разговаривать сама с собой. — С делав паузу, я зловеще добавляю. — Или петь.

— Звучит опасно.

— Ты даже не представляешь насколько. Ты бы предпочёл, чтобы я кричала.

Полные губы изгибаются в понимающей улыбке. Вот бы убрать её с этого милого личика. Мы стоим слишком близко, меньше чем в полуметре друг от друга, разделяет нас лишь решётка. Причиняющая боль решётка, но всё же. Я отступаю на шаг и прочищаю горло. Его улыбка становится шире, когда он замечает мою неловкость.

Я решаю перейти в наступление.

— Итак, почему ты здесь?

— Не привык соблюдать правила.

— Какие, например?

Он медлит, изучая моё лицо.

— Никогда не убивай своих.

— Своих?

— Других демонов.

— Почему бы и нет?

— В нас полно зла и ярости, да и характер просто ужасный. Если бы нам позволили убивать друг друга, через неделю от нашего вида не осталось бы и следа.

Я вижу. Мне несомненно хотелось убить всех встречавшихся мне демонов.

— Так ты убил демона?

Во мраке появляется белая танцующая улыбка.

— Нескольких.

— Почему?

— Мне не нравилось их поведение, — коротко объясняет он. И очевидно, что погружаться в детали он не собирается. Но это не отменяет моего любопытства.

— Если ты так их ненавидишь, почему играешь на их стороне?

Он качает головой.

— Потому что это то, кем я являюсь. — К нему возвращается злобная улыбка. — Я — дьявол.

— Нет, если ты полукровка, то ты лишь наполовину дьявол.

— Наполовину дьявол, наполовину человек. — Он поднимает бровь. — Но людей нельзя назвать добрыми, не так ли?

Нет, нельзя. Даже мои друзья граничат с преступностью.

— Я уже давно решил с этим не бороться. — Его глаза выискивают что-то, чего я не вижу. — В этом нет смысла. В конце концов... — Он возвращается в реальность, и на его лице снова появляется улыбка. — В любом случае, быть плохим куда веселее. — Он подходит ближе к решётке, и я ловлю его тёмный, острый аромат, шоколада и корицы.

— Даже если время от времени всё заканчивается тюрьмой?

Он смеётся.

— Я и не думал, что ты поймёшь, Хорошая Девочка — как же это происходит у тебя?

Задел. Я показываю ему язык. Он сдавленно смеётся, и этот танцующий звук отдаётся по всему моему телу.

— Итак, как тебя зовут?

— НЕ Хорошая Девочка.

Он поднимает бровь.

— Тогда, Плохая Девочка.

Я закатываю глаза.

— Красивая Девочка, — предлагает он, и я открываю рот, чтобы ответить, но он не даёт мне этого сделать. — Нет, не красивая. — Ой. — Цветы и закат могут быть красивыми. А вот ты нет. Ты...

Не думаю, что хочу слышать, кто же я такая.

— Меда. Меда Меланж.

Он смеётся.

— Что такого смешного?

— Меланж. По-французски — смесь, очень подходит.

Мам, ты такая смешная.

— А как зовут тебя?

— Арманд Делакура. — Прежде чем я могу пошевелиться, он ловит мою руку между прутьев решётки. Я пытаюсь её выдернуть, но это слишком опасно. Он склоняется над моей рукой, словно собирается её поцеловать, но затем останавливается и бросает на меня взгляд из-под ресниц. — К вашим услугам, — шепчет он и прижимается своими слишком большими и чересчур мягкими губами К кончикам моих пальцев. Я тут же краснею и выдёргиваю руку из его хватки.

— Француз? — спрашиваю я, и он молчаливо кивает головой. Я вытираю руку о джинсы.

— Итак, Арманд, что здесь происходит? Меня подвергнут испытанию или чему-то в этом роде?

В глазах виден смех.

— Ты — пленница Ада. Они не сильно занимаются здесь правосудием.

— И что тогда? — Не уверена, что хочу это знать.

— Если повезёт, они позволят тебе продать свою душу и стать одной из нас.

— Меня не так-то просто заставить что-то делать.

Он пожимает плечами.

— В любом случае, это если только тебе повезёт. А если нет... что ж, им проще просто устранить проблему.

Может, меня легче заставить, чем я думала.

— Так или иначе, если они возьмутся тебя уговаривать, советую не сопротивляться. — В его голос возвращается горечь. — В этом просто нет смысла, особенно, когда у тебя такая... природа.

Как-то это звучит не очень хорошо.

— А пытаться они меня будут? — *Неужели этот писк принадлежит мне?*

— В какой-то степени.

— Что это значит?

— Они будут тебя пытаться, но лишь для того, чтобы напомнить тебе о твоей природе. Они будут морить тебя голодом — эти клетки высасывают из тебя всю жизнь. Пройдёт всего несколько часов, а тебе будет казаться, что ты не ела неделями. Через пару дней ты уже будешь страдать от голода. А к следующей неделе сойдёшь с ума. Затем они будут соблазнять тебя тем, чего ты всегда хотела больше всего на свете. Свобода от голода, свобода от ограничений, созданных человечеством. — Его голос обретает силу и становится более соблазнительным. — Знаешь, мы не такие уж и плохие. Мы — это ты, позволь себе быть той, кем ты была рождена. Мы поддаёмся искушениям, а не пыткам.

— Я не похожа на них. Не похожа и на тебя.

— В самом деле? — Голос у него ядовито-нежный. — А мне показалось, что тебя одолевает множество соблазнов.

Я открываю рот, но он продолжает.

— Разве ты не мечтаешь о насилии? А о силе? — Он упорно продолжает свою речь. Я уже вижу в своих руках какую-то жизнь и то, как чья-то душа свободно вздымается ввысь. — Разве ты не мечтаешь о том идеальном моменте, когда прекрасная душа пройдёт через тебя, словно большая радуга, не мечтаешь о моменте абсолютной свободы, когда тебе ничего не надо? — С каждым словом, его акцент становится всё сильнее.

Я трясую головой, освобождая себя от этих мыслей.

— Пфф, да кто вообще может этого захотеть? — Дрожа говорю я, и он смеётся, его речь испорчена. — Но в любом случае, судя по всему, они не так уж и идеальны, раз, по твоим словам, ты постоянно их убиваешь.

— Не постоянно и не оттого, что они демоны. Лишь потому, что они выводят меня из себя. — Его надоедливая бровь снова поднимается. — Или ты никогда не встречала людей, без которых мир стал бы значительно лучше?

Не хочу об этом говорить.

— Мои друзья никогда не перейдут на другую сторону.

Наши глаза встречаются, и он равнодушно произносит:

— Тогда они умрут.

— Но...

— Спасти их тебе не удастся; всё, что ты можешь, так это не умереть вместе с ними.

— Но...

— Они не позволят охотникам на демонов просто так здесь разгуливать. Думаешь, твои друзья поступили бы иначе, будь у них в заложниках демон?

Я вспоминаю, как борцы безжалостно убивали застывших демонов.

Он снова смеётся, на этот раз с горечью.

— Как минимум, у тамплиеров есть выбор — они могут перестать быть борцами в любой момент. А вот у демонов выбора нет, не после того, как ты продал свою душу, и у полукровок как такового выбора тоже никогда нет. Мы рождены злыми. Мы такими родились, но они всё равно нас истребляют. — Он наклоняет голову, и мне начинает казаться, что он может быть серьёзным. — Как тебе удаётся с ними дружить? Не устаёшь притворяться кем-то другим? Не устаёшь сдерживаться?

Да.

— Нет.

— Это как посадить волка на цепь.

Это действительно так.

— Всё не так уж и плохо.

— Получается, и волка можно приручить. Кто же знал?

Я шиплю на него.

— Меда? Это ты? — шепчет слабый голос. Мой мрачный компаньон перестаёт для меня существовать, и я кидаюсь к решётке, с трудом останавливая себя от того, чтобы к ней прикоснуться.

— Ури?

— Меда? Ты где? — Я пробегаю глазами по темноте. Затенённая груда тел лежит совсем рядом.

— В темнице у демонов — не прикасайтесь к решётке. — Ури не отвечает, но я слышу его паническое дыхание и спокойно добавляю. — Успокойся, хорошо?

— Успокоиться? — пищит он.

— Только представь, как ты будешь рассказывать о своих приключениях одноклассникам. Вот они будут завидовать!

— Завидовать, — повторяет он, но его голос успокаивается. — Почему тебя посадили отдельно?

Я уклоняюсь от вопроса. Арманд это замечает и ухмыляется.

— Джо и Хай с тобой?

— Да.

— Тогда разбуди их.

Я слышу, как Ури начинает вертеться и расталкивает их, зовя их по имени.

— Меда? — теперь со мной говорит Джо.

— Джо, Хай, я здесь.

— Меда, — в голосе Джо слышится паника. — Я не завершила заклинание. Мне надс всего несколько секунд...

Я бросаю взгляд на Арманда и обрываю её.

— Я поняла.

Никаких новых суперспособностей. Они в метрах шести от меня, и между нами ещё одна камера и выступающая стена, частично загораживающая их клетку от меня и Арманда от них.

— Не прикасайтесь к решётке, — добавляю я, на случай, если Ури забыл их предупредить. Я слышу разговор Хая и Джо.

— Мы выберемся отсюда, — доносятся уверения Хая и замечаю, что он не говорит, как именно мы это сделаем.

— Меда, как давно ты проснулась? — спрашивает Джо.

— Всего несколько минут назад. Здесь ещё один заключённый.

— Здесь?

— Да, — подтверждает Арманд.

— Полукровка, — предупреждаю я. Джо демонстрирует своё отвращение, в достаточной степени пропитанное ненавистью, чтобы заставить меня вздрогнуть. — Он-то мне и сказал, не трогать решётку. Сама я даже не пыталась, — добавляю я.

Тут же до меня доносится небольшой взрыв и проклятия Хая. Значит, Арманд не лгал. Вот и хорошо, кроме того, мне даже не пришлось проверять это на собственной коже.

— Трогать решётку определённо не стоит, — заключает Джо. — Что будем делать?

— Умирать? — шепчет Ури, да так слабо, что я едва ли его слышу.

Ответить решается лишь Хай:

— Нет, этого не случится до тех пор, пока я хоть чем-то могу помочь.

Никого это не успокаивает.

Джо подавляет свою ненависть к Арманду в достаточной степени, чтобы засыпать его вопросами. В её тоне всё ещё слышно презрение, но, кажется, её собеседник больше поражен им, нежели обижен. Арманд же в своих ответах очень любезен, но я вижу, как пляшут его глаза. Наши планы на побег кажутся ему шуткой.

Хай пытается прикоснуться к решётке, обернув руки рубашкой, и лишь узнаёт ещё один способ причинить себе боль. Затем он предпринимает попытку обернуть рубашку вокруг решётки и дотронуться лишь до её краёв. И снова находит лишь (чуть менее) болезненный способ. В итоге, он выходит из себя и со всей силы ударяет по ограде. Это, конечно, не помогает, и Хая отбрасывает на другой конец камеры.

Проходят часы.

Я измеряю камеру шагами, словно запертый в клетке тигр. Арманд пытается со мной заговорить, но только меня отвлекает. Так что я не обращаю на него внимание. Тяжелее же игнорировать растущий голод. Он раздирает меня изнутри, подобно живому существу. Сначала крыса, затем кошка, а теперь крокодил, извиваясь, грызёт мои внутренности. Я улавливаю запах взбрызнутого соусом чили манго, горячего жаркого и, самое невыносимое, попкорна — всё это сладкие ароматы душ моих друзей.

От таких мыслей легче не становится. Я сажусь на корточки, убираю с лица волосы и начинаю следить за Армандом. Он смотрит на моих друзей с настороженным взглядом льва-охотника. Парень ловит меня за наблюдением и расслабляется с досадной улыбкой.

Я вышагиваю по комнате, Джо ругается, Хай снова бьёт себя током, на этот раз, надев на руки ботинки. Молчит лишь попкорн. То есть, Ури. Он сидит на полу, скрестив ноги и вперив взгляд в зеркальную поверхность пола.

— Доллар за твои мысли, — говорю я, и он поднимает взгляд.

— А не цент?

— Ты получаешь то, за что платишь.

Ури улыбается, лениво постукивая по полу.

— Я просто думал, что нам не о чем беспокоиться.

— Стоп, да я тебя обокрала, такая мысль стоит всех двадцати долларов. Не расскажешь ли, откуда такие мысли?

— Потому что есть план.

— У тебя есть план? — Он говорит слишком по-философски, чтобы это был просто

план а-ля спрятать-напильник-в-пироге.

— Нет. — Мальчик почти улыбается. — Он есть у Бога.

Проклятье. Он-то мне точно не поможет.

Ури продолжает.

— И ещё я подумал, что...

— Ого, купи один, получи второй в подарок, — дразню его я.

Он не смеётся.

— Не важно, как всё закончится, это того стоило.

— Что?

— Это приключение. Бороться с демонами. Встретить тебя. Стать частью всего этого.

В разговор включается Джо.

— Не говори так, Ури, — обрывает его она. — Мы ещё не на том свете.

Ури впервые не боится противостоять Джо.

— Да, и я надеюсь, что так и будет, но если нет... тогда, и этого было достаточно. — Он встречается со мной взглядом. — Я ни о чём не жалею. Лучше умереть во имя того, во что я верю, чем жить бесцельно.

Если это тот самый план, то, откровенно говоря, я от него не в восторге. Да и сам Ури бы со мной согласился, знай он правду. Правду о том, что всё это ложь. Он думает, что умрёт, пытаясь сохранить маяк, но, на самом деле, он спасёт лишь меня.

Арманд всё знает, и я чувствую на себе его взгляд. Главное — не обращать на него внимания, потому что, клянусь, если он ухмыльнётся, я снесу ему голову с плеч, и плевать, что между нами решётка. Вместо этого я заставляю себя выдавить слабую улыбку для Ури.

— Я тоже ни о чём не жалею.

Самая большая ложь.

— Может, перестанем планировать наши похороны и найдём способ отсюда выбраться? — спрашивает Джо, но её голос обрывается.

В другой части комнаты распаивается дверь.

В самую высокую стену встроена винтовая лестница без перил, высотой этажа в три. Ближе к земле она раздваивается и изгибаясь исчезает в полу. Затаив дыхание, мы все наблюдаем за кружащимися в танце демонами. Шестеро или семеро загадочно прекрасных мужчин и женщин мелькают в одеждах серых, красных и чёрных оттенков.

Они смеются, визжат, и один из них весело шикает на остальных, вся эта компания напоминает пьяных старшекласников, пробирающихся домой поздно ночью. Мы все настороженно стоим, наблюдая за их фривольным, но в то же время грациозным спуском. Я напрасно надеюсь, что демоны продолжат спускаться и пойдут на этаж ниже, так как они этого не делают. Как только они сходят с лестницы, я бросаю взгляд на напряжённого Арманда. Интересно, что если они пришли за ним. Нет, *надеюсь*, они пришли именно за ним. Похоже, они здесь ради веселья, а я не хочу, чтобы хоть один из нас стал их игрушкой.

Они пробираются боком, изгибаются, танцуют среди лабиринта решёток и стен, и проходя мимо, пробегают по ним пальцами. Должно быть, в пустых камерах решётки не подняты. На будущее, надо запомнить. В итоге, наши тюремщики решают разделиться. Те, что слева идут к Тамплиерам, а справа — прямо ко мне и Арманду.

Демоны медлят, хихикая, перешёптываясь и показывая в нашу сторону. Всем им, трём женщинам в бальных платьях и четырём мужчинам в мрачных костюмах, около двадцати лет. Джо встречается со мной взглядом. Она бледнеет и страх добавляет к аромату манго

больше чили. Хай незаметно становится между остальными и дверью. Я задерживаю дыхание; глухой стук сердца отсчитывает время. Одни удар, два.

Даже не знаю, какого решения я от них жду.

В темноте сияют их белые улыбки. Я должна дышать, но не могу; их решение слишком важно. В конце концов, они идут прямо. Ко мне и Арманду. Мои колени трясутся; коктейль и двух противоположностей, страха и облегчения, не даёт спокойно стоять. Я снова встречаюсь взглядом с Джо, прислонившейся к тюремной решётке. Руки Хая лежат у неё на плечах. Глаза Ури широко распахнуты, и даже отсюда мне видно, как он трясётся. Чем прямее он старается держаться, тем больше его силуэт сотрясается дрожью. Джо тянется к нему и яростно притягивает к себе в объятия, чтобы защитить. Никогда не видела никого старше Ури, кто одновременно старался изо всех сил быть отважным героем и прижимался как малыш, спрятав лицо за плечом.

Краем глаза я улавливаю необычайно прекрасную процессию. Кто им нужен: я или Арманд?

Она останавливается напротив моей клетки.

Я.

Я свожу колени и перевожу внимание на своих гостей. В ответ они с любопытством наклоняют головы, словно вороны. Стоящая впереди всех девушка с острыми чертами лица и шёлковыми локонами внимательно меня разглядывает. По скулам рассыпались чёрные стразы, изгибаясь в замысловатые спирали. А совершенно чёрное платье скользит по телу цвета слоновой кости.

— Значит, вся эта суeta из-за тебя. — У неё прекрасный, искусственный голос. Он звучит мягко, словно лёгкий дождь. Кислотный дождь. А мой ответ — засуха, я не произношу ничего.

— Серена, что ты здесь делаешь? — Любезно спрашивает Арманд.

Она резко поворачивает к нему голову.

— Ах! Арманд. — Она слегка наклоняется к нему. — Как тебе клетка? — Она ухмыляется и кружит пальчиками около решётки, но не касается её.

Арманд обнажает зубы.

— Так жалко, — говорит она с наигранным сочувствием, пока её глаза танцуют в восторге от его затруднительного положения. — Может, будь ты хорошим мальчиком, они бы чаще выпускали тебя поиграть. — Остальные хихикают, закрывая руками свои острозубые улыбки.

— Ты не должна быть здесь, — холодно произносит Арманд.

Её брови изгибаются в удивлении.

— Да, Арманд, именно *ты* должен давать *мне* указания, что мне делать, а что нет. — Остальные уже не пытаются скрыть своё веселье и смеются во весь голос.

— Если зи-Хило узнает...

Она громко смеётся.

— Так почему ты ему не рассказываешь? Ой, подожди, ты же не можешь выйти, не так ли? — Она подло ухмыляется. — Бедняжка. — Она плавно двигается ко мне. Арманд делает шаг вперёд, но останавливается. Сейчас он бессилен.

Она внимательно рассматривает моё лицо.

— Такое маленькое симпатичное создание, не так ли? На самом деле, я не удивлена, ведь твой отец... — Она вздыхает в экстазе и прижимает руку к груди. — Но и твою мать я

тоже здесь видела. — Её бледная рука проскальзывает между прутьев, желая дотронуться до моего лица. Я двигаюсь со скоростью света и практически откусываю ей палец. Она отстраняется и недовольно на меня смотрит. Я улыбаюсь и хлопаю глазами.

— Как тебе твои апартаменты? Эти казематы, можно сказать, перешли из рук в руки от матери к дочери. Как мило. — Словно задумавшись, она останавливается, подчёркнуто наклоняя голову и постукивая блестящим чёрным ногтем по подбородку. — Хотя она была вон там, где твои друзья. — Она машет в их сторону. Я замираю, но она раскрывает, почему я нахожусь отдельно от них.

Не хочу, чтобы остальные знали, кто я, даже если мне никогда отсюда не выбраться. Даже если они погибнут. Не хочу смотреть, как меняются их лица, и как дружелюбие сменяется на ужас и ненависть. И тогда бояться они будут *меня*, а не *за меня*.

Хочу, чтобы кто-то оплакивал мою смерть.

— Кстати говоря о твоих друзьях... — Она замолкает, и в её улыбке читается всё то, чего я так боюсь. Моя кровь застывает, пульс ускоряется, а колени подкашиваются. Потоп страха обрушивается на мою пустыню, и я понимаю, что больше не могу молчать.

— Только попробуй к ним прикоснуться... — рычу я, но я боюсь скорее не за них. И её улыбка говорит о том, что она это знает. Безумные фантазии о том, чтобы освободиться из этой клетки и стереть улыбку с её лица, не покидают меня. Ударить, укусить, толкнуть, разорвать, ещё раз разорвать. *Драться*. Но ничего из этого я сделать не могу. Я безнадежно нахожусь в ловушке.

Её улыбка становится шире, и она машет мне на прощание.

— Пока-пока.

Я тяжело дышу от ненависти. И страха.

Очень медленно они подходят к клетке моих друзей, насмехаясь над нами и давая нам время подумать о том, что скоро произойдёт. Серена бросает взгляд через плечо (на меня), упиваясь моей ненавистью, страхом и беспомощностью. Арманд произносит моё имя, но я не обращаю на него внимания. По его тону понятно, что никакого плана у него нет, а мягкие нотки просто пытаются меня успокоить. Абсолютно бесполезно.

Демоны нюхают воздух, одобрительно переговариваясь, и их движения становятся более энергичными. Ищейки взволнованы запахом. Они начинают танцевать вокруг клетки и, к моему удивлению, дотрагиваться до неё. Я смотрю на Арманда.

— Клетки тамплиеров предназначены для тамплиеров, а не демонов, — его голос напряжён.

Решётка не спасёт моих друзей. От ужаса моё дыхание становится ещё тяжелее. Я судорожно сглатываю.

Хохочущие демоны просовывают руки между прутьев, чтобы ущипнуть, ухватить и царапнуть. Для них это игра. Должно быть, клетка также истощает моих друзей, потому что они не успевают, и им не удаётся увернуться от всех рук. Когти расцарапывают руку Джо, и я кричу вместе с ней. Что-то щёлкает внутри меня, и я яростно кричу, но всё что я могу делать, так это быть частью этой какофонии. Я закрываю глаза и падаю на колени, только чтобы снова их раздвинуть, и ползу вперёд. Я не могу на это смотреть, но и не могу ничего сделать.

По чёрному стеклянному полу разбрызгивается кровь, и у демонов сносит голову. Они визжат, прыгают, танцуют. Один из них хватает Хая и толкает его к решётке. Джо пытается его спасти и попадает в ловушку. Демоны прижимают их к электрической решётке, где Хай и Джо не могут ничего поделать и лишь корчатся и истекают кровью.

Демон со слишком яркой улыбкой берётся за ручку камеры, и та открывается. Трое демонов проникают в маленькое пространство. Ури сражается, но это не имеет смысла.

Они вытаскивают Ури. Я перестаю дышать.

Демоны закрывают за собой дверь. Вернуть его в камеру не входит в их планы.

Они отпускают Джо и Хая, и те падают на пол, но не на долго. Они вскакивают на ноги бросаются вперёд и кричат, прикасаясь к решётки, и испытывая один шок за другим. Все мои шоки спрятаны внутри. Невидимая рука ползает по моей груди, разрывая на части сердце. Оно сжимается, как резиновая игрушка, издающая искажённые звуки протеста. Больно давит, мягко кусает, превращая в мятую кашу. Оно было слишком ласково и молодо, но ему не дали возможности.

Ури перестаёт сражаться и смотрит на меня. Его слишком взрослый взгляд не даёт мне сдвинуться с места, и я замираю, когда он произносит одними губами:

— Ни о чём не жалею.

Моё сердце снова начинает болезненно биться. Покалеченное, покоробившееся, слабое сердечко, которое будет биться ради него, ради последних минут его жизни.

— Отправь их в ад, — произношу я в ответ. Ури улыбается, а затем начинает неистово царапаться, пинаться и драться. Демон кричит от боли и отпускает его. Тем не менее, они спускают Ури с лестницы, поспешно сбегая вниз со своим маленьким призом, словно муравьи, несущие свою ношу.

Слышать крик Ури ужасно.

Но ещё хуже, когда он замолкает навсегда.

Глава 18

Мир потускнел. Единственное, что я слышу — не стихающий шум океана. Зияющие промежутки, где должно быть мое сердце, потемнели. Я пытаюсь просунуть ладонь в один из них, но чувствую лишь сплошную стену.

— Меда! — шепчет голос, возвращая миру резкость. — Меда!

Я моргаю. Камера передо мной обретает четкость. Я смотрю вверх и вижу себя в отражении потрескавшегося потолка.

— Я сказал тебе, не прикасаться к прутьям!

Это Арманд.

Я смутно припоминаю, как бросаюсь на решётку, пытаюсь дотянуться до Ури. До моих ушей доносится истошный плач. Не мой. Я не могу пошевелиться. Кое-как приподнявшись, я сажусь и трясую головой, пытаюсь избавиться от шума моря. Плачет Джо. Изогнувшись на полу камеры, она отбивает ритм мрачной мелодии, известной только ей. Хай сдерживается. Но только сейчас я замечаю его мертвый взгляд и застывшие дорожки слез на щеках. Джо кричит изо всех сил. Это выводит Хая их транса. Он садится рядом с ней и пытается обнять. Джо с ненавистью отталкивает его, от чего тот падает на пол, а сама она вскакивает на ноги.

— Тебе ещё не хватило *приключений*?! — кричит она.

— Джо... — Хай поднимается и подходит к ней.

Но Джо снова отталкивает, а затем и бьет его. Хай с легкостью уворачивается. Спрятав лицо в ладонях, Джо делает пару неуверенных шагов назад. Затем она снова встречается с ним взглядом.

— Вот этого ты хотел, да?

Ее глаза наполняются горькими слезами.

— Он был ребенком! Он никогда не должен был оказаться здесь. Да и нам тут не место!

— Джо налетает на Хая, спотыкается и падает прямо в его объятия. Но даже так она не оставляет попыток ударить его. Хай обхватывает ее руки — но не для защиты, а просто чтобы удержать. Ярость Джо растворяется в слезах. Они ручейками текут по ее лицу, словно стремясь убежать от яростного потока горя, наводнившего ее сердце. Я не вижу лицо Хая. Он прячет его в волосах Джо. Его широкие плечи вздрагивают. Джо и Хай плачут в объятиях друг друга.

Я же в камере одна.

— Может быть, он еще жив... — шепчет Хай, прижимая Джо еще крепче.

— Нет, — говорит Джо. Жизни в ее голосе не больше, чем в теле Ури. Только сейчас она наконец нашла в себе силы взглянуть правде в лицо.

Все верно. Ури мертв, а я вижу, как его душа, свободная от жизни, поднимается по сияющей лестнице, свет от которой ранит мои демонические глаза. Лицо Ури медленно рассыпается, пока он смотрит на Джо и Хая. Он делает шаг им навстречу, останавливается, наклоняет голову, словно кто-то что-то шепчет ему на ухо, и улыбается. Перед тем как исчезнуть, подобно фейерверку, и воспарить к Небесам, он оборачивается ко мне и небрежно машет рукой на прощание.

Сияние души Ури исчезает, а для меня наступают самые темные часы.

Когда двери снова открываются, я понимаю, что за мной пришли. Шестеро демонов совсем не похожи на предыдущих визитёров, больше напоминавших компанию непослушных подростков. Эти трусливо молчат. Джо и Хай ругают их последними словами. Но с тем же успехом на их месте могла бы быть пара древесных лягушек, на которых никто не обращает внимания. Когда демоны подходят к моей клетке, я готова встретить их. Во мне закипает ярость. Я рычу и шиплю, готовая к атаке. Ненависть, которая накопилась во мне, ищет выход. Но один из главных машет рукой, и я цепенею. Я ничего не могу сделать, пока они сковывают мне руки за спиной и вытаскивают из клетки. Как только я оказываюсь за её пределами, демоническая сила наполняет мои вены и возвращает способность двигаться. Но сколько я не пытаюсь избавиться от оков, у меня ничего не выходит. Я беснуюсь, лягаюсь и кричу. Арманд встречается со мной глазами.

Сдайся — вот что говорит его взгляд. В ответ я лишь широко улыбаюсь.

Демонский эскорт ведёт меня по извивающимся лестницам. Руки демонов сжимают предплечья, а когти впиваются в кожу. Я извиваюсь, надеясь хоть кого-нибудь сбросить с этой лестницы. Я жажду увидеть, как череп этого бедолаги разобьётся об камни. Но демоны крепко меня держат. На вершине лестницы длинный коридор, но я понятия не имею, куда он ведёт, так он петляет и извивается, напоминая змею. Упирающиеся в потолок арки похожи на кафедральный собор. Они поддерживаются с помощью каменных колонн, украшенных яркими фресками. Всё вместе это напоминает мрачную версию Сикстинской Капеллы. Факелы освещают пространство вокруг, драматически подчеркивая одни детали, в то время как другие остаются в тени. Я не рассматриваю фрески, но беглый взгляд то и дело выхватывает прекрасных монстров, языки пламени и корчащихся в муках людей. Но самая необычная деталь это клыки.

Наш коридор разветвляется на несколько более мелких. Сквозь арочные проходы можно увидеть комнаты с высокими потолками. Моя малоуважаемая охрана копошится рядом. Наши шаги эхом отдаются от гранитного пола, как барабанная дробь — бам-да-да — перед

казнью.

Мы поворачиваем в другой тоннель, который чуть поменьше остальных. Коридоры, похожие как две капли воды, все тянутся и тянутся. Они петляют, опускаются и поднимаются, словно делая всё возможное, чтобы запутать меня. И все же я пытаюсь запомнить их, если вдруг получится сбежать. Наконец мы подходим к коридору, который отличается от других. Кажется, это маленькое прямоугольное помещение высекли прямо в камне. Стены грубые и более рыхлые, и походит больше на пещеру, нежели на коридор. Оно постоянно клонится вниз, а воздух становится прохладнее.

В самом низу обнаруживается покрытая ржавчиной металлическая дверь, в центре которой есть небольшое окно. Один из демонов, андроген с подведёнными глазами, наряженный в строгий костюм, извлекает из кармана металлический ключ в виде скелета и распахивает дверь. Она сдвигается, открывая взгляду длинный каменный тоннель. Я не могу разглядеть, где он кончается.

Я начинаю вырываться еще отчаянней. Бесполезно. Их шесть, а я одна. Но я не из тех, кто легко сдаётся. Я изгибаюсь и ударяю демонессу по носу. Ее нос хрустит, а сама она начинает визжать. Я смеюсь. И не собираюсь останавливаться, даже если этот смех будет последним в моей жизни. На месте демонессы появляются два других демона и вталкивают меня в тоннель. Я тяжело приземляюсь на связанные ладони, пока демоны захлопывают и запирают дверь. И снова я под замком.

Я шевелю рукам и понимаю, что оковы исчезли. Они просто растворились. Демоническая магия в деле. Я вскакиваю и всем весом ударяю в дверь. Я толкаю её, как могу, но она не поддается. Я кричу на своих сопровождающих, но они остаются бесстрастными. Я оглядываюсь в поисках другого выхода. В конце туннеля бесконечная тьма смягчается завесой света.

У меня нет ни малейшего желания идти туда. Это явно плохая идея, но выбора мне не оставляют.

Сейчас я слышу голоса. Они шепчутся, бормочут и визжат. Это толпа — не люди, а сборище демонов — ждет именно моего появления. Что бы они ни запланировали для меня, это явно будет публичным спектаклем.

Я стискиваю кулаки и думаю про Ури. О да, я устрою им шоу, которое они никогда не забудут.

Я двигаюсь к завесе. С каждым шагом моя одежда исчезает. Окровавленная рубашка и порванные джинсы сменяются пышной чёрной мантией, свисающей волнами позади меня. Как и у всего здесь, её красота тёмная, свободная и неправильная. Шёлк, мягкий на ощупь, скользит по телу. Металлические заклепки украшены бусинами. Сетчатый подол неровный — порванный, а не обрезанный. Я смотрю сквозь маленькую вуаль, прикрепленную к шляпке, вроде тех, что носят на похоронах. Её нельзя назвать неуместной, но покойники такое точно не носят. Глухой от моих кроссовок по обсидиановому полу сменяется цоканьем каблуков. Я не спотыкаюсь. Я слишком сильна, слишком грациозна благодаря энергии демона, наполнявшей меня. Я стала жертвенным ягненком, приготовленным для церемонии. Но я — не ягненок, и вот почему никогда не существовало "жертвенного волка". Сердце колотится. Моя темная сторона отбрасывает прочь жертвенность и сосредотачивается на начале волка.

Я достигаю конца тоннеля и останавливаюсь. Мой Голод готов к кровавой бане, но какая-то часть меня ещё сопротивляется. Должно быть, с той стороны последовал сигнал —

я слышу, как затихла толпа. Среди наступившего безмолвия я слышу только сердцебиение и резкое дыхание. Моё собственное. Я думаю про Ури. Мысли о мести помогают мне успокоиться. Я умру, но они за всё заплатят.

Занавес распахивается для последнего действия.

Свет тухнет, и толпа начинает шуметь. Они топают, кричат и свистят. Я моргаю, чтобы глаза приспособились к темноте. Я стою на громадной сцене посреди арены. Меня окружают трибуны в несколько ярусов. Они кишат сотнями демонов, напоминающих черно-белое море с проблесками красного. Пол украшен замысловатым узором из чёрного, серого и белого мрамора. С дальней стороны арены в эбонитовом троне восседает красивый мужчина, которого я видела раньше. Ему около сорока, у него выдающийся подбородок и пышная шевелюра, как у молодого. Даже расслабленный, он выглядит уверенно и держится как человек, который всегда получает то, что хочет. На его висках я замечаю элегантные белые полосы, а на голове у него стальная корона, украшенная обсидианом, которая изгибается и устремляется в потолок. Когда я подхожу, он встает и делает шаг мне навстречу. Его чёрное шелковое одеяние колышется перед ним. Он притягивает, ослепляет.

Я припадаю к полу и рычу. Я снесу его коронованную голову с плеч.

Он останавливается в паре фунтах от меня и разводит руки в стороны.

— Добро пожаловать домой, дочь.

Толпа безумствует.

Не совсем то, что я ожидала. Меня это застаёт врасплох, и я поднимаюсь. «Дочь»? Я шепчу это слово, сама того не желая. Я разглядываю лицо мужчины. Но кроме белоснежной кожи и чёрных демонских глаз ничего похожего на меня не нахожу. Он улыбается. Я улыбаюсь так же? Не знаю. Он мой отец. У меня есть отец. И он убил моего друга.

Ури.

Не мой отец, просто донор спермы.

— Мы довольно долго тебя искали, — усмехается он неодобрительно.

А я непослушная девчонка, да, папочка?

— Как ты нашёл меня? — спрашиваю я, чтобы потянуть время. На самом деле мне плевать, как он это сделал. Так или иначе, я здесь.

— Твоя кровь. Халь-Карим попробовал ее в ночь, когда вы встретились.

Победивший меня демон. Неужели это было всего несколько дней назад?

— Запах крови улетучился, как это бывает, и мы потеряли тебя. Пока ты не показала себя в ДК. — Он улыбается. — Это судьба, что ты пришла сюда, пока мы можем чувствовать тебя.

Судьба или глупость.

— Ты похитил меня.

— Нет, ты не пленница. Ты — наш гость.

Он выразительно машет рукой, и толпа начинает что-то бормотать.

— Ах, да, вышло недоразумение с комнатой с решетками. Ты всех гостей устраиваешь в подземелье?

Он хихикает.

Я такая милашка. Он приподнимает свои идеальные брови.

— А ты бы осталась в противном случае? — *Нет.* — Дай мне шанс всё объяснить.

— Ты убил моего друга.

Моё сердце — памятник Ури. Его имя вырезано на нём. К моему удивлению демон

хмурится и качает головой.

— Мне жаль. Я не знал, что они запланировали.

Его взгляд смягчается настолько, насколько позволяют его тёмные глаза.

— Но ты должна понять, он убил друзей тех, кто убил его. Ты знаешь, как тяжело бывает порой не осуществить месть.

О, я знаю. Я вонзаю свои ногти в ладони.

— Они хотели прикончить твоих друзей сразу же после того, как поймали. Но я остановил их, как только нашёл. — Он скалится. — И они наказаны.

Он не дал им убить Хая и Джо? Почему?

— Почему? Я думаю это и так понятно, Меда. Я не хочу делать тебе больно. Ты принадлежишь нам, своей семье. Своему виду.

Я думаю про Ури. Я понимаю, что двигало демонами. Я же борюсь с этим. Меня не волнуют другие. Мне больно, что мой друг мертв. Я понимаю их, но мне плевать. И я всё ещё злюсь.

— Нет.

— Нет, Меда? Тогда кому ты принадлежишь?

— Народу моей матери.

Но и это неправда. Я не принадлежу никому.

— Здорово познакомиться с тобой в конце концов, Модник, но ты немного опоздал.

— Меда, — он потряс головой, — я никогда не бросал тебя, я даже не знал о твоём существовании. Его прекрасные глаза молят о понимании. — Она не сказала мне. Она просто скрыла это от меня, когда... — его губы дрожат, — когда она получила то, что хотела. Мы нашли тебя только около двух лет назад. С помощью дьявольской силы было уничтожено одно место, и это заинтересовало нас. Там был твой дом, Меда. Я узнал Мэри... и тебя. И с тех пор не переставая искал тебя.

Они искали меня в течение двух лет? Тут я наконец все понимаю. Вот, что нужно было демонам. На какую-то долю секунды я задумываюсь, он искал меня потому, что я его дочь или потому, что я наполовину Тамплиер?

А потом вспоминаю, что это не важно. Даже если бы он дал свою руку на отсечение ради меня, в моем отношении к нему ничего не поменялось бы. Именно мама всегда была для меня путеводной звездой. Она бы не захотела, чтобы я осталась с ним. Поэтому она годами прятала меня.

— Нет.

— Меда, ты принадлежишь нам. — Теперь его голос более строгий, словно он объясняет что-то ребенку. — Конечно ты это знаешь. Вся твоя натура кричит об этом. Не заставляй меня напоминать тебе.

Напоминать мне?

Внезапно я чувствую, как Голод вспыхивает внутри меня. Только однажды я чувствовала его так остро. Он пульсирует в венах. Крокодил, снующий под кожей, превратился в дракона. Единственное, о чём я могу думать, это зверский голод, разрывающий меня. Кожа не может сдерживать этого, а разум не в состоянии остановить. Боль заставляет меня выгибаться. Локти не двигаются, а колени обращаются в камень. Боль проносится по нервным окончаниям, заставляя пылать каждый сантиметр кожи. Я бы содрала ее, если бы это помогло избавиться от боли.

Но зи-Хилу нужна была самая малость.

— Моя любимая дочь, не заставляй меня уговаривать тебя таким образом.

Огонь исчезает. Так же быстро, как гаснут свечи. Я чувствую слабость и задыхаюсь, но, по крайней мере, больше не хочется избавиться от собственной кожи.

После огня, пожирившего моё тело, голос отца кажется успокаивающе-прохладным.

— Ты можешь сказать мне, что ты не одна из нас. Но Голод не даст тебе соврать.

— Станный... — мне не хватает воздуха, — способ показать свою заботу, Модник.

Боль всегда выводит меня из себя.

— Меда, ты должна помнить, кто ты такая. Ты не одна из них. — Он складывает руки за спиной и обходит меня, оставаясь недосягаемым. Умно. Я отворачиваюсь, выражая всё свое презрение, но уголками глаз продолжаю следить за ним.

Его голос из по-отцовски строгого стал завлекающим, как у бродячего торговца.

— И ещё, Меда, мы можем избавить тебя от Голода. Навсегда. Ты больше никогда не будешь его рабыней.

Я не выдерживаю и смотрю на него.

Он улыбается.

— Все здесь живут за счёт источника. Это напрямую связано с жизнью после смерти. Мы всегда сыты, не чувствуем боли или нужды. Нам незачем убивать. — В уголках его глаз собираются морщинки. — Правда, иногда мы не можем удержаться.

Толпа смеется.

Есть, есть, есть. Одно слово танцует в моей голове. Боль, заставляющая кричать, исчезла. Но Голод — нет. Да, он стих, но всё ещё обжигает.

— Меда, если ты не присоединишься, мы не сможем отпустить тебя. Ты слишком опасна. — Он замолкает. — Но я бы никогда не смог убить свою дочь.

Я дрожу. Его слова — одно, а намерения — совсем другое. Я навсегда застряну здесь. Папочка — хитрый оратор. Он показал мне, как я буду страдать взаперти, без источника «пищи». И, конечно, я не смогу справиться с этим. Я присоединюсь к ним, чтобы эта мука закончилась. У меня нет другого выбора.

— Нет. — Это глупое слово вылетает у меня против воли.

— И почему ваш вид такой упрямый?

Я не отвечаю ему. В конце концов, я ни чем ему не обязана, кроме набора хромосом. Когда-нибудь он всё равно поймет почему.

— Дело в твоей матери, не так ли? Она настроила тебя против меня.

Я ухмыляюсь. Это звучит так, будто он обычный разведённым папашей, сетующим на бывшую.

— Меда, я не хотел говорить тебе этого, но... — Он огорченно трясет головой и машет рукой. Я инстинктивно отшатываюсь.

— Меда, я не собирался причинять тебе боль. — Его удивляет моя реакция, будто я могла знать о том, что он не причинит мне вреда. Я пытаюсь собраться с мыслями, чтобы дать ему достойный ответ. Но его следующие слова избавляют меня от этого. — По крайней мере, не физически.

Мне не понравилось то, как он это произнес.

Мое внимание привлекает непонятное движение над его пустующим тронem. Вниз спускался прикрепленный тросами к потолку экран. Некоторые демоны хлопают в ладоши в предвкушении зрелища, которое должно было начаться. Кто-то из них скулит, в то время как другие снуют по рядам в поисках лучшего местечка. Они двигаются, а их шелка и сатин

сияют даже при плохом освещении. Мой отец вскидывает руку, мгновенно заставляя их замолчать и успокоиться.

— Я думаю, здесь есть кое-что о твоей матери, что ты не знала, — говорит он мне. — Она гостила здесь восемнадцать лет назад. Она попалась, поддавшись обаянию инкуба. — Он указывает на себя, а затем морщится. — Или мы так думали.

Что он говорит? Моя мама не спала с ним? Я не полу-демон?

— Ее никто не очаровывал. Она *соблазнила* меня.

Он замолкает, давая мне время переварить информацию. Напрасная трата времени. Я никогда не поверю в это. Мама? Соблазнила демона? Бессмыслица.

Он продолжает:

— Ей было интересно, что случится, если у нас появится ребёнок. Она всегда интересовалась наукой, знаешь ли. — Как будто я не знаю свою маму. — Древний научный спор: природа или воспитание. У неё была гипотеза: ребенок Тамплиера и демона может выбрать сторону света. Демоническая сила такого ребенка может стать решающим оружием в битве добра и зла.

Он смотрит на меня, и я понимаю, что неосознанно качаю головой. Я не научный эксперимент. Мама любила меня.

— Не веришь мне? — Он снова выглядит грустным, будто и вправду сожалеет о том, что разбил мне сердце. — Когда здание было разрушено, я послал людей для расследования. Они нашли в библиотеке это. — Он указывает на экран.

— 4 апреля 1999, — начинает она профессиональным тоном. — Объекту четыре года и одиннадцать месяцев. Рост 112 сантиметров, семьдесят пятый перцентиль, вес восемнадцать килограмм, пятидесятый перцентиль, отличная координация, но никакого физического проявления силы демона или Тамплиера. — Дальше она говорит про питание, сон и двигательную активность. — Потом делает глубокий вдох и продолжает:

— Наблюдается задержка социализации. Риск вынудил меня закончить эксперимент раньше. После четырех дней в дошкольном заведении у объекта наблюдался необычно высокий уровень агрессии по отношению к одноклассникам.

Это лицо моей матери. А объект, о котором она рассказывает, это я. Я мотаю головой. Не хочу верить в это. Это не домашнее видео про любимого ребенка. Это — хроника научного эксперимента.

Отец переключает на другой ролик.

— Объект благосклонно реагирует на нежные прикосновения, однако не отвечает на них и не проявляет инициативы со своей стороны. Увеличим усилия и посмотрим, научится ли объект проявлять привязанность. — Я смотрю, как знакомо двигаются ее губы. Это мама, какой я ее помню, а не та смеющаяся девчонка из храма Тамплиеров. Но в то же время я совсем не знаю эту женщину.

Запись снова сменяется.

— 17 августа, 2003. Объекту восемь лет и три месяца. — И снова она озвучивает поток скучной информации. В ее глазах мелькает напряжение. — Объект демонстрирует наличие сверхъестественных сил, но только как Тамплиер. Двенадцать раз поднимает груз весом в тридцать шесть килограмм. Так же объект пробегает один километр за две минуты и двадцать семь секунд. — На мгновение она замолкает, а после снова начинает говорить: — Это быстрее мирового женского рекорда.

Кожа объекта была взята на анализ удельного веса металла; так или иначе, ее ногти и

волосы все еще человеческие. Объект испытывает сильный голод, поэтому я увеличила ее рацион до 2200 калорий в день. Я опасаясь, что у неё аппетит демона. — Она прикусывает губу. — Неделью назад исчезла соседская собака, что совпало с внезапным приступом голода у объекта.

Она была не первой кого я съела, но тогда я впервые попалась.

Отец снова переключает видео, и я закрываю глаза. Я больше не хочу смотреть на это, но продолжаю слышать.

— 14 июня, 2004. Объекту девять лет и один месяц...

— Перестань!

Запись останавливается, но не мои мысли.

Долю секунды я думаю, что это, как обычно, какая-то дьявольская уловка. Я отчаянно надеюсь на это. Но мои надежды растворяются под гнётом реальности. Все факты, что озвучила моя мама, правда. Они бы не смогли все так подстроить.

Я считала маму жертвой изнасилования. Думала, она любит меня, преодолевая отвращение. Но всё было не так. Я всего лишь проект, оружие Тамплиеров. Как я могла не видеть, на что они готовы пойти, чем готовы пожертвовать? Для них нет ничего важнее, чем победа над демонами. Даже собственный ребёнок. Этих людей растят для боя.

Боль захлестывает меня. Моя человечность исчезает. Я была лабораторной крысой. Все было ложью.

Объект не отвечает на ласку. Увеличим усилия и посмотрим, научится ли...

Я моргаю. Лабораторная крыса не виновата, что ученный был неосторожен и позволил себя укусить. Моя мама была хуже гнилушки. Раньше мой разум дрейфовал среди океана безудержной ненависти.

Но теперь я свободна.

Наполовину человек, наполовину демон.

Абсолютно добрых людей не существует, не так ли? спрашивал Арманд.

Нет. Я унаследовала всё самое ужасное с обеих сторон моего генеалогического древа. Настало время освободить это.

Я выгибаюсь, раскидываю руки и кричу. Я не могу больше сдерживаться, крик вырывается наружу. Я не должна просто стоять и терпеть всё это.

Толпа снова аплодирует и гудит, выражая одобрение. Они хотят этого. Возможно, даже больше, чем я. Для меня это способ сбежать от боли; для них — будущее, которое грядёт. Они ожидают, какую же команду выберет звёздный игрок.

Я кружусь под их топот и визг. Ненависть и ярость наполняют меня. Голоса демонов словно музыкальное сопровождение моего предательства. Я не любимая дочь своей матери, я — папина девочка. Я — принцесса Ада.

— Теперь ты видишь, Меда? — спрашивает отец, и его глаза сияют. — Все было ложью. Будь той, кем ты должна быть. — Отец машет рукой, и появляются четверо демонов, которые ведут из тоннеля двух людей с завязанными глазами. Я чувствую их запах еще до того, как вижу. Я чувствую их сущности, их души. Потому что я наконец признала себя. Я — демон, и я голодна.

Люди кричат и вырываются, их страх наполняет воздух. А их ненависть лучшая приправа. Я буду купаться в их криках и распишу стены их кровью. Хотелось бы мне, чтобы мать увидела меня сейчас, и поняла, что ее эксперимент полностью провалился.

Толпа скандирует:

— Меда, Меда...

Их подстегивает боль и ожидание того, что должно произойти. Жажда крови пьянит этих чувственных созданий, заставляя их кружить и снова почти в сексуальном возбуждении. Они напоминают угрей в омуте. Я склоняюсь и скольжу вперёд. Мой дорогой папочка ликует. Он вскидывает руки, подстегивая ажиотаж толпы.

Люди прикованы к двум обсидиановым плитам, которые медленно скользили по направлению к центру, ко мне. Эскорт отступает назад на пару шагов, расчищая пространство между мной и людьми.

Мой отец снова вскидывает руки, и на зал опускается тишина, но я все ещё чувствую неистовую энергию. Демоны замирают в своих креслах. Я смотрю на их оскаленные нетерпеливые лица. Я вижу в них сотни отражений себя.

— Меда, прими дар и докажи свою преданность, — говорит отец.

Папочка, а ты умеешь порадовать!

Я размерено двигаюсь вперёд. Люди пытаются бороться со своими оковами, отдавая все силы. Они избавились от повязок. Хорошо. Теперь мы всё видим.

Что-то бьется в моем разуме, сражаясь с сумасшедшей яростью. Это напоминает легкие прикосновения крыльев бабочки.

Но меня не волнуют бабочки. Я обнажаю свои когти, хотя со стороны может показаться, что это просто слабая человеческая рука, обхватившая подбородок женщины. Я упиваюсь ее страхом, когда неожиданно ловлю её взгляд.

Крылья бабочки хлопают, и я наконец понимаю, что пыталось сказать мне прекрасное существо.

Я знаю, чьи это глаза. Джо.

Нахлынувшая волна гасит огонь, оставив меня дрожать от холода.

— Меда, что происходит? — Джо напугана, она вертится, пытаясь вырваться. Ее страх волной накрывает меня, и потухший уже было огонь готов вернуться. Я отступаю назад, чтобы сдержаться. — Меда?

— Меда? Что такое, дорогая? — Это отец. — Толпа шипит и свистит, но отец успокаивает её легким взмахом руки. Я делаю ещё один осторожный шаг назад. Животная часть меня, часть, которая уже почти праздновала победу, снова бьется взаперти. — Меда?

— Меда? — Хай.

— Меда? — Джо.

Они все хотят ответов. Отец думает, что я победила. Джо и Хай не понимают, что происходит. Они хотят ответов. Но у меня их нет. Я проиграла. Я смотрю в покрасневшие от слез глаза Джо и в разочарованные Хая. Мне нечего им сказать.

— Меда. — Голос отца приобрел командный тон. Он как будто заставлял меня съесть нелюбимые овощи. — Это будет доказательством твоей верности, — говорит он.

Я никогда не слушаюсь чужих приказов.

— Они мои друзья... — Язык стал тяжелым, а голос хриплым.

— Нет, Меда. — И вот он снова любящий папочка, желающего своей девочке только лучшего.

— Да, мы ее друзья, вонючий ты дьявол...

Один из демонов заставляет Джо замолчать. Не самым мягким способом.

— Нет. Они даже не знают, кто ты такая. Как они могут быть твоими друзьями?

— Вот так. — Хай дерзит и геройствует, хотя и дрожит от страха.

— Я не знаю, что здесь происходит, но...

— Сказать им, что происходит, Меда? — спрашивает отец. — Толпа одобрительно ревет. Он машет рукой, и экран оживает. Мы с мамой изучаем комнату.

Нет.

Я скрещиваю ноги, боясь, что иначе упаду.

Нет! Но мой рот открывается и закрывается, не издав ни звука.

— 15 мая 2009 года. Объекту четырнадцать лет и одиннадцать месяцев.

Я кричу и бросаюсь вперёд, пытаюсь остановить то, что должно было произойти. Я не могу наблюдать за этим, не могу терпеть. Демоны, о которых я даже не знала, тянут меня назад. Это пара из эскорта Джо и Хая. Теперь они держат меня.

— Меда, что происходит? — Голос Хая дрожит.

Я не отвечаю. Просто не могу. Лицо на экране продолжает говорить, описывая возможности полу-демона, полу-Тамплиера.

— Тебе нужно это увидеть, вспомнить, что ты такое, — продолжает мой отец.

— Я наполовину человек. — Я цепенею, пытаюсь объяснить

— Наполовину... Меда. — Хай все ещё не понимает. — Тамплиеры — люди.

До Джо начало доходить.

— Меда, кто это такая?

Она уже знает, но я всё равно отвечаю:

— Моя мама. — Я не смотрю на Джо. Не хочу.

Спокойный и утешающий голос моего отца пререзает тишину:

— Ты не одна из них, но мне кажется, ты это знаешь. — Я не смотрю на экран. Так или иначе, наша игра ещё не окончена. Глаза отца полны понимания. — Может это и весело, притворяться. Мы все бываем человеческими время от времени. Но это не по-настоящему. Это не навсегда.

— Я наполовину человек, — повторяю я.

— Я не говорю о твоей родословной. Я говорю о личности, душе. Некоторые просто... тёмные, Меда. Большинство из этих демонов были людьми. — Он указывает на толпу, и она гудит в знак подтверждения. — Но теперь их души навсегда принадлежат этому месту. Потому что они способны на ужасные вещи. Они не неправы, Меда. То, что ты делаешь и хочешь делать, вполне нормально. Здесь.

Джо и Хай кричат. Охранники быстро заставляют их замолчать, и мы возвращаемся к просмотру домашнего видео.

Мама продолжает. Её тон жесткий и профессиональный.

— Объект заинтересован во взаимодействии с другими людьми. Я думаю, она... одинока. — Она на мгновение замолкает и опускает взгляд, но затем ученый в ней берет верх. Она прочищает горло. — Человеческие эмоции достойны похвалы. Я надеюсь, мы сможем победить её тёмную сторону. Надеюсь, ей можно будет взаимодействовать со сверстниками. До этого она была слишком молода. Дети не контролируют себя. Но в этом возрасте объект уже достаточно взрослый для...

Отец перематывает видео вперёд.

— У объекта не было доступа ко второму источнику питания в течение пяти недель. Но мне не сдержать её без дополнительных ограничителей. — Отец снова перематывает. По всей видимости, он ищет что-то. В быстрой перемотке моя мама подносит маленькую меня к экрану. Джо догадалась обо всём. Ответы на ее вопросы находятся на экране. Я была

маленькой, пухлой девочкой с сияющими волосами, но всё-таки...

Мама говорила со мной, она не притворялась. Ей не нужно было. Я помню. «Мы должны победить это, Меда. Ты сможешь. Оставь все прошлое». И прочая воодушевляющая чепуха. Можно подумать, зло, таящееся во мне, просто вредная привычка вроде курения. А я — Паровозик, который смог. Я пытаюсь отбиться от неё и выйти за дверь. Мама держит меня и умоляет, а я продолжаю вырываться. Затем я сдаюсь. Я всегда выполняю её просьбы. Она была моим миром.

Отец объясняет:

— Мне нужно перемотать немного вперед, это займет какое-то время.

Три дня. Это заняло три дня. После двух я молила маму приковать меня к стене, чтобы я не разорвала ее на части. Она поддалась и сделала это. Это мы и смотрели.

В конце концов цепи не удержали меня.

Кто-то кричит и молит остановить пытку. Боль в горле подсказывает, что это я.

Я прошу его не заставлять меня смотреть.

На видео я бьюсь в оковах, и, словно в отражении, я сейчас вырываюсь из рук, державших меня.

— Пожалуйста! — кричу я. —

Я-на-видео выдернула цепи из стены и рванула в укрытие матери.

Отец нажимает на паузу. Если бы я только могла остановиться в реальной жизни и просто навечно остаться с ней!

— Хорошо, Меда. Но скажи нам, что произойдет. Расскажи друзьям, что ты сделала. — Что угодно. Пожалуйста, что угодно, чтобы не говорить этого! Но скрыть правду не было ни малейшей возможности.

— Я убила её, — шепчу я, а внутри меня, словно все умерло.

— Как? — спрашивает отец.

— Разорвала на мелкие части.

Я слышу, как кричащей Джо затыкают рот рукой. Гремят сдерживающие ее цепи.

— Меда, — шепчет мой отец. — Он выдыхает. Я вглядываюсь в его темные дьявольские глаза. — Твое место здесь, разве ты не понимаешь?

— Понимаю.

— Твоя мать не любила тебя. Избавься от вины, прими себя такой, какая ты есть.

— Я демон.

— А твои друзья... — Он замолкает, и мы оба оборачиваемся к Хаю и Джо. Демон освободили их, и Хай начинает тараторить, равнодушный ко всему, что только что увидел:

— Меда, не слушай их. Ты не такая, как они. Ты — хорошая.

Хай, глупый Хай.

Отец хватается за голову и вставляет в рот кляп. Папочка не хочет слушать воодушевляющие слова Хая. Как будто это как-то повлияет на меня. Папочке не стоит беспокоиться. Доверие Хая ничего не значит, оно ничем не поможет. Он слепо верит мне. Хай не видел меня, в отличие от Джо.

Я встречаюсь с ней взглядом. Её глаза пылают алой ненавистью. Она контролирует свой голос, и я понимаю почему. Она потеряла последнюю капельку надежды. Она спрашивает у меня, пытаюсь не пересекаться взглядом:

— Ты все это знала?

Какой смысл врать? Я резко отвечаю:

— Да.

— Те дети в школе умирали ради тебя. Ты убила их. — Она не может принять этого, не может поверить.

Если по обе стороны моего генеалогического древа монстры, то какой мне смысл противостоять? Мы просто ищем доказательства того, что я проиграю. Не важно, кто или что будет на кону.

Я улыбаюсь во все зубы.

— Косвенно, но можно сказать и так.

Черное солнце всходит в душе Джо. Она произносит самое последнее, самое ужасное обвинение. Она смотрит мне в глаза. Её взгляд молит, чтобы я солгала.

— Ури умер ради тебя.

Мое сердце больше не памятник Ури. У меня больше нет сердца.

— Да.

Она дёргается и вскрикивает. Из её рта изливаются потоки ругательств и ненависти. Я скольжу по ним, как по волнам.

— И они — твои друзья, Меда? — Снова отец. Снова искушает. — Почему ты сдерживаешься? — Толпа снова гудит и кричит. Звук приобретает ритм, становясь почти музыкой. — Покончи с этим, Меда. Покончи с этим, и присоединись к нам. Здесь тебя никто не осудит, никакой ненависти.

Без ненависти. Свобода от ненависти к самой себе.

— Просто покончи с этим. — Он указывает на Джо.

Покончить. Крики толпы подстёгивают меня двинуться вперёд. Джо скована, но продолжает вырываться. Она находится на конце привязи, её ненависть ощущается почти физически. Я останавливаюсь в дюйме от её рычащего лица. Её глаза красными от слёз. Она плачет по Ури. Я смотрю на Джо. Из её глаз капая слезы, а изо рта вылетают ужасные слова.

Волны Голода бурлят во мне, обжигают. Старому доброму папочке интересно мое поведение. Он напоминает мне, что я всё равно не могу контролировать это, и я убью их, так или иначе, только на этот раз убийство произойдёт после часов, а может и дней, мучительной агонии.

В обмен на это я получу вечную жизнь. И никогда не столкнусь с платой за все, что совершила. В моем прошлом много всего, за что я бы не хотела отвечать. Продать свою душу, чтобы не испытывать Голод и не умирать: боль закончится. Никакой больше ненависти к себе. Даже если бы я хотела, я бы не смогла помочь людям. Мне нужно беспокоиться о себе.

Папочке не о чем волноваться. Когда я делала что-нибудь не то?

Я наклоняюсь к Джо и пью запах ее души. Она вырывается, обещая вырезать мое сердце. Ее собственное сердце пульсирует, наполненное сладкой душой, которую я начинаю поглощать. Я наклоняюсь ближе...

Но здесь, на её шее болтается другое сердце. Разбитое оловянное сердечко. «Лучший». Такое же есть на моей собственной шее.

«Друг»

— Ненавижу тебя! НЕНАВИЖУ! — кричит Джо, изливая мне в лицо обвинения. Я последний раз встречаюсь с ней взглядом. Её ресницы быстро смахивают слезы. Правда ударяет меня под дых. Она врет.

Я сомневаюсь в том, что она знает это, но она врет. Её не наполняет ненависть ко мне.

Ей больно. Больно из-за потери Ури, из-за моего предательства. Соленая печаль сочится из её глаз. Ненависть не вызывает слёз, точно не так.

А затем я замечаю, что мои собственные глаза тоже влажные. Так или иначе, я не ненавижу свою маму. Потому что я всё равно люблю её. И даже если она причиняла мне боль, она любила меня. Я знаю лучше остальных, как можно любить кого-то и все равно делать ему больно.

— Ну же, — кричит Джо. — Вырежи мое сердце, сучка, *дьявольская ты жополизка!*

Я смеюсь. Джо никогда не лезла за словом в карман. Как я могу убить подругу, которая заставляет меня смеяться даже в такой обстановке?

— Дьявольская жополизка? Серьезно? — Я хихикаю и отступаю.

— А как, по-твоему, я должна тебя называть? — Она бросает насмешливый взгляд на мой кулон. — Подругой?

Я улыбаюсь во все зубы.

— Зови меня Доктором.

Глава 19

Время замирает.

Мы с Джо просто стоим и смотрим друг на друга, пока остальные пытаются понять, что происходит. Мир неподвижен, а мы думаем о жизни, смерти и дружбе.

Ни о чем не жалею, такими были последние слова Ури. Конечно, если я убью Хая и Джо, я смогу жить вечно и никто меня не накажет за все, что я совершила, но я точно буду жалеть об этом. Да, я злюсь на маму за её научные эксперименты, но я значила для неё намного больше. А Джо и Хай значат для меня намного больше, чем просто конец.

Они мои друзья.

Я сказала *Доктор*, но Джо поняла, что я имела в виду. *Доверься мне.*

В день когда мы познакомились с Джо, она сказала, что нож в груди — нечто иное, когда его держит врач, потому что он желает помочь. И сейчас я держу жизнь Джо в своих руках. И хочу, чтобы она знала — я не желаю ей вреда. В конце концов.

Но я ранила ее в самое сердце своей ложью. В отличие от других, я знаю, как сложно заслужить ее доверие. Я вижу, как в ее глазах борются два противоположных желания — поверить мне или нет. Кто я? Ее подруга с маленьким ожерельем или безжалостный демон? Я не виню ее за то, что она не может поверить в мой выбор. Я и сама верю с трудом.

Наши лица замирают, оскалившись, но глаза полны смущения.

И надежды.

Другая волна голода оmyвает мои вены. Я знаю, чего добивается мой папочка. Сейчас или никогда.

Я рычу и обрываю цепи Джо от столба. Больше не скованная, она бросается на меня, и опрокидывает на землю, выкрикивая ругательства.

Надеюсь, она притворяется.

Я гадко усмехаюсь, перекатываюсь и оказываюсь сверху. Я прижимаю Джо к земле. Воздух, клокоча, вырывается из ее груди. Толпа вскакивает, завопив, как фанаты команды Южной Америки, которая только что выиграла Мировой Чемпионат.

У меня же есть свои причины радоваться. Потому что едва стихают крики толпы, Джо шепчет мне:

— Эй, полегче, засранка.

Я пытаюсь не рассмеяться, пока она берет меня за плечи и произносит последние слова молитвы. Толпа вздрагивает от удивления, заметив, что Джо не борется, а кровь все еще не заливает землю. Но молитва занимает всего пятнадцать секунд. Недостаточно, чтобы до них что-то дошло.

Затем я чувствую тепло. Я словно купаюсь в солнечном сиянии. Магия теплой искристой волной проносится под моей кожей. Эта магия намного сильнее, чем когда я была одержима демоном, и намного прекраснее, чем в те моменты, когда меня наполняла свежая душа. И я знаю, магия рвется наружу, мне не под силу ее сдержать. Я встаю на ноги, поднимая Джо вместе со мной.

Я улыбаюсь отцу не самой милой улыбкой.

И взрываюсь снопом яркого света. Я вижу, как на лице отца отражается осознание — за мгновение до того как свет испепеляет его.

Свет слепит меня. Я слышу крики боли и ненависти, наполняющие зал. Магия не ранит меня, и едва она исчезает, я замечаю, что Джо тоже в порядке. А вот демонам повезло меньше. Те, что сидели на первом ряду, сгорели заживо. Их обугленные тела заполняют сидения.

Офигеть, надеюсь, павшие не сильно страдали.

Демоны на остальных рядах выжили — сотни демонов. Они вопят, однако без былого воодушевления, и после минутной дезориентации начинают стекаться к нам, как водопад, минуя своих павших товарищей. Джо отталкивает меня с дороги и указывает на Хая, который бьется в цепях и зовет нас сквозь кляп.

Джо безуспешно возится с его цепями, созданными чтобы удерживать Тамплиера. Но ничто не способно сдержать меня. Я легко обрываю эти цепи, будто жестянки. Хай смотрит на меня так, будто никогда не видел прежде. Его глаза исполнены трепетом.

— Привет, Хай. Прости, что чуть не съела тебя, — говорю я, поднимая его.

Он выдергивает кляп,

— Да без проблем. Я и не думал, что ты это сделаешь. Ты хороший человек, Меда.

Я улыбнулась в ответ. А он, кажется, прав.

Мы бежим к тоннелю, через который прибыли. Но демоны опережают нас. Они кишат возле маленькой перегородки, отделяющей зрителей. Мы замираем на месте, запертые в ловушке на половине арены. Это неприятная часть почетной жертвы, да и остальные так себе. Демоны выхаживают и кружат возле нас. Но никто из них не хочет нападать первым. Джо берет меня за руку, Хай — за другую. Они тоже соединяют свои руки. Мы стоим, как Бермудский Треугольник, посреди моря демонов. И только чудо поможет нам сбежать.

Я чувствую напряжение их рук, и смотрю на своих друзей. Они сияют так же, как тогда, в школе. В тот момент я не понимала, что они делают. Сейчас знаю. И я разделяю это. Мы умрем, но для начала я сделаю свой вклад. За Ури, за всех моих друзей. Я не говорю, что хочу умереть, и даже не говорю, что готова к этому. Но в конце концов, я только сейчас начала понимать такую шутку, как жизнь. Я просто... Ну ладно, Ури сказал бы это покрасивее...

Лучше умереть за то, во что веришь, чем жить просто так.

— Ни о чем не жалею, — говорю я, пожимая их руки.

— Ни о чем не жалею, — отвечает Джо, возвращая рукопожатие.

— Ни о чем не жалею, — повторяет Хай, и продолжает после небольшой паузы,

— Я всегда знал, что умру рядом с тобой, Джо. Правда надеялся, что это случится не в семнадцать лет.

Рука Джо дергается в моей, но она молчит. Я смотрю на нее. Джо не может найти слов. Чудо, в самом деле. Правда не то, что я ожидала.

— Сейчас, Хай? Ты говоришь ей это *сейчас*?

Его рука дергается в моей, будто он пожимает плечами.

— Мы же сказали, что ни о чем не жалеем.

И в самом деле.

Демоны толкуются возле нас. Я сильнее, быстрее, чем все они, вместе взятые. Я никогда себя так не чувствовала. Мои маленькие ладони удивляют меня, потому что я ощущаю себя просто огромной. Моим новым глазам демоны кажутся медленными и неуклюжими, как дети, делающие первые шаги. Я чувствую себя Годзиллой, скашивающей их, как пшеницу в поле. Джо и хай за моей спиной.

Хай не устает. Он выдыхает и уклоняется от удара демона,

— И еще, Джо. Я люблю тебя.

Джо пинает одного из демонов своей больной ногой, заставляя его упасть на колени. Тот теряет равновесие, а заодно и свою голову.

— Хай, я... — говорит Джо, и я узнаю ее отвали-от-меня тон. Самое смешное здесь, не момент, который Хай выбрал для признания, а привычка Джо вечно выделываться.

— Джо, нам осталось жить около минуты, — говорю я зло. — Затем подныриваю под замахивающуюся руку, и освобождаю ее владельца от кишечника. — Думаю, ты должна сказать ему. — Ага, я дала любовный совет, держа в руке кишки.

— Хорошо, — говорит Джо, хотя у нас явно все не хорошо. — Она хватает демона, и перебрасывает через бедро в мою сторону. Я наступаю на него, прижимая к земле. Джо останавливается на мгновение, чтобы взглянуть на Хая, а я прикрываю ее спину. Она начинает отвечать, когда слева от нее появляется еще один демон. Она уворачивается перекидывает его через спину, и заканчивает. — Я тоже люблю тебя, Хай!

Романтичненько. Прямо как в фильмах. Но им это идет — Хай улыбается, уворачиваясь от атаки, и мгновенно сносит голову какого-то парня. Знаете, если бы мне нужно было описать любовь Хая и Джо, я бы изобразила их посреди кучи обезглавленных демонов. Никаких пикников на закате для этих двоих.

Мне бы хотелось сказать, что мы расчистили путь, и сумели сбежать, несмотря на перевес со стороны демонов... Но нет. Демоны все прибывают, им нет конца. Джо слабеет. Я прикрываю ее, а демоны надвигаются на нас, чувствуя нашу слабость. Хай кричит, получив рану на руке. Я отвлекаюсь на мгновение и остаюсь без куска бедра. Оно сразу же начинает заживать, но это замедляет меня. Демонов все больше. Они перебираются через ряды, заполняя коридор. Их крики и насмешки превращаются в довольный смех и хихиканье. Я знаю, конец близок. Джо падает, вскрикнув. Я подхватываю ее, в то время как один из демонов нападает на меня со спины. Я отталкиваю его голову от своего плеча, но перед смертью он успевает пробороздить когтями моё лицо. Кровь заливает глаза, ослепляя меня.

Демон хватается за мой бок. Наполовину выздоровевшая нога не может удержать мой вес, и я падаю. Облаченные в черное тела тут же наваливаются на меня. Я чувствую, как они сдирают куски моей кожи. Я слышу, как Джо матерится, а Хай плачет от боли.

Надеюсь, я увижу Ури. И я очень-очень надеюсь, что увижу маму.

Боль захватывает мое тело, и ошеломляет разум. Я пытаюсь расслышать голос мамы

сквозь смех моих убийц. Но его нет.

Неожиданно, я слышу рев сотни мотоциклов.

А затем звуки исчезают.

Глава 20

Я просыпаюсь. Вот так новость. С другой стороны, на мне почти живого места не осталось, так что я не удивлюсь, если попала в Ад. Я смотрю в незнакомый белый потолок. Кто его выкрасил в этот цвет? Я пытаюсь подвигать рукой, но боль становится просто невыносимой и заставляет меня остановиться. Я смотрю в окно, за которым сияет солнце. Совсем не по-Адски. А вот шторы... Художник во мне взбунтавался. Как это похоже на людей — сочетание хорошего и плохого. Это обнадеживает, значит, я жива. Я улыбаюсь и внезапно теряю сознание.

Когда я снова прихожу в себя, понимаю — все будет в порядке. Я чувствую себя хорошо, правда, не совсем, как *человек*. Ну вы понимаете, о чем я. В комнате темно, но из-под ванной пробивается тонкая полоска света. Я в дешевом гостиничном номере — это объясняет чертовски ужасные шторы в вычурной спальне. Тумбочку возле кровати заполняют баночки с лекарствами, шприцы, мотки марли и бинтов. Одна моя рука оказывается на перевязи, тогда я откидываю одеяло здоровой и оказывается, что я лежу в одном белье, окутанная бинтами на манер древнеегипетской мумии.

Кто-то включает воду в ванной. Я рывком сажусь. Голова кружится, но это несколько не замедляет меня. Я снимаю с шеи перевязь, освобождая руку. Ей это точно не нравится, но я не хочу быть скованной, если придется защищаться. Надеюсь, я у Крестоносцев. Правда, имея дело с демонами, никогда не знаешь наверняка.

— Кто там? — громко спрашиваю я.

— Ты уже очнулась?

Я слышу женский голос. Его владелицей оказывается стройная женщина со светлым бобом, выглянувшая из ванны. Свет из ванной бьет мне в глаза, мешая получше разглядеть ее.

— Включи свет, — говорю я.

Она удивлена моим тоном, но все-таки щелкает выключателем. Женщина довольно милая, выглядит на тридцать с небольшим, ее голубые глаза сияют.

— Кто ты? — ворчу я.

Она улыбается. Конечно, сложно бояться меня в таком состоянии.

— Я — Кэрولين Дапайнес, сестра Хая. — И только сейчас я замечаю их сходство. На мгновение я расслабляюсь, но потом напряжение вновь охватывает всю меня.

— Что с Хаем? И Джо?

— Все хорошо, они в порядке. Уже очнулись. Демоны переключились на тебя после того, как ты упала. Они едва тебя не прикончили.

Можно подумать, я не в курсе. Я была там.

— Так как вам удалось найти нас?

Она подняла руки.

— Обещаю, ты получишь ответы на все вопросы. Но Джо грозила выпотрошить меня, если я не позову ее, как только ты придешь в себя.

Обожаю своих лучших друзей.

Кэролин исчезает за дверью, после чего я слышу короткий диалог. Интересно, тот человек охраняет меня или всех остальных от меня? Они уже должны знать, что я демон.

Я слышу, как Хай спорит с Джо перед тем, как они появляются в моей комнате. Джо сидит в инвалидном кресле, которое толкает Кэролин, а Хай опирается на костыли.

— Меда! — выкрикивает Джо, пока Кэролин подкатывает ее к моей кровати. Она же убирает одно из кресел в коридор, чтобы оставить нас наедине.

— Привет, Джо. Рада видеть, что у тебя все получилось.

— Нужно что-то посерьезнее армии демонов, чтобы убить меня.

— Да уж. Привет, Хай.

Он ухмыляется.

— Привет, выглядишь довольно... — Он морщится и продолжает: — Живой. — Я показываю ему язык. Это можно сказать и о них. Они тоже похожи на мумий. Ко всему прочему все лицо Хая покрыто ужасными царапинами, а у Джо одна нога загипсована. Она следит за моим взглядом и выгибает бровь:

— Представляешь, они думали, что будет весело, если я не смогу ходить.

Я вздрагиваю.

— Да не волнуйся, док заявил, что все будет в порядке. Но я застряла в этом идиотском кресле, пока некоторые тут расхаживают на костылях. — Джо награждает Хая притворно-злым взглядом.

— Эй, я не виноват.

Он вскидывает руки, будто для защиты, выпускает ручки костылей, и с грохотом валится на пол. Мы с Джо хохочем. Напряжение исчезает. Я так и жду, чтобы кто-нибудь сказал «и жили они долго и счастливо...»

— Ребят, у вас все хорошо? — спрашивает Кэролин из коридора. Мы еще больше смеемся. Нас избили, мы все покрыты синяками и ни один из нас не может встать без посторонней помощи, но да, у нас все «хорошо».

— Порядок, — кричит Хай. Я опять смеюсь. «Порядок» — это слово просто идеально. Хай опирается рукой на плечо Джо. Она скидывает его руку. Хая такая реакция не раздражает. Это не совсем похоже на «и жили они долго и счастливо...»

— Ладно, что случилось? — спрашиваю я, понизив голос. — Они знают, кто я такая?

Джо отвечает, все еще уворачиваясь от руки Хая:

— Ага, Тамплиеры всей толпой въехали в прибежище демонов на своих мотоциклах и устроили им душ из святой воды. Я была еще в сознании и кричала им, чтобы они перестали. — Она встречается со мной неловким взглядом. — Я должна была сказать им. Если бы не тела демонов, под которыми ты оказалась погребена, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

— О, — говорю я. — Наверное, стоит послать им благодарственные открытки.

Джо хихикает и напряжение, вновь нависшее над нами, снова уходит.

— Так или иначе, но без святой воды демоны начали наступать. Потом их стало еще больше — они полезли из тоннелей. Тамплиеры смогли только схватить нас и отбиться. — Ее лицо каменеет. Я не спрашиваю, сколько людей погибло ради нашего спасения.

— Мой отец?.. — спрашиваю я.

— Мы думаем, он мертв, — говорит она, с опаской глядя на меня. — Конечно, мы не можем быть уверены. У Крестоносцев не было времени провести обряд очищения для всех павших — демоны теснили их.

Я пожимаю плечами. Он для меня такой же демон, как и остальные.

— Так как они нашли нас?

Джо и Хай переглядываются.

Хороший знак.

— С маячка на Биконмэп[12].

— Маячка?

— Ага. Они начали искать нас, после того как мы пропали с их карт в Висконсине. —

Она прищурилась, заставляя меня покраснеть. — Так или иначе, они думали, что мы все мертвы. Но демоны продолжали безумствовать. Что-то происходило, и Тамплиеры решили понаблюдать. — Я до сих пор ничего не понимаю. — Когда они снова посмотрели на карту, увидели нас прямо в прибежище демонов.

Метка Маяка появилась из неоткуда. Нет.

— Кто?

Они снова переглядываются. Нет, нет, нет!

— Кто?

Джо прочищает горло. О, нет.

— Ты.

Гадство. Я откидываюсь на подушки. А я-то думала, что хуже быть не может.

— Это хорошая новость, Меда, — настаивает Джо.

— Ага, еще одна причина, по которой меня выслеживали демоны.

— В этом есть и светлая сторона: Тамплиеры тебя не убьют.

Должно быть, она прочла в моем взгляде все, что я хотела сказать, потому ее смех резко оборвался.

— Да перестань. Если бы не они, мы бы умерли еще вчера. Ты можешь хотя бы поблагодарить их.

— И с каких пор ты такая оптимистка? Куда подевалась злая Джо? У нас было столько общего.

Джо засмеялась.

— Она умерла пять дней назад.

— Так проведи спиритический сеанс, — говорю я ворчливо, заставляя ее засмеяться еще сильнее.

— Ладно, и что теперь?

— Ну, они вообще-то не говорили нам.

— Конечно, мы спасли положение, но теперь снова стали маленькими детьми. — На этот раз ответил Хай.

— А Люк?

— Он был здесь. Тамплиеры вызвали его для атаки на прибежище. Но он уже вернулся к таинственной Ехо. По всей видимости, она осталась без няни. Люк согласился вернуться и поговорить с тобой — но только с тобой.

— Так он знает?

— Нам нужно было рассказать Сержанту, что мы пытались сделать, когда нас поймали, — сказал Хай. — Но, Меда... Люк и так знал, кто ты такая. С того самого момента, как мы сказали ему твое имя.

Наверное, мама говорила с ним про меня, значит, они все еще общаются, и он может знать... А вообще уже не важно, знает он или нет. Несомненно, мне хочется кое-что

прояснить, и в первую очередь это касается мамы. Но это больше не вопрос жизни и смерти. Отныне я Тамплиер, я помечена и буду под защитой.

Больше не имеет значения, что ею двигало и что на самом деле произошло. Это всего лишь способ лучше узнать ее. Она по-своему любила меня.

— Когда я увижусь с ним?

— Они вызовут его, как только тебе станет лучше, — говорит Джо.

— Я в порядке.

— Я и не собираюсь спорить, — говорит Джо.

— Что бы ты да спорила? Никогда.

Я слишком измотана, чтобы куда-то идти, поэтому оставшийся день мы проводим в моей комнате, наслаждаясь жизнью. Благодаря приобретенным способностям Тамплиера, я выздоравливаю намного быстрее, чем обычно. У меня нет сил проверять, появились ли у меня новые способности, но как бы ни были деформированы мои кровеносные сосуды, я, к сожалению, не смогу стрелять лучами анти-демонской энергии из ладоней. Видимо, золотой свет, который вырвался из меня в прибежище демонов — часть церемонии Наследования. Просто это никогда не случалось в комнате, полной демонов. Поэтому Джо понятия не имела, что это поджарит их.

Кэролин заходит, чтобы сказать нам про Люка. Он уже знает, что я очнулась, и придет как только сможет. К сожалению, он всё еще пытается выследить Ехо и не остановится, пока не найдет ее. Хай не пытается приближаться к Джо, пока она реагирует на него так, словно он окружен отталкивающим силовым полем.

Я ворошу осиное гнездо.

— Так в чем дело? — Я многозначительно смотрю на них. — Джо все еще в своем кресле, а Хай ютится на соседней кровати, как можно ближе к ней.

Джо притворяется невинной овечкой.

— О чем это ты?

Но Хай выдает ее с головой, беря за руку. Джо высвобождается.

— Тебе так сложно сказать, что вы безумно влюблены?

Джо награждает Хая свирепым взглядом.

— Мы не влюблены.

Хай даже бровью не повел.

— Да, мы влюблены. Ты сама сказала, так что поздно сдавать назад, дорогая.

Джо закатывает глаза.

— Я сказала это только потому, что мы могли умереть.

— Это значит, что ты любишь меня.

— Нет, я сделала это только потому, что ты попросил.

Хай внезапно вскакивает с кровати, неловко падает на ковер и встает перед креслом Джо на колени так, чтобы видеть ее глаза.

— Так значит, ты врала мне? Сказала так, чтобы утешить?

Джо открывает и закрывает рот несколько раз, прежде чем произнести:

— Я...

— Как я и думал.

Хай улыбается, поднимается на ноги и плюхается обратно на кровать.

Джо снова обретает способность мыслить.

— То есть я любила его в *тот момент*. Когда думала, что мы все умрем.

— Так ты меня любишь только тогда, когда нам угрожает смерть? Замечательно. — Кажется, мы просто созданы для жизни в постоянной опасности. Судя по всему, это не так уж и сложно.

— Хай... — Джо растерянно выдыхает.

— Да, дорогая?

— Перестань называть меня так!

— Есть обращение получше?

— Да! То есть нет. Я тебе не «дорогая».

— Хорошо, значит — любовь всей моей жизни. Правда, как-то долго, давай потом сократим до «жены»?

Даже меня это приводит в ужас, хотя я тут вообще ни при чем.

— Хай, перестань. Я серьезно.

— Как и я.

— Просто перестань! — кричит Джо, пытаясь откатиться подальше.

Лицо Хая становится серьезным.

— Джо...

— Перестань! — Джо неуклюже давит на колеса, и я замечаю, что она едва не плачет. Она смотрит на меня. — Ты поможешь мне или как? — рычит она.

— Джо, — снова начинает Хай. Она затыкает уши. Я выкатываю ее из комнаты. Едва оказавшись в коридоре, она отталкивается от меня. Кэролин расстроено смотрит на нас со своего поста. Я пожимаю плечами и возвращаюсь.

Хай лежит, безмятежно развалившись на кровати.

— Охренеть, — говорю я.

— Она забудет. Она хочет избавиться от меня, потому что считает, что мне так будет лучше. В этот раз я не позволю ей прогнать меня.

— Ты что, не можешь подождать, пока она выздоровеет? Она же в инвалидном кресле!

— Шутишь? Мы же говорим про Джо. Единственный человек, кто сумел побить меня. Мне нужно преимущество.

— Я-то думала, ты пытаешься очаровать ее. А у вас настоящая война.

Хай смеется.

— В случае с Джо это одно и то же. Этакая романтическая осада. — Он складывает руки за головой. — Джо хочет для меня только лучшего. Мне нужно просто убедить ее, в том, что лучшее для меня — она.

Драма продолжается.

К счастью, Джо никогда не догадается, что я выгнала ее. Мои друзья одинаково дороги мне. Их война будет продолжаться. Хай будет атаковать Джо снова и снова, несмотря на огненную стену, окружающую ее.

Окончательно окрепнув, мы собираем вещи и двигаем на фургоне в Западную Вирджинию. Школа в Маунтин Парке под угрозой, пока Крестоносцы находятся там, так что скоро все сообщество тайно переедет. Демоны могут надумать атаковать, поэтому Тамплиеры не могут рисковать, отправляя меня в реальную школу..

Они приобрели небольшую долину среди гор, рядом со входом в заброшенную шахту. Видимо, снова решили использовать тот план — в шахте полно тоннелей и ходов. Переезд займет какое-то время. С одной стороны долины расположен огромный лесозаготовительный завод, примыкающий к горе. Он состоит из нескольких соединенных

между собой зданий, поднимающихся над рекой на манер лестницы. Завод построили лет сто назад. Сейчас он уже прогнил наполовину или даже больше. Крестonosцы подремонтируют его, пока не построят новое укрытие. Сложно поверить, во что превратился проект «Просвещение».

Когда мы приезжаем, долина больше напоминает разворошенный улей. Едва прибывает новый фургон, его тут же водружают на другие такие же, создавая ограждение. Рев мотоциклов слышен днем и ночью. Байкеры ездят небольшими группами по 3-4 человека — чтобы не привлекать внимания. Старшие ученики уже готовы помогать, малышей же отправили в общины, пока здесь не станет безопасно. Они приветствуют Хая и Джо, но я стараюсь избегать лишнего внимания и чрезмерного гостеприимства. И никто из них не спрашивает про Ури, хотя они должны знать.

Взрослые понятия не имеют, что делать со мной. Я демон, тамплиер и помеченная — тройной фрик к вашим услугам. Судя по всему, Тамплиеры не в силах разобраться, с чем они имеют дело. И судя по тому, как они со мной разговаривают, это совсем не хорошо. Поэтому, пока они не разберутся, меня всюду преследует охрана. Я говорю им, что помечена, а они отвечают, что Эйнштейн тоже был таким. Получается, сила, которой я обладаю, может посоперничать даже с атомной бомбой.

Я ничего не могу поделать со своим заключением, так что просто забиваю. Здесь явно получше, чем у демонов. Спасибо способностям Тамплиера — я выздоровела намного быстрее. До ритуала мои раны заживали бы не считанные дни, а месяцы.

Люк появляется спустя неделю после того, как я пришла в себя, или спустя пять дней, после того, как мы переехали в новую школу. Но я не разговариваю с ним — есть дела поважнее. Этот день предназначен для поминовения Ури.

Здесь слишком мало места, чтобы все поместились, поэтому церемония проходит на закате, посреди поля. Ранней весной в горах прохладно. Нарциссы и крокусы только начинают цвести. Кто-то нарвал их, чтобы положить возле мемориала Ури — его фотографии, прикрепленной к доске. Рядом приделан небольшой диск. Все это освещается тонкой серебристой свечой, стоящей на маленькой подставке.

Уриэль Джеймс Грин, 1998–2011

На фотографии, которую мы выбрали, он стоит в сумасшедшей кунг-фу позе, улыбаясь в камеру сквозь свои свисающие волосы. Эта фотография совсем не подходит для торжественной церемонии. И поэтому она идеальна.

Последние почести отданы, молитва прочитана. Люди выходят вперед, чтобы сделать ему последний подарок, кто-то поясняет его, кто-то нет. Мне нечего дать ему. Он мой единственный друг, умерший ради меня, а у меня нет ни малейшей безделушки, ничего, что символизировало бы нашу дружбу.

Я плачу. Океан печали вырывается из меня, превращаясь в слезы. Я тону в них и задыхаюсь. Мои всхлипы сменяются судорожными вдохами. Это не воздух. Джо бросается ко мне и хватает за одну руку, а Хай за другую. Океан омывает нас троих, и я снова могу дышать. Они молчат. Мы стоим, оплакивая нашего друга.

Глава 21

Я сижу в фургоне, который выбрала, и читаю. За дверью спорят Джо, Хай и кто-то еще. Я встаю и высываюсь в гостиную. Ребекка, женщина средних лет, мой охранник, сидит,

почитывая журнал. Я вежливо киваю ей и открываю дверь.

— Привет, ребят, — говорю я, но остаюсь незамеченной.

— Когда ты уже выбросишь это из головы?! Я не люблю тебя. — Джо отталкивает его.

— Доброго утра, — добавляю я.

— Ах, если бы в твоих словах была хоть доля правды, — безмятежно говорит Хай, обращаясь к Джо.

— Надеюсь, у вас все хорошо? — Чертовски неприятно чувствовать себя пустым место. Джо замирает.

— Это *и есть* правда! — Она поворачивается к нему лицом. — Послушай. Меня. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Но меня уже достали твои идиотские игры.

— Привет, Меда. Спасибо, Меда, — отвечаю я сама себе, пока никто не обращает на меня внимания. — Все замечательно, а у тебя?

— Со мной все нормально, — продолжает Хай. — Последнее, что я хотел бы, так это быть твоим другом. — Он хватает ее за руку, но Джо вырывается и со злостью отталкивает его. Хай берет ее за запястья.

— Я больше не хочу ни слышать, ни видеть тебя. — Джо в отчаянии. — Просто отвали от меня! — Ее голос становится выше.

— Ни за что, — говорит он спокойно, — и никогда.

Джо выдергивает запястье из захвата и открывает рот, но тут же закрывает. Ее глаза светятся. Она (наконец-то) оборачивается ко мне, не зная, что сказать. Она пытается убежать, но скорее ковыляет, настолько быстро, насколько позволяют ее еще незажившие раны. Хай оборачивается ко мне.

— Привет, Меда.

— Похоже, ты проиграл свою войну. Хай, мне не охота обламывать тебя, но она из-за этого только злится, так что хватит.

— Это потому что я добиваюсь ее. Хуже было бы, если ей было все равно. Она отступает.

— Ты уверен?

Он улыбается.

— Ага. — Этот влюбленный в Джо псих явно не отступит. — В любом случае тебя спрашивали в главном фургоне. Мы пошли за тобой, но...

Джо убежала.

— И я шел, но, хм...

— Она отступила? — подсказываю я.

— Да, точно. Нужно продолжать наступать.

— Понятно, — говорю я, а Хай благодарно улыбается. — Удачи, — желаю я. — Видимо Ребекка слышала наш разговор. Она встала, чтобы сопроводить меня. Мы проходим через парковку фургонов, сопровождаемые угрозами в адрес Хая, и подходим к главному фургону. Она заводит меня внутрь и оставляет рядом с дверями.

Внутри комнаты стоит несколько столов и стульев. Этот фургон обычно используют для собраний и, как правило, он заполнен людьми, ответственными за возведение нового поселения. Но сейчас в комнате находится лишь мужчина средних лет со включенными рыжеватыми волосами. Он стоит, удивленно склонившись над столом.

Люк Бёрджерон.

Он старше, но я легко узнаю его по фото, что когда-то видела.

— Андромеда Портер, — шепчет он, выпрямляясь. Он вытирает руки о грязные джинсы.

— Меланж, — поправляю я его. — Меда Меланж. — Фамилия моей мамы — Портер, но она записала меня как Меланж. И я не собираюсь возвращать ни один из ее даров назад.

— Верно, — говорит он, вероятно раздумывая о том, что со мной делать.

Я рассматриваю мужчину, за которого хотела выйти моя мама. Он выглядит совершенно неопрятным, как и большинство Тамплиеров, с которыми я встречалась. Он высокий и худой, с бородой и длинными волосами. И еще он носит пиджак с эмблемой Маунтин Парка. Однако сейчас он кажется еще неопрятнее, чем обычно. Некоторые Тамплиеры выглядят так, как будто никогда не брились, но Люк, похоже, вообще не догадывается о том, что растительность на лице можно брить.

Замечая мой взгляд, или скорее пытаюсь разорвать неловкую тишину, Люк объясняет, перебирая бороду.

— Я притворяюсь бездомным, чтобы выследить Эхо.

— О... — Блестяще. Он знает все секреты моего прошлого, а мы болтаем про его волосы. Но я его не знаю. И он странный. Я понятия не имею, как спросить у него про маму.

Он дает мне небольшую подсказку.

— Знаешь, ты похожа на нее.

— Не похожа. — Моя мама словно создана из света, я же принадлежу тьме.

— Похожа. Но не цветом волос. — Он щурится. — И конечно не стилем. Но выражение твоего лица — особенно как сейчас, которое говорит мне, что я несу чушь, — было ее любимым.

Внезапно плотину прорвало.

Я не знаю, с чего начать.

— Расскажи мне всё.

— Мы были лучшими друзьями. Неразлучными. Она была... — Люк не находит слов. И я понимаю его. — В любом случае, мы хотели пожениться. Ты знала об этом?

Я киваю.

— Когда ее послали на задание, она еще была ученицей. Ее пленили. Я пытался спасти ее, честное слово, пытался. — В его взгляде мелькает отчаяние, будто он просит меня поверить. Я молчу о том, что если бы ему это удалось, меня бы здесь не было. — Я хотел отправиться в ад ради нее, но Тамплиеры не позволили мне. Они заперли меня, чтобы уберечь от глупостей. — Он потряс головой. — Ее свеча загорелась, пока я был в больнице. Мне сказали, что она мертва. Но я не верил. Я всегда думал, что узнаю, если она умрет.

Он снова наклоняется к столу. Я тоже.

— Как свеча могла загореться?

— Ты можешь отказаться от Наследования, после того как решишь, что больше не хочешь быть Крестоносцем. Ты теряешь свои способности и возвращаешься к человеческому началу. — Он переплетает пальцы и смотрит на них. — Никто из таких людей не получает реликвии. Этого никогда и ни с кем не случалось. Ей нравилось быть Тамплиером, это было ее призванием.

— Если она так любила это, то почему отказалась?

Он мягко взглянул на меня.

— Кое-что она любила больше.

Меня. Необязательно было это говорить.

— Она боялась за тебя. Боялась, что Тамплиеры не станут слушать ее, боялась, что

заберут тебя или... — Он пожимает плечами. — Мы не идеальны, и ты, возможно, величайшая угроза, с которой мы столкнулись. Кто знает, на что ты способна.

Он с любопытством смотрит на меня. Я не знаю, на что способна, поэтому от меня ответ на этот вопрос не стоит ждать.

— В конце концов, я нашел ее. Выследил.

— Как?

— Я знал ее, — говорит он, — но она сбежала от меня. — В этих словах больше смысла, чем я могу описать. — Но потом она связалась с нами. Мы общались на протяжении пятнадцати лет. В основном говорили про тебя, Меда.

— Про меня? — У мамы был друг — парень? Человек, с которым она обсуждала меня?

— Ты была ее излюбленной темой. Она делала это, чтобы защитить тебя. Она скинула мне те видео на случай, если с ней что-нибудь случится. Или если Тамплиеры найдут вас. Ей нужны были доказательства всех ее попыток обратить тебя к добру. Ее успехов и провалов.

Ее научный проект был способом защитить меня. Ну и мир, на случай, если я превращусь в монстра. Но можно ли винить человека за его характер? Глаза начинает резать. Слишком часто это происходит в последнее время.

— Меда, я видел запись того дня... — Его голос обрывается.

Я молчу, не зная, что сказать. Он проводит рукой перед глазами.

— У меня есть кое-что для тебя. — Люк вынимает ноутбук из сумки, ставит на стол и открывает. Он пододвигает для меня стул, запускает видео и становится рядом со мной, скрестив руки на груди.

На экране появляется мама. Она в подвале. Я напрягаюсь.

— Люк, — говорит она, улыбаясь, совсем как я. — В этом видео нет ничего делового. — Я хочу, чтобы ты знал, я люблю тебя и всегда любила. Люк поворачивается ко мне спиной, то ли для того чтобы дать мне личное пространство, то ли для того чтобы отстраниться самому. — То, что я сделала с тобой — несправедливо, и мне жаль.

Она поднимает глаза.

— Совсем не справедливо.

Она делает глубокий вдох, а затем продолжает.

— Возможно, сегодня я сделаю кое-что опасное. — Она выглядела, как доктор, сообщающий плохой диагноз: ей было жаль, но изменить она ничего не могла. — Я хочу, чтобы ты видел.

Я слышу, как двигается Люк, но не отрываю глаз от экрана.

— Я хочу попробовать избавить Меду от Голода. — Обдумывая свои слова, она обводит глазами комнату. — Это похоже на привитую зависимость. И от зависимости можно избавиться. Она была еще слишком маленькой, чтобы пытаться это сделать. Но сейчас ей пятнадцать, у нее есть сила воли и чувство ответственности.

Я помню, как Хай сказал, что демоны убивают, чтобы стать сильнее. Мама не знала, что они «поедают» жизнь, а не душу. Мама не понимала, что демоны постоянно получали их из Ада, «подключаясь» к нему, как сказал папа. Наверное, мама думала, что воскрешение — единичный случай, а не постоянный поток "жизни". И откуда бы ей знать? По словам Хая, они не многое знают о подростках, за исключением тех, что на стороне Ада, но и те будут «подключены».

Моя мама вытягивает руки на столе перед собой.

— Это избавит ее от зависимости раз и навсегда. Если будет способ не навредить мне,

она справится. Она настолько человечна, она так любит меня. Ты бы видел это, Люк. — Она подпирает рукой подбородок. — Она может взять под контроль своих демонов. Я не хочу, чтобы она всю жизнь жила с этой ношей. И она будет свободна, если мы сможем победить зависимость.

Но у нас не получилось, точнее у *меня*. Я касаюсь ее лица на экране.

Она продолжает, ее глаза полны надежды.

— И еще, Люк. Если мне удастся избавить ее от этого, если я смогу *доказать* это, она будет спасена от Тамплиеров. Навсегда. И... — Ее голос дрожит. — Мы сможем вернуться домой.

Домой. К Тамплиерам и Люку. Она ждала этого всю мою жизнь. Вернуться домой, сбежать из самовольного заточения. Вот чем она пожертвовала ради меня.

— Я не скажу тебе, кто тот человек, и не буду неделю звонить тебе, иначе ты поймешь, что я задумала. — Она быстро улыбается. — Ты, наверное, с ума сходил последние несколько недель. Я не слушала голосовые сообщения — боялась, что ты попытаешься отговорить меня.

— Я знаю, что делаю. Она любит меня, Люк. Очень. Она никогда не навредит мне. Но.. если это случится, — она безжизненно смотрит в камеру, и я вижу, как слезы блестят в ее глазах,— найди ее. Найди мою малышку, скажи ей, как я люблю ее. Скажи, что мне жаль.

Моя малышка, не эксперимент.

Она выдохнула. Ее лицо приобрело такое нежное выражение, которого я никогда не видела.

— Я люблю тебя, Люк, прости. Все могло бы сложиться для нас иначе, но я ни о чем не жалею, не могу. Ты всегда был моим лучшим другом, моей опорой, и мы еще увидимся, Люк. Я...

Люк дотягивается до ноутбука и захлопывает его. Он молчит несколько минут. А потом хрипло говорит:

— Не возражаешь, если я оставлю это только для себя?

Я киваю.

Я знаю, мне не стоит спрашивать об этом, но не могу удержаться.

Этот мужчина — величайший секрет моей матери, а это многое значит.

— Почему вы с ней никогда?.. — Я позволяю фразе повиснуть в воздухе, но он понимает, о чем я.

— Она не позволяла мне. Это значило бы уйти от Тамплиеров. Она сказала, что не может присоединиться ко мне, не оставив тебя. Она не хотела вынуждать меня уходить из-за нее. — Он фыркает. — Вынуждать, — повторяет он, качая головой, а затем смотрит на меня. — Она такая упрямая. — Он переводит взгляд на потолок. — Так или иначе, миссия была для нее важнее всего, кроме тебя.

Даже его. Я не говорю это, он знает это лучше меня.

— Я все равно увижу ее. Однажды.

После этого мы выходим из душного фургона на улицу, продолжая разговаривать. Люк рассказывает мне о том, как росла моя мама, а я о том, как она воспитывала меня. Мы сравниваем одни и те же истории с разных сторон, от чего постоянно улыбаемся.

Он изображает маму такой, какой я никогда ее не видела, но всегда догадывалась. В его историях она была веселой, беззаботной и озорной. Она была мастером розыгрышей, о которых потом ходили легенды. И только Люк знал, что их устраивала моя мама.

Мне сложно представить маму такой молодой и беззаботной, и то, как она изменилась из-за меня. Ей было всего девятнадцать, когда я родилась.

— Это не ты, Меда. — Люк будто читает мои мысли. — Не ты сделала ее такой. — Если и винить кого-то, так твоего отца и демонов, которые затащили ее в... — Он запинаясь и говорит не то, что собирался: — Забрали. Но даже если бы этого не случилось, Меда, она бы не осталась той девчонкой. Жизнь всех меняет. Мы вырастем. — На его лице мелькает улыбка. — Но я не знаю ни одного сорокалетнего человека, который бы разыгрывал своих друзей, и не важно, насколько легкой была его жизнь.

Я выдыхаю и меняю тему.

— Иногда... — Мне не хочется говорить об этом, но только Люк может понять меня. — Иногда я забываю, как она выглядит. Не могу описать ее. Воспоминания исчезают, стираются. А я просто хочу сохранить их, как историю в книге, которую можно перечитывать и перечитывать. Я до сих пор люблю ее, но иногда даже не могу представить ее улыбки.

К моему удивлению, он не выглядит напуганным — скорее задумчивым.

— Это естественно. Воспоминания уходят, чтобы другие заняли их место. Твоя мама не хотела бы, чтобы ты жила прошлом. — На его губах мелькает улыбка. — Я пытаюсь помнить все. Я помню то, что важно мне. Наше первое «Я люблю тебя» и наш первый поцелуй. — Его глаза сияют. Он улыбается. — *Особенно* наш первый поцелуй.

Затем он глубоко вдыхает, глядя в землю, пока мы прогуливаемся по улице.

— Но я также помню и то, что совсем не нужно мне. Не помню, когда это было. Мы лежали на траве, обсыхая после того, как наплавались. Мы делали это сотни раз. Это был самый обычный день, но я до сих пор могу закрыть глаза и представить тени от травы на ее коже.

Он снова смотрит на меня.

— И все равно я хочу, чтобы ты была осторожна, Меда. Не проснись однажды старой дурой, у которой нет ничего кроме дырявой памяти и мертвой девушки, всюду сопровождающей ее. Твоя мама не хотела бы такой жизни для тебя. Помни людей, которых ты потеряла, нопусти их. Пусть воспоминания исчезнут.

Не похоже, чтобы он отпустил ее.

— А хотела бы она, чтобы ты отпустил ее?

Люк улыбается. Той самой улыбкой, появляющейся у людей, которые делают не то, что должны.

— Да, но мое сердце с ней поспорит.

— Но я должна сделать это?

— Ты ее дочь, — говорит Люк.

Я замираю, переваривая услышанное.

— Получается, ты собираешься отпустить ее когда-нибудь?

Он смотрит в небо и, словно обращаясь к нему, отвечает:

— Нет.

— А ведь ты только что сказал, что мама бы хотела, чтобы ты двигался вперед.

Он ухмыляется.

— Наверно, постоянный спор с ней это мой стиль жизни. — Затем его улыбка исчезает. — Но что касается тебя, Меда... Я не хочу, чтобы ты так жила. И тем более не хотела бы она. Помни хорошие моменты, почитай ее память, но отпусти ее.

Я так долго живу под тяжестью вины, что это кажется невозможным. Но я попробую.

Наконец Люк вспоминает, что ему нужно идти, и мы договариваемся о следующей встрече.

Я еще долго гуляю после его ухода. Он не приставил ко мне охрану — случайно или нет, я не знаю. Я просто наслаждаюсь свободой. Обхожу периметр лагеря, думая о маме. Люке. О разногласиях и жертве. Об ошибках. О хорошем и плохом.

Я погружена в мысли и не замечаю спорящую пару, пока не оказываюсь практически вплотную к ним. Что удивительно. Потому что Джо сложно *не услышать*, впрочем, как обычно. Я пытаюсь уйти, но они стоят слишком близко. Я не хочу подслушивать или прерывать их.

— Не понимаю, о чем ты, — натянуто говорит Джо, пятясь назад. — Хай бесстрашно берет ее за руки. А я вам говорила, что он смельчак.

— Понимаешь. Ты любишь меня, Джо.

— Нет. — Джо не смотрит на него.

— Лгунья, — мягко говорит он.

Она наконец вырывается и прячет лицо в ладонях, скрывая слезы.

— Это не сработает. Я застряну в школе.

— Тогда называй меня профессором Дапайнесом.

Обалдеть!

— Будь серьезнее! — говорит Джо, а Хай снова обнимает ее.

— Мне плевать, Джо. Мы можем сделать это и потом, когда повзрослеем. — Она рыдает. — Но не думаю, что все идет к этому. Мои ноги плюс твои мозги. Да мы идеальная пара.

— Хай, я тебя прибью!

— Это потому что Меда не убила нас из-за *тебя*? — Хай ухмыляется и шепчет ей на ухо: — Сколько раз тебе нужно спасти мне жизнь, чтобы разрешить быть с тобой?

— Я... — начинает было Джо, но Хай нежно берет ее за подбородок.

— Лично мне кажется, трех раз вполне хватило.

Четыре раза. Но некоторые секреты лучше не раскрывать своим лучшим друзьям.

А затем Хай наконец слушается меня и целует Джо.

Я не могу уйти, поэтому приходится устроиться поудобнее и наблюдать мыльную оперу с моими друзьями в главных ролях. В память об Ури я принимаюсь жевать воображаемый попкорн. Надеюсь, у них все будет в рамках приличий.

Внезапно передо мной появляется Ури. Его сияющий призрак садится на соседней скамейке, улыбаясь от уха до уха. Он зачерпывает полную горсть попкорна из своего исполинского ведра и хомячит его.

Именно такое воспоминание и стоит сохранить надолго.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Благодарности

Огромное спасибо моим родителям, Бобу и Мэри за их любовь и поддержку; спасибо Уэсу и Мэтту, моим ужасным братьям, за то, что они лучшие в мире; Диан, за то, что читала каждую страницу, не важно, какой бы странной порой была книга.

Хочу сказать спасибо моим критикам, особенно Меган, Марлен, Редж и Энн, за их

постоянную поддержку.

Спасибо опытным леди Монике, Стейси, Ивлин и Холли за их критику и дружелюбие. Спасибо Шив, которая помогла осуществить мою мечту.

Также благодарю моего агента — Викторию Марини и редакторов Амею Нагараян и Аманду Руттер, за то, что они любят моих сложных персонажей, так же как и я. И остальным: Индийскому Пингвину и Станным Химикам, за их тяжелую работу, благодаря которой «Надлом» смог увидеть свет.

И наконец, спасибо Раффи, Бэйрду и девчонкам, компания которых подстегивала мое воображение. И Адаму, за его воображаемый зверинец.

[1] Жорж—Пьер Сёра́, Поль Синьяк – художники—неоимпрессионисты.

[2] Аса – (библ.) сын Авии, царь Иудеи, благочестивый и богобоязненный.

[3] Ні (привет) и Chi (имя персонажа — Хай) созвучны.

[4] Тефлон — отталкивающая поверхность.

[5] Фраза из фильма «Затерянные в космосе»

[6] По аналогии с Catwag

[7] DMV – Управление автомобильным транспортом.

[8] Прим.пер.: сочетание hungry (голодный) и angry (раздражённый)

[9] Детская присказка: Liar, liar, pants on fire - На лжеце штаны горят.

[10] Buck Commander - американское ТВ-шоу об охотниках

[11] Прим.пер.: «Поросычья латынь» — манера коверкать слова, переставляя первый согласный звук в конец слова и добавляя «эй»

[12] iBeacon — сервиса iOS, начиная с , позволяющий передачу данных между маяками (beacon) — и устройствами, поддерживающими , торговая марка